

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 44 ОКТЯБРЬ 1973

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 44 (2417)

27 октября 1973



ХЛЕБ Р



Семен ШУРТАКОВ

Не так давно в моих родных краях, на юге Горьковской области, мне пришлось быть свидетелем вот какой сцены.

Зашел я по какому-то делу к одной старой крестьянке. Сидим, беседуем, или, как у нас еще говорят, калякаем. Прибежали две девчушки-практикантки, которых колхоз незадолго перед тем определил к этой одинокой женщине на постой. Хозяйка собрала на скорую руку завтрак своим квартиранткам, а сама на минутку отлучилась во двор: то ли теленка напоить, то ли еще что-то по хозяйству сделать. И так получилось, что в отсутствие хозяйки зашла в избу соседка. Зашла, видит, девушки завтракают, и по старинному обычаю — прямо с порога:

— Хлеб да соль!

Девушки в некотором смущении поглядели друг на друга, затем перевели взгляд на стол, на котором стояла крынка молока и чашка вареных яиц, опять переглянулись, не зная, что и как ответить соседке.

Не будем строго судить девушек-горожанок. Вообще-то им, наверное, приходилось слышать, а может, в кино или по телевизору и видеть, как хлебом и солью и раньше встречали и по сей день встречают в России всякого желанного гостя, как подносят хлеб-соль тому человеку в знак доказательства сердечного к нему уважения и расположения. А откуда этот обычай идет и что он обозначает — это ведь нынче не одни те девушки не знают...

«Хлеб да соль!» — это было одновременно и приветствием для всех, кого пришедший находил за столом и за едой, и пожеланием, чтобы хлеб и соль на том столе не переводились.

«Хлеба кушать!» — было ответом пришедшему. То есть милости просим, садись с нами, ешь. И этим приглашением как бы каждый раз заново подтверждалось то особое свойство русского гостеприимства, которое по той же самой причине называлось — да и по сей день называется — хлебосольством.

Девушек-студенток привело в смущение то, что на столе были только молоко и яйца: при чем, мол, тут хлеб да соль? Но ведь и в стародавние времена на небогатом крестьянском столе рядом с хлебом тоже могли стоять и молоко и каша, хоть и не часто, по большим праздникам, но случалось, стояло жаркое из мяса или рыба, стояли картошка и огурцы, всякие соленья и варенья. И, однако же, и в приветствии-пожелании и в ответе речь шла почему-то об одном хлебе.

Речь шла о хлебе и потому, что он был главной крестьянской едой, и потому, что уж очень трудно он доставался крестьянину.

Вспомним-ка, сколько накопилось и выкристаллизовалось в народе в течение веков и веков самых различных толкований, присловий, поговорок, поверий, так или иначе связанных с хлебом!

«Хлеб — всему голова». «Старше хлеба никого нет». «Хлеб — батюшка, кормилец, без хлеба не обед». «Калач приестся, а хлеб — никогда». «Сколько ни думай, а лучше хлеба-соли не придумаешь». «Хлеб на стол — и стол престол, а хлеба ни куска — и стол доска».

Хлебом собирательно обозначалась и всякая пища человека и вообще все его житейские потребности. Мы и по сей день говорим: «заработать на хлеб», имея в виду, конечно, не только хлеб как таковой. Хлеб был когда-то даже синонимом ремесла или какого-то занятия. Кому не понятно выражение: «Не отбивай у него хлеб». Дать кому-то хлеб значило дать работу...

Хлеб крестьянину доставался трудно, и чего только не придумывал он, чтобы отвратить страшную беду — неурожай! Тут были и обряды, перешедшие от предков еще из далеких языческих времен, и молитвы-заклинания, и всевозможные приметы. Крестьянин гадал о будущем урожае и по звездам, и по инею, и по облакам. Если на рождество космата изморозь на деревьях, хорош будет цвет на хлебах, а если еще тот день выдастся и ясным — жди и хорошего урожая; если черны тропинки — урожай на гречу, небо звездисто — урожай на горох...

У современного земледельца все это может вызвать разве лишь улыбку. Ему нет нужды гадать по погоде о будущем урожае: наука вооружает его куда более точными и надежными метеорологическими прогнозами. У нынешнего крестьянина нет страха перед всевластной стихией, которая может и смилостивиться, а может и совсем оставить без хлеба. Если раньше в распоряжении крестьянина перед лицом сти-

ОССИИ

В нынешнем урожайном году особенно радостно отмечали хлеборобы свой праздник — День работников сельского хозяйства. Вот и в Лискинском районе, Воронежской области, испекли румяный, хрусткий каравай из нового хлеба. А вручить его почетным гостям, съехавшимся на торжество в совхоз «Высокий», доверили передовой работнице Полине Антоновне Терещенко.

Фото Б. ЗАДВИЛЯ.

хии были лишь соха да борона, серп да коса, то нынче он вооружен и наукой и всевозможными хитроумными машинами. Урожай и нынче может быть таким и таким. Но как бы ни складывалось лето — «недородов», «голодных годов» у нас не бывает.

И все-таки при всем при том следует признать, что хлеб и нынче достается земледельцу нелегко. Стихия нам и по сей день все еще неподвластна, а хлеб «делается» не в лабораториях, не в цехах под стеклянной крышей, а под открытым небом, и растит человек хлеб в полном и постоянном взаимодействии именно со стихией, с природой.

Наступает весна, и газеты пестрят шапками: весна торопит земледельца! Затем, соответственно, лето его торопит, осень торопит — все торопят. Хотя, если разобраться, прежде всего и больше всего торопится сам земледелец. Надо ведь не вообще посеять, а посеять в считанные дни, пока влага не ушла на небушко. Надвинулась уборка — ухватывай каждый погожий не только день, но и час, ведь хлеб-то надо положить в закрома не лишь бы какой, а сухой.

В тех же газетах, что ни год, можно прочесть: «Лето нынче выдалось трудное» или «особенно трудное». Но пусть кто-нибудь попробует припомнить, когда, в каком году лето для земледельца выдавалось легким! Таких не было, нет и, надо думать, еще долго не будет. Каждое лето — трудное, напряженное, беспокойное. Все по той же причине отсутствия стеклянной крыши над полем.

А еще в последнее время стало очень модным сочетание слов «природа» или «погода» с галантерейным словечком «каприз». Редкая статья на посевную или уборочную тему обходится без «капризов природы». Ну будто природа — этакая привередливая избалованная барышня, которая только и знает, что капризничает. Будто в какой-то книге или инструкций раз и навсегда установлены правила ее поведения, и когда выходит не по-писаному — значит, каприз. И когда я читаю про эти самые «капризы», то вспоминаю один разговор с председателем колхоза в моем родном селе.

Шли мы как-то с председателем с поля, от комбайнов. И когда уже подходили к току, вдруг ударил сильный, проливной дождь. Ну, мы-то встали под крышу и тот дождь переждали, а зерна на ток было навезено столько, что под навесы все не убралось, и несколько ворохов дождем накрыло.

— Ах, как не ко времени! — сказал я.

— Еще как не ко времени-то! — поддакнул председатель. — Уборка началась — любой дождь не ко времени. — Помолчал немного, поглядел в поля и неожиданно добавил: — А только и так скажешь: нужен дождь!

— То есть?

— Да ведь на этом поле убираем, а на том, — он показал на дальнее у леса, — на том-то сеем. А если положишь зерно в иссушенную землю — хорошего урожая на будущий год не жди...

Вот после этого и скажи, что погода в тот день капризничала! (Кстати уж: от самих земледельцев этого словечка по отношению к матери-природе я ни разу не слыхивал).

Речь надо вести не о каких-то придуманных нами капризах, а об огромной, требующей постоянного напряжения всех сил сложности земледельческого труда. Именно благодаря самоотверженной работе на полях наших славных колхозников мы год от года собираем добрые урожаи, несмотря на то, что и солнышко светит и дожди идут далеко не всегда по расписанию. Даже в прошлом, на редкость засушливом году и то был собран хороший урожай. В нынешнем уж и вовсе отменный.

А много хлеба — богаче, сильнее наша держава, все мы с вами богаче и сильнее, поскольку хлеб — основа основ нашего благосостояния. Вспомним, что хлебные колосья — в гербе нашего государства.

Скоро, совсем скоро, через какие-нибудь полторы недели, мы сядем за праздничные столы. И на тех столах, согласно вкусам хозяев и гостей, будут стоять самые разные яства: у кого сыр российский, а у кого рокфор; у кого жаркое по-домашнему, а у кого цыплята-табака. Будут на тех столах и колбасы всяких сортов, и ветчина, и рыба, и самые разные овощи и фрукты. И может даже так получиться, что так тесно заставят стол всякими бутылками и закусками, — а столы-то нынче узкие, малогабаритные, — может так получиться, что для хлеба места и не останется и, как это в таких случаях бывает, поставят блюдо с хлебом или на подоконник, или на книжную полку: кому нужно — попросит, и ему подадут.

И вот кто-то поглядит на такой стол, где хлебу места не нашлось, да, может, и скажет про себя или просто подумает: да какой же он главный, какой он насущный, самый необходимый, если и без него современный человек почти что обходится?! А людям среднего и пожилого возраста так врачи и вообще рекомендуют есть хлеба поменьше, а больше нажимать на молочные продукты. Устарела поговорочка-то?!

Нет, не устарела. Не устарела! Хлеб все еще главный. И с полным основанием один из наших собратьев по перу сказал про хлеб, что он — имя существительное. Он только за нашим столом «прилагается» к тому же цыпленку или жаркому, к сыру рокфор или колбасе салями, а если поглядеть чуть дальше стола и дальше подоконника, то мы увидим, что именно к нему, к хлебу, все прилагается, потому что и цыпленок, и мясо, из которого приготовлено жаркое, «делаются» не столько из зеленой травки, сколь опять же из хлеба, разве что хлеб этот зовется фуражным. Не будет хлеба вдосталь — не будет вдосталь ни молочных продуктов, ни мяса.

Так что, когда сядем за наши праздничные столы, давайте вспомним о тех, чьим трудом они украсились; вспомним наших пахарей, кормильцев страны словом нашей братской благодарности. И пожелаем вместе с ними, чтобы на нашем общем государственном столе хлеба всегда было вдоволь. Чтобы каждому гостю, приехавшему в нашу страну с добром и дружбой, мы всегда могли оказать наше, известное всему миру, русское хлебосольство, чтобы мы ему могли при встрече сказать идущее от сердца наше русское, наше советское:

— Хлеб да соль!



Хорош хлеб. Председатель колхоза имени Калинина, Герой Социалистического Труда Григорий Матвеевич Курилов.

Николай БЫКОВ

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Очерк, опубликованный еще зимой, назывался «Материнство земли» («Огонек» № 6 за 1973 год), и речь в нем шла о том, как удалось суздальским зерновикам восстановить плодородие в местах древнего нашего отечественного землепашества. Тогда, в канун весны, первый секретарь Суздальского райкома партии Василий Михайлович Ковалев охотно делился сокровенным: «У нас большие и ответственные обязательства. Задача — сдержать слово! Думаю, сдержим». И еще: «Я так скажу, наша зона до сих пор кажется загадкой, по существу, никто не знает, на что способно Владимирское Ополье...»

И вот минул еще один сельскохозяйственный год. Слово суздальцы сдержали. Загадка материнства земли, столь безжалостно выпаханной в недалеком прошлом, разгадана. В том-то и дерзость Суздаля, что упавшее было плодородие Нечерноземья в этом районе возрождено в кратчайший исторический срок. Сила агрономии и агрохимии, страстная заинтересованность землепашцев в труде осмысленном и плодотворном, ну, и, конечно, пробудившаяся ревность при каждодневных сообщениях об успехах южан, достигших урожаев «сам-двадцать», — все это в конце концов не могло не сказаться на результатах широко задуманного эксперимента. А Суздальский район тем и интересен, что к нему не первый год приковано внимание Министерства сельского хозяйства СССР, что это район бурной агрохимизации. Да ведь внимание вниманием, а главное в том, что удобрения, машины, высоких кондиций семена попали в хорошие руки!

Новая встреча с Василием Михайловичем Ковалевым. Теперь уже глубокой осенью, когда суздальские механизаторы отмолотились. Первый секретарь райкома не без гордости сообщил:

— В могучем российском каравае замешана весомая горсть и нашей суздальской муки. По сто пятьдесят пудов зерна взяли на круг! По сто пятьдесят... Преобразились поля... Я уж не говорю о таких хозяйствах, как колхоз имени XXII съезда КПСС. Да вы там были...

Мы встретились на этот раз в селе Порецком, в правлении колхоза имени Калинина. Ждали председателя. Скоро он приехал. Герой Социалистического Труда Григорий Матвеевич Курилов местный, порецкий. Участник Великой Отечественной войны. Председательствует уже двадцать два года. Знает каждого человека, каждый метр родной земли, каждую излучину тихой речки Нерли...

— Мильонный человек наш председатель. Мильонный!.. — охарактеризовала Курилова старая колхозница.

«Мильонный» надо понимать так — уж больно хороший человек, которому и цены нет... С именем Григория Матвеевича колхозники связывают становление артельной экономики в послевоенные годы. А районные организации

частенько обращаются к его опыту ведения хозяйства, взаимоотношений с землей.

Вот и в этом году колхоз намолотил в среднем чуть меньше двухсот пудов зерна с каждого гектара. А председатель признается Василию Михайловичу, первому секретарю райкома: могли взять хлеба больше, могли бы...

Уроки прошлого, столь засушливого года многому научили.

— Дело в том,— пояснил мне позже Василий Михайлович,— что земля и осенью была суха, сеять озимые в такую землю всегда рискованно — взойдут ли, раскустятся ли? Да какова еще будет зима? Тут уж в права вступает не инструкция, даже не рекомендации специалистов, а искусство землепашца. Так вот, большинство хозяйств района пошло на риск. Ставка на озимые себя оправдала, и район в целом зерна произвел восемьдесят три тысячи тонн! И все же некоторые поля оставили под яровые. Урожай ячменя тоже весо́м, тут прямая выгода, но вот ведь как бывает — именно нынешняя уборка сложилась так, что ячмень взять было нелегко, и ячменное поле понесло немалые потери...

Я столь подробное объяснение воспринял как иллюстрацию давно известной истины: год собирается по дням, урожай — по зернышку. Сказать, что обязательства по зерну перевыполнены, значит ничего не сказать или, во всяком случае, очень мало. А ведь дорог именно урок каждого поля, каждого дня — и в пору сева и в пору жатвы. И если нынешний год во многих областях страны был наиболее благоприятным, то для суздальцев он был нелегким. А хлеба взяли лишь на три тысячи тонн меньше, чем в 1971 году, памятном здесь идеальным стечением обстоятельств, погодных и прочих. Вот ведь как все сложно...

И когда члены правления колхоза имени Калинина, специалисты, лучшие шоферы и механизаторы собрались отметить День работников сельского хозяйства — при свечах и за расписной братиной медовухи,— то говорили во время чинного застолья уже не о тридцати центнерах с гектара, а о сорока. Да, в Суздале поздним октябрьским вечером шел разговор о кубанском урожае! Дерзость? Да еще какая!.. Но слушал я главного агронома Антонину Яковлевну Глотову, слушал главного инженера Георгия Федоровича Глотова, секретаря колхозной парторганизации Николая Ефимовича Вербицкого, комбайнера Валентина Михайловича Притуманова и думал: уверенность в «кубанском» урожае не под влиянием праздничной минуты — тут расчет заговорил. Расчет и глубочайшее убеждение в том, что если Нечерноземью дать полной мерой удобрения и побольше машин, то урожаи будут расти, а суздальская загадка перестанет таковой быть...

Геннадий Иванович Чуркин, начальник районного управления сельского хозяйства, меньше всего говорит о «загадках», его позиции куда реальнее. Итогам рад и он, но вот когда речь заходит о возможностях района, он обращается не к итогам, а к урокам. Геннадий Иванович не стал перечислять успехов и названий лучших хозяйств, имен агрономов, бригадиров — просто пододвинул мне соответствующую справку. А сам заговорил жестковато и весомо об упущенном. Да, конечно, работа на земле романтична. Геннадий Иванович и сам любит, как пахнет земля... Но организация труда на земле оставляет желать лучшего. Тут и проблемы звеньев, и аккордной оплаты, и большей связи между интересом личным и общественным. Одни хозяйства смело идут на необходимые перестройки, другие все еще работают по старинке. Качество труда и сокращение сроков работ — вот ключи, которые Геннадий Иванович Чуркин охотно бы роздал каждому председателю колхоза, каждому директору совхоза. Да только ли им персонально! Куда важнее, чтобы этими ключами к урожаю владели все звеньевые, все механизаторы. Сев иной раз длится вдвое дольше срока, отмеренного условиями конкретного года, а уборка, например, ячменя на иных полях так затягивается, что колосья устилают землю: ячмень ломок, и столь великая нагрузка на комбайн, какая до сего дня в районе, ни ему, ни пшенице не по нутру...

— Комбайны имеющихся у нас марок весьма низкопроизводительны. Они, по-видимому, не были рассчитаны на те урожаи, которые наши люди научились выращивать.— Эти слова я слышал не только от Г. И. Чуркина.

И все же назову асов суздальской жатвы-73: Константин Сасаев, Валентин Помещиков, Иван Гнидин — все трое из хозяйства Владимирской областной Опытной станции; Евгений Ковалев из колхоза имени XXII съезда КПСС; Виктор Медведков и Валентин Притуманов из колхоза имени Калинина. Да их десятки, лучших из лучших в районе. Но такой уж человек Геннадий Иванович, что исповедует старое правило: потехе — час, не больше, а делу — время.

Все время будней, все знания, вся воля — делу!

На околице Суздаля — музей древнего зодчества. Музей под открытым небом. Как и поля, как и далекая Нерль и леса за Нерлью. В тишине рождался первый неслышный снегопад. Стояли под снегом старые ветряные мельницы. Ложились на шатры снежинки. Рубленые восьмигранные срубы терялись в вышине. Пахло старым деревом и землей. Что им снится, этим мельницам, белым не от муки — от нового снега? Возы, сохи, зеленый ветер над полями?.. И сохи, и жернова, и возы — все это инвентарь музея. Осталась земля, все та же земля, знавшая и соху, и межи, и бурьяны забвения. Осталась земля, вечно живая, которую нельзя «списать» в музей. Земля, которая имеет свою историю, свое предназначение, свой неповторимый запах. По-моему, о ней, о земле — белые сны старых мельниц.

Слетали первые снежинки. Только что ушли с полей комбайны — и вот уже новый зеленый хлеб уходил под снег. Новый, 1974 год уже родился — в поле, там, где спят озими. Ибо вечно материнство земли. И завидна дерзость древнего, так нежданно помолодевшего Суздаля.

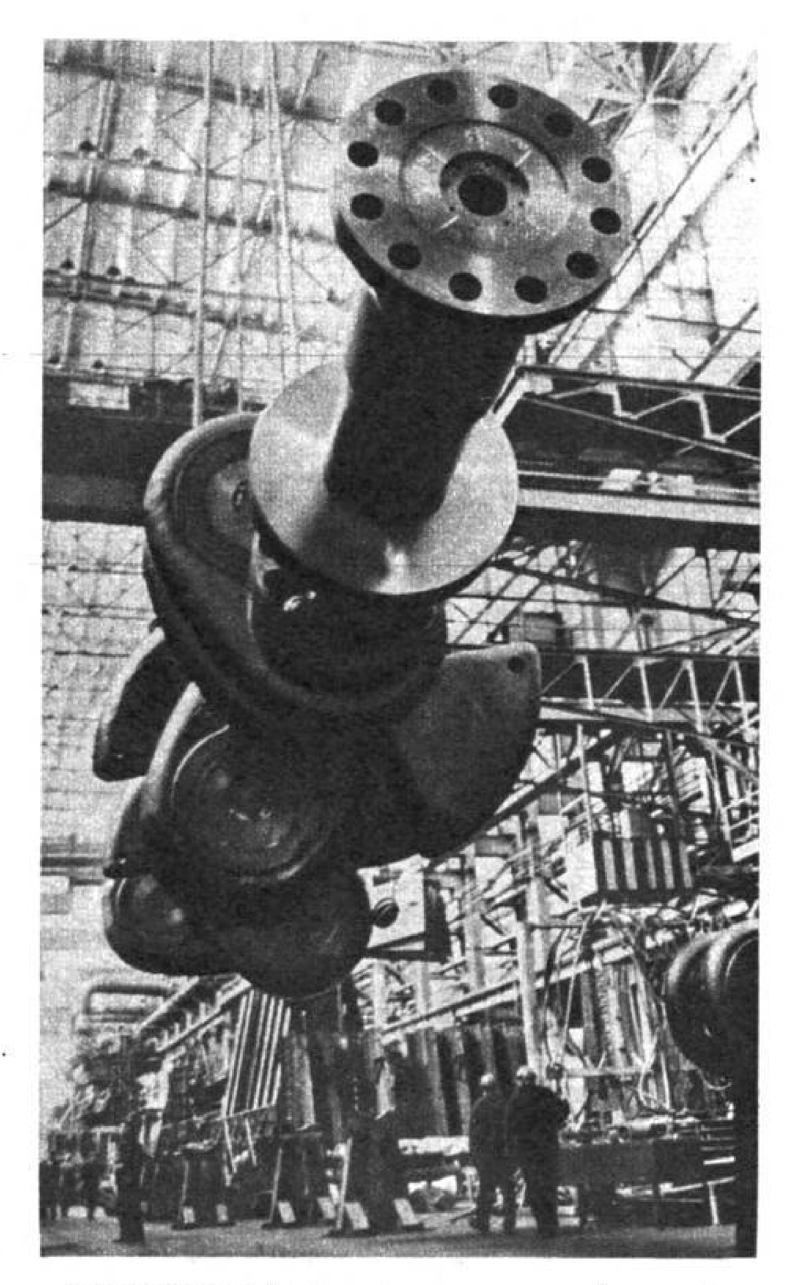
ДЕРЗОСТЬ СУЗДАЛЯ

Калачи, ситники и крендели выпекает Суздальский хлебокомбинат.



В доме Глотовых праздник: уборка кончилась! Мама Антонина Яковлевна — главный агроном колхоза имени Калинина, папа Георгий Федорович — главный инженер.





Брянский ордена Ленина машиностроительный завод. В дизельно-испытательном цехе.

Фото А. Бочинина.

НА ФИНИШЕ ТРЕТЬЕГО, РЕШАЮЩЕГО...

На днях было опубликовано сообщение ЦСУ СССР об итогах выполнения Государственного плана промышленностью страны за минувшие девять месяцев. Одна из главных особенностей этого периода — ускоренный темп развития нашей индустрии. Прирост производства за три квартала составил 7,3 процента против 5,8 по плану. Задание девяти месяцев по объему реализации и выпуску большинства важнейших видов продукции перевыполнено всеми министерствами, всеми союзными республиками.

Важно и то, что быстрее других развиваются те отрасли, которые определяют технический прогресс в народном хозяйстве,— машиностроение, химия и нефтехимия, электротехническая промышленность, приборостроение.

Эти успехи во многом определяются возросшей действенностью социалистического соревнования. Опыт передовиков свидетельствует об огромных резервах подъема производительности труда, заключенных в умелой организации производства, лучшем использовании техники, каждой рабочей минуты.

Вместе с тем из сообщения ЦСУ СССР следует, что положение еще не везде благополучное. Страна получила меньше, чем планировалось, готового проката, нефтеаппаратуры, деловой древесины, целлюлозы и картона, кожаной обуви и некоторых других видов изделий. Предприятия и организации ряда министерств не справились с планами научно-исследовательских работ, внедрения достижений науки и техники. А это сказывается на темпах роста производительности труда.

На финише года как никогда велико значение четкого взаимодействия всех звеньев производства и управления, бесперебойной работы системы материально-технического снабжения, крепкой дисциплины поставок. Успех общенародного дела зависит от вклада каждого коллектива, каждого человека. Поэтому так близко к сердцу принимают советские люди вдохновенные слова октябрьского Призыва ЦК КПСС: «Трудящиеся Советского Союза! Достойно завершим третий, решающий год пятилетки! Шире размах всенародного социалистического соревнования за успешное выполнение девятого пятилетнего плана!»

Алоис ИНДРА,
член Президиума ЦК КПЧ,
секретарь ЦК КПЧ,
Председатель Федерального собрания ЧССР



СЛУЖИТЬ ЖИЗНИ

«Мир» и «борьба» — разные по значению слова. Однако не случайно они часто стоят рядом. То, что империалистам не удалось за последние 28 лет разжечь новую мировую войну, является результатом трудной и упорной борьбы миролюбивых сил всей планеты. Я уверен, что московский конгресс станет важным рубежом в этой исторической битве. Он позволит еще теснее сплотить ряды борцов за мир на всех континентах. Решения конгресса должны прозвучать как призыв, который объединит всех честных людей под знаменем защитников жизни, радости, будущего, чтобы наши дети и внуки могли жить в мире, не боясь стальных «драконов», чтобы атомный гриб не заслонил солнце над ними, чтобы все выдающиеся технические открытия служили жизни, а не смерти.

Символично, что конгресс состоится именно в Москве, городе, который уже более полувека называют маяком социализма и прогресса. Успехи социалистического мирного наступления в период после XXIV съезда КПСС служат важным вкладом в дело мира. Экономическое могущество социализма, единство братских стран придают нам сегодня уверенность, что вопреки замыслам агрессоров человечество будет свидетелем установления справедливого мира и понимания между людьми.

Многое зависит от участия в движении за мир всех народов, государств — больших и малых и даже каждого человека в отдельности. Граждане нашей страны убеждены: победа в этой борьбе будет за нами, потому что мы не одиноки, потому что мы являемся членом большой семьи социалистических государств, в ногу с которыми шагают миллионы трудящихся земного шара. Сознание этого рождает чувство общей ответственности. Отсюда и тот интерес, который проявляют трудящиеся Чехословакии к встрече в Москве. У нас приняты резолюции в поддержку московского конгресса, люди берут в его честь повышенные трудовые обязательства. Каждый шаг, направленный на укрепление социализма и успешное развитие нашей Родины,— непреодолимое препятствие для черных планов империалистических агрессоров.

•

ОТ СТОКГОЛЬМА К МОСКВЕ

Джеймс ОЛДРИДЖ

Недавно я забрел в один из районов Лондона, где не был много лет. Проходя под старым железнодорожным мостом, я увидел на кирпичных опорах едва различимый лозунг. «Запретить бомбу. Подписывайте воззвание!» — гласил он. Буквы выцвели и покрылись таким толстым слоем знаменитой лондонской сажи, что разглядеть их было трудно. Но я хорошо знал этот лозунг, я запомнил его еще с 1950 года, когда он был начертан здесь каким-то горячим сторонником Стокгольмского воззвания, положившего начало кампании за запрещение ядерного оружия.

Я был членом английской делегации на сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира в Стокгольме и, оглядываясь теперь назад, в прошлое, думаю о том, насколько велико было значение Стокгольмского воззвания. Воззвание прозвучало в разгар «холодной войны», правящие круги и пресса Запада встретили его враждебно и со злобой. Миллион англичан, поставивших свои подписи под ним, сделали это вопреки оказывавшемуся на них огромному политическому давлению. Простые англичане, когда мы, сторонники мира, рассказывали им о воззвании, слушали с пониманием, несмотря на ожесточенную, порою прямо-таки бешеную кампанию в







▲ Группа делегатов из Индии.

Регистрация делегатов, прибывших на Всемирный конгресс миролюбивых сил.

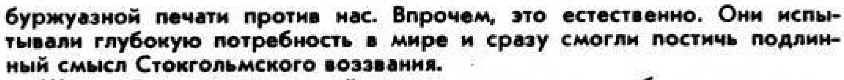


◀ Участники конгресса из Корейской Народной Демократической Республики.



Члены южновьетнамской делегации совершают прогулку по Москве. ▶

Фото А. Гостева и А. Награльяна.



буржуазной печати против нас. Впрочем, это естественно. Они испытывали глубокую потребность в мире и сразу смогли постичь подлинный смысл Стокгольмского воззвания.

Широкий отклик, который имело воззвание, особенно поражает, если вспомнить, что сплошь и рядом нам удавалось выступать с рассказом о нем перед порой лишь крошечными аудиториями, насчитывавшими двадцать, от силы тридцать человек.

Это было еще задолго до того, как Бертран Рассел изменил свое первоначально негативное отношение к запрещению атомного оружия и стал во главе кампании за ядерное разоружение. Но не Рассел возглавил рядовых сторонников мира, а они увлекли его за собой. Лишь пойдя за ними, он стал со временем одним из выразителей их чаяний. Рассел пересмотрел свои воззрения под влиянием успехов, достигнутых движением за мир. Таким образом, обширная кампания за запрещение ядерного оружия, ставшая столь популярной в Англии, зародилась много лет назад. Ее истоки — в Стокгольмском воззвании, к которому враждебно и презрительно отнесся британский «истеблишмент».

Меня часто спрашивают, какая польза в конференциях сторонников мира, нужно ли их созывать. Ответ простой. Мир — это дело многих поколений, недостаточно его желать, за него надо бороться.

Несмотря на достигнутые успехи в деле разрядки международной напряженности, на земном шаре все еще не спокойно. Мир еще не гарантирован. Поэтому особенно важна роль миролюбивых сил, которые должны постоянно обновлять и расширять свои ряды, укреплять свои организации с учетом изменяющейся ситуации, чтобы давать твердый и решительный отпор всем попыткам повернуть развитие истории вспять. Особенно теперь, когда империализм перед лицом своего окончательного кризиса прибегает ко все более гнусным и вероломным методам борьбы, чтобы продлить свое существование. Вспомним хотя бы о трагических событиях в Чили, где возникли все условия для уверенного, поступательного движения к новому, миролюбивому, социалистическому обществу. Империализм и внутренняя реакция нанесли жестокий, предательский удар, свергнув законное правительство Народного единства и потопив в крови свободу, демократию и стремление чилийцев к социально-экономическим преобразованиям.

Живя на Западе, мы каждый день видим подтверждение тому, что борьба за мир и борьба против империализма и колониализма составляют единое целое.

Вот почему московский конгресс должен будет наметить новые задачи для миролюбивых сил в соответствии с нынешней политической ситуацией, с насущными проблемами войны и мира. Движение сторонников мира в разных странах основывается на разуме и энергии преданных идее мира людей, пристально следящих за политической обстановкой в мире, а также за положением в своих странах. Всемирный конгресс необходим для обмена опытом и информацией тех, кто борется за мир. На конгрессе станет ясно, как оценивают проблемы войны и мира делегаты различных стран, что, по их мнению, приобретает сейчас первостепенное значение, каков должен быть следующий этап борьбы.

В Англии есть свои проблемы, которые привлекают пристальное внимание сторонников мира в нашей стране. Это, например, события в Северной Ирландии; попытки некоторых британских правящих кругов сорвать разрядку напряженности в мире; поддержка британскими монополиями расистских режимов в Родезии и Южной Африке. Правда, с другой стороны, сейчас уже не услышишь трескотни о «превентивной» войне против социалистических стран, как бывало в Англии в момент принятия Стокгольмского воззвания. Теперь же, хотят ли того консерваторы или нет, международная обстановка характеризуется разрядкой и широким стремлением к безопасности в Европе.

Важно отметить это отличие московского конгресса миролюбивых сил 1973 года от сессии в Стокгольме, проходившей в 1950 году.

С того времени шаг за шагом силы разума продвигались вперед. Шаг за шагом мир шел к осознанию огромного значения советской внешней политики, направленной против гонки ядерного вооружения, против «холодной войны», на ослабление международной напряженности.

Московский конгресс явится завершением долгого пути, на который мы вступили в Стокгольме. Но он ознаменует собой начало нового этапа, он определит наши задачи в борьбе за мир на грядущие десятилетия. Я предвижу, как, проходя под старым железнодорожным мостом, увижу новый лозунг на кирпичных опорах, рожденный плодотворными решениями Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве. И я уверен, что новый лозунг останется в силе еще двадцать и больше лет, как и страстный призыв времен Стокгольмского воззвания. До тех пор, пока нескончаемые, терпеливые усилия человечества приведут к достижению мира и свободы на Земле.

Лондон.

АПН специально для «Огонька».

ГОЛОС ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Матей ШОПКИН,
секретарь Союза болгарских писателей

Я принадлежу к поколению, родившемуся накануне второй мировой войны. Мою люльку раскачивали пороховые ветры, а первые шаги сопровождались грохотом танковых гусениц. Одновременно со словом «мама» мы выучили слова «мир», «война», «Россия». Шестилетним мальчишкой вместе с толпой сверстников встречал я советских бойцов-освободителей, вступивших в мое родное село. Никогда не забуду тот радостный день. Советский солдат взял меня на руки и подкинул высоко-высоко над своей головой. Лишь спустя годы я узнал о миллионах жертв, о невосполнимых потерях Советского Союза в годы второй мировой войны. Я узнал, что в Берлине воздвигнут памятник в честь воинов Советской Армии. Может быть, в честь того неизвестного солдата, который поднял меня на руки осенью 1944 года. Там застыл он в вечном молчании. И на руках его — спасенный ребенок. А спасенное дитя — это будущее человечества...

С самых ранних детских лет я сохранил одно воспоминание. У всех моих сверстников, с которыми я играл и носился по сельским дорогам, были дедушки и бабушки, которые рассказывали внукам сказки, покупали сласти и заботились о них. А куда девался мой дед? Я носил его имя и хотел, чтобы он был здесь, со мной, хотел слышать его голос. А он, молчаливый и серьезный, смотрел на меня с большого портрета, что висел на стене. Не помню, когда я узнал, что дедушку убили во время первой мировой войны. Отец ушел по дорогам второй войны. Тогда в глубине души у меня поселился страх. Огромный и невыразимый страх перед словом «война». Почему существуют войны? Почему убивают людей? За что убили моего дедушку? Я не мог найти ответы на эти вопросы.

Спустя годы, став взрослым, я изучал историю, читал романы и мемуары. Я знаю слова Владимира Ильича Ленина о том, что войны коренятся в самой природе капитализма. Но вся моя человеческая сущность восстает против убийства, голода, смерти — всего, что несет война.

Я вспоминаю один из вечеров фестиваля дружбы советской и болгарской молодежи, проходившего летом 1971 года в Киеве. Под звездным небом этого города мы, тысячи советских и болгарских юношей и девушек, возлагали гирлянды цветов к памятнику героям-воинам, воздвигнутому на берегу Днепра. И вдруг в тишине зазвучали величественные и грозные звуки: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...» Я замер. Казалось, в эти минуты весь советский народ поднимается на защиту своей земли, чтобы отомстить за убитых детей, за сожженные села и поля... И там, у памятника, я понял, что на нас, молодых, лежит большая ответственность. Ответственность за мир.

Сейчас моей дочери шесть лет. Каждое утро я вожу ее в детский сад. И покупаю свежую газету. Глаза мои упорно ищут политические новости. Я радуюсь, когда читаю: «Корабль «Союз-12» вернулся на Землю». И содрогаюсь, увидев заголовок «Кровавые репрессии в Чили продолжаются». Могу ли я быть спокойным, если тысячи и миллионы отцов и матерей на Земле находятся в постоянной тревоге?

Мне вспоминается строка из «Манифеста к народам мира», принятого Вторым Всемирным конгрессом сторонников мира в Варшаве 22 ноября 1950 года: «Мира не ждут — мир завоевывают».

Да, мы должны бороться, чтобы завоевать мир. Это неотъемлемый долг каждого честного человека на Земле. Во имя этого и собирается в Москве Всемирный конгресс миролюбивых сил. Его голос — это голос всего прогрессивного человечества.

София.

Агентство «София-пресс» специально для «Огонька».



МАКСУ РЕЙМАНУ — 75 ЛЕТ

КОММУНИСТ С ПЛАМЕННЫМ СЕРДЦЕМ

Макс Рейман — это имя широко известно и в ФРГ и далеко за ее пределами. Оно вмещает в себя многое: почетный Президент Германской коммунистической партии, видный деятель международного коммунистического и рабочего движения; несгибаемый антифашист, пламенный пропагандист марксистско-ленинских идей, интернационалист, большой друг Советского Союза. Все это раскрывает удивительную цельность натуры человека и борца, которому 31 октября 1973 года исполняется 75 лет. Макс Рейман встречает этот юбилей, как всегда, в гуще жизни, на переднем крае борьбы за великое дело и счастье людей труда.

Мы сидим в его скромной дюссельдорфской квартире на Кирхенфельд-штрассе. За окном временами лязгает трамвай, заставляя несколько повышать голос. Было не просто застать товарища Реймана дома. Не счесть вечеров, занятых у него партийной работой, от низовой ячейки до руководящих органов ГКП.

На столе лежит сигнальный экземпляр книги «Решения 1945—1956 годов». Два года работал над ней товарищ Рейман. Книга рисует борьбу возглавлявшейся им партии коммунистов в первый послевоенный период, содержит марксистский анализ развития ФРГ на том этапе, разоблачает антинародную и антинациональную сущность адэнауэровской политики.

Макс Рейман щедро делится своим богатым опытом борьбы. Он часто выступает на конференциях, собраниях, встречается с молодежью.

— Радостно видеть,— говорит он,— как растут притягательные силы коммунистических идей даже в таких странах, как ФРГ, где монополии многие десятилетия нагнетали антикоммунистический дурман. Молодежь чувствует несправедливость капиталистических порядков. Она ищет выхода из кризиса буржуазного общества, обращаясь к идеям социализма, которые уже воплощены в братском содружестве социалистических государств, в том числе в Советском Союзе и Германской Демократической Республике. Нельзя не заметить растущего интереса молодежи к марксистской литературе. Немало молодых людей определяют свой жизненный путь, вступая в ряды Коммунистической партии.

Макс Рейман вспоминает:

— Моими университетами были забастовки. Первая — когда я был молодым клепальщиком на верфи. Затем мировая война, весть о победе социалистической революции в России, сражения с реакцией в Руре. В 1923 году к нам в Рур дошли ленинские труды. Помню, как мы вчитывались в «Детскую болезнь «левизны» в коммунизме». Я и сейчас знаю почти весь этот труд на память. Бывает, вдруг столкнешься на собрании с каким-нибудь маоистом — на помощь приходят труды Ленина. Его произведения для нас, коммунистов,— неотразимое, разящее оружие. Ленинские аргументы всегда берут верх в схватках с политическими противниками.

Беседуя с товарищем Рейманом, чувствуешь большую внутреннюю энергию этого человека; она в молодом блеске глаз, в интонации голоса, в его жестах. Позади почти шесть десятилетий активной борьбы за дело рабочего класса, тяжелейшие годы, проведенные в гитлеровских застенках, напряженнейшая политическая деятельность. Что вдохновляло его, что придавало силы в жизненных испытаниях, крепило уверенность?

— Идеи Маркса, Энгельса, Ленина,— отвечает товарищ Рейман,— убежденность в их торжестве, в справедливости дела рабочего класса, дела мира, свободы и социализма. Меня всегда вдохновлял социализм, впервые победивший в Советском Союзе. СССР для меня всегда был, есть и будет второй родиной, моим родным домом,— подчеркнул Макс Рейман.

Когда я поздравлял товарища Реймана с приближающимся юбилеем, он заметил:

— Конечно, это веха. Но жизнь идет вперед, и я впредь не пожалею сил ради дела рабочего класса, социализма, ради дружбы с Советским Союзом.

Евгений ГРИГОРЬЕВ



СПРАВЕДЛИВОСТЬ ДОЛЖНА ВОСТОРЖЕСТВОВАТЬ

Анатолий АГАРЫШЕВ

Бои на Ближнем Востоке показали, что Израиль больше не обладает военным превосходством над арабскими странами, как это было в июне 1967 года. Он недооценил их возросшую боевую мощь. И вот теперь, когда арабские народы продемонстрировали перед всем миром мужество и умение владеть современным оружием, способность и готовность идти на жертвы, Израиль делает все, чтобы скрыть свои истинные потери: принижает количество убитых и раненых, потерянной техники, препятствует иностранным корреспондентам посещать прифронтовые районы.

Сейчас израильская пропаганда признает, что на египетском фронте имели место крупнейшие бои на Ближнем Востоке, что с каждым днем война приобретала все более кровопролитный характер. По оценкам западных военных обозревателей, только до начала синайской танковой битвы, продолжавшейся несколько дней, Израиль потерял более трех тысяч человек.

На ведение подобной войны Израиль тратил миллионы долларов ежедневно. Нести такие расходы было бы непосильно, если бы международный сионизм не открыл ему свой бездонный карман.

Правители Израиля не хотели примириться с реальностью и уйти с оккупированных арабских территорий. Они хладнокровно посылали на бойню десятки тысяч людей, они тратили огромные средства на цели, весьма далекие от интересов населения страны.

Хотя Израиль и пытается оправдать свои территориальные притязания надуманной «стратегией безопасности», его политика носит откровенный империалистический, захватнический характер. Ведь «безопасность» Израиля, как заявляют его правители, требует ни много ни мало — обширных арабских территорий: Синая, Голанских высот, западного берега реки Иордан. Такие требования не имеют под собой никакой почвы. «Стратегия безопасности», выдвигаемая сионистами из Тель-Авива, служит оправданием для правящих кругов Израиля, для его перманентной агрессии против арабских стран.

Поэтому и в условиях прекращения огня нужно, чтобы Израиль неукоснительно выполнял резолюцию Совета Безопасности о выводе израильских войск с оккупированных арабских территорий, потому что только это условие может обеспечить успех предстоящих переговоров по установлению мира на Ближнем Востоке.

Теперь уже ясно, какую бы позицию ни занял Израиль, как бы ни развивались дальше события — Тель-Авиву не удастся безнаказанно совершать агрессию против соседних арабских государств. Даже внутри Израиля растет недовольство авантюристической политикой его руководства. Отражением этого недовольства было письмо матерей и жен израильских военнослужащих, опубликованное французской газетой «Монд»: «Мы, матери и жены израильских солдат, очень обеспокоены судьбами наших близких. Мы не хотим остаться вдовами, не хотим оплакивать своих сыновей. Мы требуем немедленно прекратить кровопролитие, избежать новых разрушений».

Руководители арабских государств заявили ясно и четко: они ведут борьбу не в целях уничтожения Израиля, а за возвращение своих оккупированных земель, за свои права, подтвержденные резолюцией Совета Безопасности. Такая позиция находит поддержку на международной арене. Арабские страны проявили солидарность, объединив свои усилия в борьбе против агрессии. Многие африканские государства порвали свои отношения с Израилем, поддержав тем самым арабские народы. Международная изоляция Израиля стала еще одним свидетельством решительного осуждения мировой общественностью агрессивного курса Тель-Авива. Даже империалистические круги западных стран начинают проявлять недовольство своим вассалом.

Вот этого-то недовольства больше всего боятся правители Израиля. Они понимают, что крах мифа о непобедимости Израиля наносит удар по сионизму. Сионисты боятся, что им теперь не так-то легко будет снабжать Израиль «пушечным мясом», что международные монополии будут без прежнего удовольствия «подставлять им свой карман». Те, кто находился в течение многих лет под впечатлением израильской пропаганды и его военных побед, вдруг увидели, что «король голый».

В интересах мира на Ближнем Востоке Совет Безопасности ООН принял резолюцию, призывающую все стороны, участвующие в нынешних боевых действиях, прекратить всякий огонь, а также прекратить все военные действия немедленно. Резолюция призывает заинтересованные стороны начать немедленно после прекращения огня практическое выполнение резолюции Совета Безопасности 242 во всех ее частях. Резолюция также постановляет начать немедленно и одновременно с прекращением огня переговоры между заинтересованными сторонами.

Справедливый мир на Ближнем Востоке должен восторжествовать!

Дамаск (по телефону).



22 октября на срочном заседании, созванном по просьбе Советского Союза и Соединенных Штатов, Совет Безопасности принял резолюцию по Ближнему Востоку, предложенную Советским Союзом и Соединенными Штатами.

На снимке: во время голосования в Совете Безопасности.

Телефото ЮПИ—ТАСС.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

«Миллионная» Карин

12 октября в Москву по путевке «Райзе-бюро» прибыла миллионная туристка из ГДР. Ею оказалась 19-летняя Карин Аберт, член СЕПГ, агротехник кооператива Бад-Теннштедт. У себя в кооперативе Карин организовала молодежную бригаду, которая заняла первое место в социалистическом соревновании комбайнеров в округе Эрфурт.

Вместе с Карин в туристской поездке по нашей стране принимают участие 19 победителей соревнования за высокий урожай в ГДР и сопровождающая их группа журналистов.

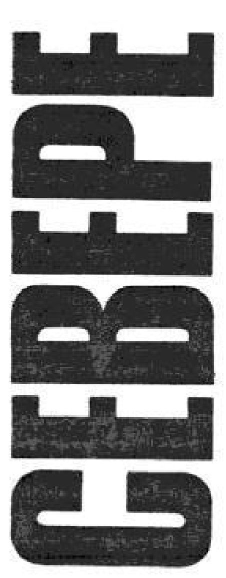
П. ВЛАДИМИРОВ

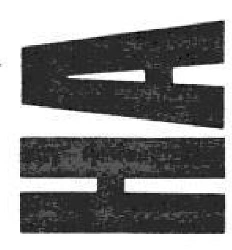


Карин Аберт получает традиционный подарок от работников гостиницы «Белград».

Фото А. Гостева.

НА СЕВЕРЕ НАШЕМ...





Б. СМИРНОВ

Фото А. НАГРАЛЬЯНА,

специальные корреспонденты «Огонька»

Обложка этого номера «Огонька» и цветные фотографии на вкладке посвящены Эвенкийскому национальному округу. Несколько снимков, конечно, не могут дать полного представления о богатой, своеобразной и многоликой эвенкийской земле. Как показать то, что осталось «за кадром»? Как рассказать о сложном историческом пути эвенков, о стремительном темпе сегодняшней жизни народа?

Прокомментировать фотографии мы попросили человека, для которого история Эвенкии слилась с его собственной судьбой,— уроженца этой земли, доктора исторических наук, депутата Верховного Совета СССР, первого секретаря Эвенкийского окружного комитета КПСС ВАСИЛИЯ НИКОЛАЕВИЧА УВАЧАНА.

Василий Николаевич берет в руки снимок буровой на Подкаменной Тунгуске (эту фотографию вы видите на последней обложке журнала).

— В район Куюмбы я прилетел сразу же, как только узнал о событии, случившемся здесь,— рассказывает В. Н. Увачан.— Двенадцатого сентября 1973 года тут ударил из-под земли мощный фонтан природного газа. Уже много лет геологи исследуют недра Эвенкии, и вот победа! Этот день исторический в судьбе нашего народа, он знаменует новый этап в освоении советского Севера. Есть газ — значит, должна быть и нефть! Геологи считают, что Сибири, и особенно междуречью Енисея и Лены, надлежит стать новой ареной крупнейшего наступления на нефть. Представляете, какие перспективы открываются перед Эвенкией? Конечно, работы впереди еще много, работы отнюдь не легкой. Освоение Севера называют великим подвигом нашего народа. И подвиг этот необходим. Помните, как у Ломоносова? «...Там, у Студеного моря, богато царствует натура, но оные руды и минералы сами к нам не придут». Гениальный ученый как бы предугадал силу советского человека: «...ни бури, мразом изощренны, ни волны, льдом отягощенны, против его не могут стать!» И мы счастливы видеть в рядах покорителей Севера тружеников Советской Эвенкии.

— Получается так, Василий Николаевич, что эвенки скоро будут именоваться «нефтяными королями». До будущего в общем-то один шаг. А ведь вы, наверное, помните и прошлое этих мест?

— Мне выпало стать ровесником Октября — родился я в семнадцатом году. Мне еще пришлось увидеть старую жизнь, она ушла отсюда не сразу. Мы с матерью и братом вели обычное кочевое существование: чум, немного оленей, лодка-берестянка, кремневое ружье... Вокруг бескрайняя тайга, бездорожье. Земля для охоты и выпаса оленей принадлежала у нас отдельным родам. Таким образом эвенки пришли в социализм прямо из периода родоплеменных отношений. И произошло это при жизни всего одного поколения!

Недавно, навещая геологов, я попал в свои родные места, где я охотился в свое время. Даже берег узнал, на котором мы чум когда-то ставили... Геологи говорят: там залежи исландского шпата, очень ценного минерала. Представляю, как бы мы, бедняки из бедняков, удивились, если бы кто-то нам тогда сказал, что у нас под ногами богатство... До планомерных исследований Севера было еще далеко. Только энтузиасты да ссыльные приходили в тайгу — мой дед был когда-то проводником у ссыльного польского революционера, одного из первых исследователей Сибирского плоскогорья, Александра Чекановского. Царское правительство не предоставило Туруханскому краю, как он тогда назывался, никаких возможностей, кроме одной — стать каторгой.

— А вот иные буржуазные социологи утверждают, что в наш век малые народности могут успешно развиваться при любой формации...

— Да если б не Октябрьская революция, наш народ уже исчез бы с лица земли! Накануне ее на Севере стал развиваться торговый капитал; он, как известно, способствует некоторому развитию производительных сил, но до определенного предела. Этот предел мне удалось наблюдать во время заграничных поездок — на севере Канады и у норвежских саами. Вот что сказал известный журналист Ральф Паркер о гибели эскимосов Канады: «Смертельное дыхание капитализма сделало то, чего не может сделать ледяной холод Арктики: оно убило целый народ, честный и трудолюбивый, со своеобразной национальной культурой». Какая трагедия! И нашим отсталым народностям грозило то же самое, если бы к нам не пришла Советская власть.

— Как вы считаете, фотография ансамбля «Осиктакан» имеет отношение к нашему разговору?

— Самое непосредственное. Развитие национальных культур — одно из самых ярких проявлений одаренности и силы народа, его духовного подъема. Наш ансамбль самодеятельный, его вызвала к жизни тяга народа к музыке, танцу, к художественному осмыслению происходящих в жизни явлений. Ленинская национальная политика нашей партии строится на чутком, бережном отношении к культурным завоеваниям даже маленьких народов. Советский строй не только сохранил прогрессивные традиции, обычаи, но и развил их на социалистической основе. Была создана письменность даже тех малых народов, численность которых не превышала тридцати тысяч. Где, в какой еще стране это возможно? Теперь и у нас, в Эвенкии, выросла уже своя интеллигенция.

— «Осиктакан» — что это значит?

— Осикта — Полярная звезда. И ансамбль в переводе называется «Звездочка». Обратите внимание: на снимке молодежь разных национальностей. В ансамбле есть эвенки, русские, украинцы, якуты... Репертуар у них тоже интернациональный.

— А с чего началось ваше личное приобщение к культуре?

— Прежде всего с уважения к моей первой учительнице. На всю жизнь запомнил ее имя: Владислава Михайловна Лубкина. Трудно даже представить, в каких невероятно тяжелых условиях работали первые русские люди, несшие эвенкам свет знаний. Они достойны самой высокой награды... Богачи, шаманы ненавидели нашу учительницу. Школу подожгли, там погибло много детей, и среди них — дочь Лубкиной. Но учительница не уехала с Севера, продолжала свое благородное дело. Спустя много лет, когда я уже сам читал лекции, в числе моих слушателей оказался сын Владиславы Михайловны...

— Где сейчас получает высшее образование эвенкийская молодежь?

— В вузах Москвы, Ленинграда, Красноярска, Иркутска, Новосибирска, Томска и многих других городов. Но особенно теплые слова я хочу сказать о Ленинграде. Для нашего народа город Ленина — колыбель национальной культуры. Здесь в 1925/26 году был создан первый северный рабфак. Его слушатели — ненцы, эвенки, чукчи, якуты — начинали с того, что обучались русскому языку и грамоте. Потом получали глубокое, всестороннее образование. И, вернувшись домой, становились ядром партийного и советского актива молодой национальной интеллигенции.

— Василий Николаевич, многие ли из тех северян, что обучаются в вузах страны сейчас, возвращаются домой?

— Да все! Я не знаю случая, чтобы кто-то, получив специальность, не вернулся в родные места. Посмотрите на наших ведущих специалистов, на директоров совхозов, на врачей, учителей, партийных и советских работников — это все уроженцы Эвенкии! Тяга к образованию стала одной из отличительных черт нашего народа. Вот на фотографии охотник Николай Панкагир. Он еще молодой, но достиг многого: стал передовиком, его избрали членом окружкома комсомола, послали делегатом на фестиваль в Берлин. И, знаете, с каким призывом к молодежи обратился он сейчас? Николай сказал: «Бить зверя может любой. Но вести охотничье хозяйство на научной основе, знать и понимать все, что происходит на нашей земле, неграмотный человек не в состоянии. У меня восемь классов средней школы, но теперь этого уже мало. Задача молодых—учиться. И тогда мы станем настоящими хозяевами...» Николай Панкагир прав: стоящие перед нашим народом хозяйственные проблемы под силу решать только образованным людям. Северу нужны грамотные, знающие специфику этих мест строители, геологи, транспортники и многие другие специалисты. Нам предстоит в ближайшие годы осуществить план комплексного развития Эвенкийского национального округа.

— Этот план предусматривает развитие традиционных отраслей хозяйства, например, оленеводства?

— Да, оленеводству в жизни Севера по-прежнему отводится важная роль. Надо сказать, что с этой отраслью хозяйства у нас было не все гладко. Несколько лет назад мы понесли серьезные потери, но последние два года оленеводство вновь на подъеме. В 1972 году поголовье оленей повысилось на 3,3 процента, в нынешнем году надеемся увеличить его на 4—5 процентов. Хорошо, что на снимке есть наш передовой оленевод — коммунист, бригадир оленеводческой бригады Байкитского совхоза Аркадий Артемьевич Делюбчин. За свой труд он награжден орденом «Знак Почета».

Радуют меня и снимки, на которых видно, как добывают исландский шпат. Это ценнейший минерал, применяемый в оптической промышленности. Шпату нашлось место и в космической технике. И это вселяет гордость в сердце каждого жителя Эвенкии: в космические выси взлетает кусочек нашей Земли...

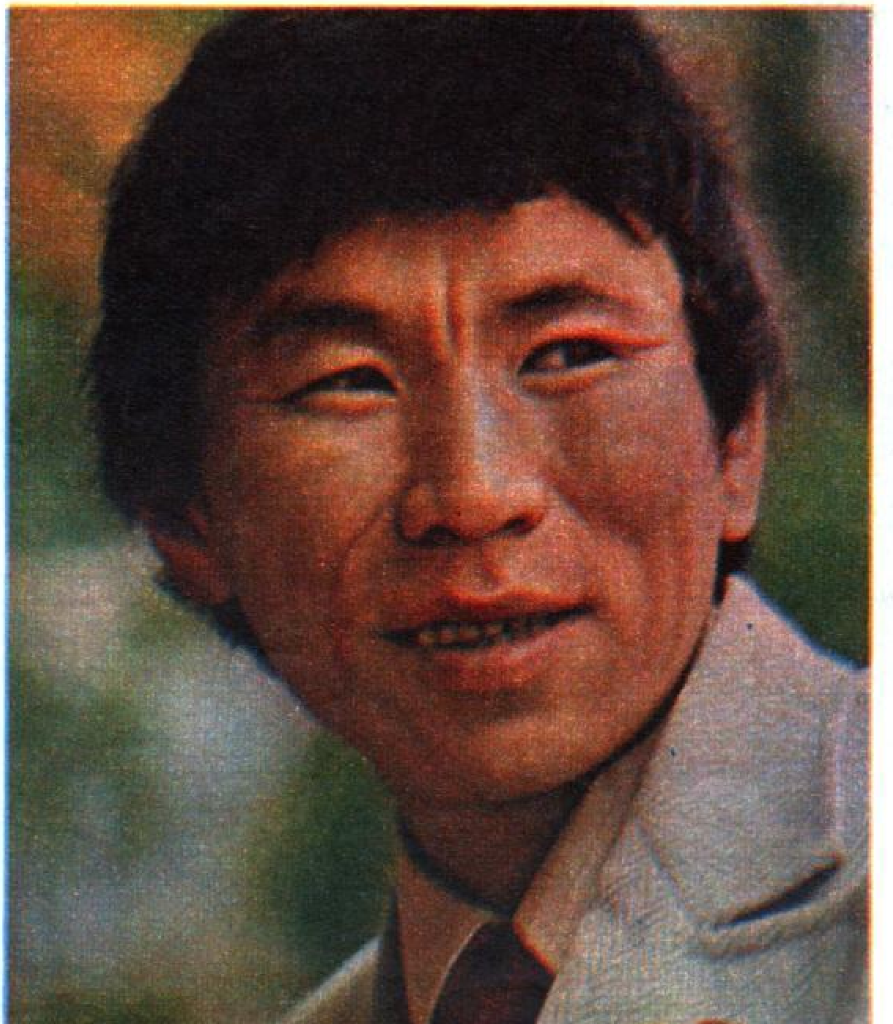
Многое еще можно было бы сказать о жизни нашего национального округа. Но я хочу выделить главное: в братской семье народов СССР труженики Эвенкии, ведомые ленинской Коммунистической партией, сделают все, чтобы успешно решить задачи, поставленные XXIV съездом КПСС.

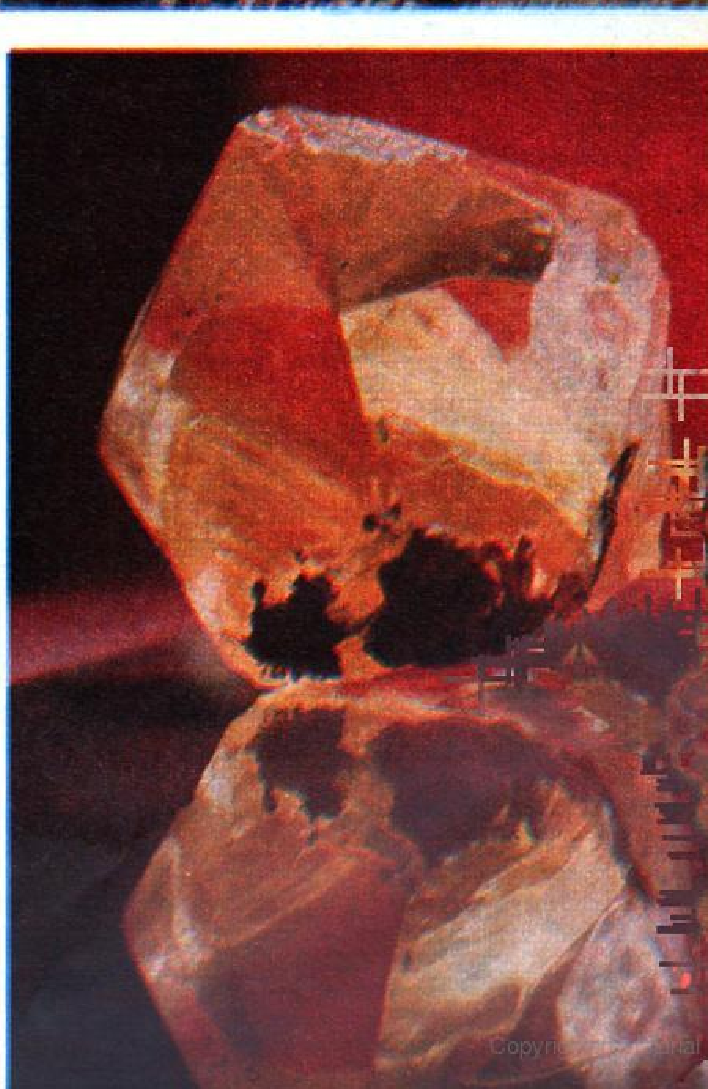
Юрий Русаков и Михаил Земляникин — проходчики горных выработок.

Знатный охотник Николай Панкагир.

Кристалл исландского шпата.

На обороте вкладки: Лучший оленевод Эвенкии Аркадий Делюбчин.







«СВОЕ СЕРДЦЕБИЕНЬЕ ОТДАЮ!..»

Эта строка появилась в стихах Льва Кондырева, когда за его плечами было уже четверть века поэтического труда. Именно значительность «стажа» работы позволила поэту написать:

И снова труд, и снова
я в строю...
Вам, люди, до последнего
удара
Свое сердцебиенье отдаю!

Подобные строки у поэта отграничиваются не сразу, и мной не случайно употреблено это слово — «работа», ибо без нее — кропотливой и старательной — мне почему-то не мыслится литературная деятельность автора более чем двадцати стихотворных сборников, предшествовавших томику «Избранного».

Собственно, однотомник этот стал обобщением многих вышедших в свет книг поэта, и иные его разделы даже повторяют их названия — «Стрела», «Земное притяжение любви». С другой стороны, в «Избранном» отразилось завидное тематическое разнообразие, отличающее лирику Л. Кондырева: в каждом из десяти его циклов заключено довольно полное решение какой-то локальной темы.

Поэту довелось изрядно поколесить по нашей стране. Естественно, он не мог не написать о полюбившихся ему заповедных ее уголках, ставших его живой памятью, а в книге — «Памятью сердца». Разнообразие и красочность ее передаются и нам.

То графикою сосен,
То музыкой травы,
То акварелью весен
Тончайшей синевы...

Или вот проникнется поэт заботой о вечных, а порой и очень верных спутниках людской жизни, о «братьях наших меньших»,— и появляется удивительно трогательная по тону стихотворная подборка «Рядом с нами». Суть ее Л. Кондырев с полным основанием мог бы определить известной есенинской строкой: «Для зверей приятель я хороший...»

Но особенно значителен по теме и повышенной степени выразительности, на мой взгляд, центральный раздел однотомника, названный одним емким словом — «Наследственность». В нем убедительно раскрыта причастность поэта и к древней нашей истории и к жизни потомков, в которой, как он метафорически убежден, что-то — присущее только ему, поэту,— повторится:

В какой-то год —
Три тысячи сто первый,
Бессмертный,
Словно Кин
Иль Навои,
Припомню, как,
Терзая мозг и нервы,
Писал вот эти
Строки я свои...

Родившийся в городе оружейников Туле, Лев Кондырев становлению своему как поэта обязан Сибири, где он прожил много лет. Но и иные края не миновали его пристального поэтического взгляда. Об этом свидетельствует хотя бы звонкий и выразительный цикл стихов «Шагают Карпаты», в котором воспет ярко своеобразный уголок нашей страны.

Впрочем, в кратком слове едва ли охарактеризуешь каждый из десяти стихотворных циклов, вошедших в «Избранное». Подробного разговора, видимо, заслуживают и поэмы Л. Кондырева, особенно его дилогия «Повесть романтических лет».

Однако, на мой взгляд, следует упомянуть и о том, что несколько условное деление книги на локально-тематические разделы имеет и свои негативные стороны. Иной раз темы в отдельных подборках правильно намечены, но глубоко не раскрыты. Если, например, в названном выше цикле о Карпатах поэт сумел как художник освоить новый для него уголок нашей Родины, то в подборке «Сестра моя Болгария» он подошел к изображаемому не так глубоко.

Однако, как мне кажется, эти издержки композиционного построения книги лишь отчасти умаляют ее в общем немаловажное значение. «Избранное» все-таки станет вехой на многотрудном пути поэта, и эта веха будет замечена читателями, которые и раньше интересовались творчеством Льва Кондырева.

О. ЗВЕРЕВ

Лев Кондырев «Избранное». Издательство «Художественная литература», М., 1973.

ПРАВДА ЖИЗНИ И ПРАВДА ИСКУССТВА

Передо мной недавно вышедшая в издательстве «Современник» книга Ю. Барабаша «Вопросы эстетики и поэтики».

Ее главный пафос — в пристальном внимании автора к тому, что составляет сердцевину художественного творчества, лежит в основе истинно народного, партийного искусства.

«...В современной мировой художественной культуре,— пишет Ю. Барабаш,— нет и быть не может единства идейных и эстетических позиций; борьба двух идеологий — социалистической и буржуазной — не прекращается ни на минуту, и литература в этой борьбе выступает как один из основных видов оружия».

Взаимоотношениям искусства, идеологии, политики посвящена первая глава книги. На основе глубокого анализа работ В. И. Ленина автор приходит к важнейшему выводу о «неразрывности политического, идеологического и эстетического аспектов проблемы» партийного руководства искусством.

В связи с этим Ю. Барабаш отводит значительное место вопросу о народности. «...Эта эстетическая категория,— пишет он,— представляет собою поле острой идейной битвы, арену столкновения враждебных сил. Это тот „узелок", где художественное творчество накрепко и неразрывно переплетено с борьбой идей... Через сферу народности пролегает один из принципиальных водоразделов между буржуазной и социалистической идеологиями». Автор подчеркивает органическую связь между принципом народности и категорией эстетического идеала, так как идеал художника определяется его местом в обществе, единством его интересов с интересами народа. Народность возникает при «слиянии идеала художника с идеалами народа».

Напрасны усилия буржуазных ученых отделить политику от искусства, поколебать веру в реализм, в ленинские принципы коммунистической партийности. «В искусстве важно не только то, что именно и как изображается, но и во имя чего изображается»,— говорит автор. Наличие таланта, мастерства, знаний еще не приводит к желаемому результату. И только тогда, когда в силу вступают убеждения, гражданская совесть, соображения политического, классового порядка, художнику открывается верный путь к отбору материала и к обрисовке характеров.

Понятие полноты изображения действительности Ю. Барабаш ставит в прямую зависимость от авторской позиции художника.

Произведения же, в которых угадывается главное направление нашего искусства, его способность уловить соотношения света и тени, запечатлеть героизм нашей эпохи, красоту социалистической действительности во всем ее многообразии, расцениваются как свидетельство новаторских достижений социалистического реализма.

Героическое в литературе Ю. Барабаш связывает с народными устремлениями к лучшей жизни, к красоте подвига. Он говорит о романтике как об органической части социалистического реализма, которая «не приводит к отрыву искусства от земли» и не ставит преград для создания глубоко правдивых художественных произведений, а, напротив, помогает видеть жизнь в перспективе, в постоянной готовности к обновлению.

Отвечая тем писателям и критикам, которые не так давно поддерживали «теорию дегероизации», Ю. Барабаш расценивает ее как «отступление от принципа народности», ибо «народ всегда усматривал и усматривает свой идеал человека прежде всего в личности борца». Что ж, к этому добавить нечего: сама жизнь, последующее развитие литературы подтвердили всю нелепость теории «дегероизации» с ее апологетикой так называемого «маленького» человека...

Касаясь вопросов литературного мастерства в третьей главе книги «Прост, как правда», Ю. Барабаш выдвигает на первый план требование художественной красоты, ясности выражения. Это требование диктуется «нашим пониманием задач искусства, призванного открывать человеку правду об окружающем мире, поднимать его на борьбу, приносить ему радость, эстетическое наслаждение».

Я обратил внимание лишь на некоторые, существенные, на мой взгляд, стороны рецензируемой книги, наиболее общие исходные позиции критика, которые распространяются у него не только на эстетику, но и на поэтику, на анализ художественной формы, языка, метода, стиля, критику чуждых марксистской науке формалистических упражнений структуралистов. Этого достаточно, чтобы получить представление о ней как о значительном явлении нынешнего литературного года.

Мих. РУКАВИЦЫН

Юрий Барабаш «Вопросы эстетики и поэтики». Издательство «Современник», М., 1973.

ЖАРКИЙ ФЕВРАЛЬ

Почти все творчество известного грузинского писателя Григола Чиковани связано с Одиши, небольшим районом Мингрелии, находящимся между горами и Черным морем. Из года в год писателем создавались произведения, составившие впоследствии знаменитый цикл одишских рассказов.

Присоединение к России открыло новую страницу в истории Грузии и дало новую жизнь грузинскому революционно-освободительному движению, которое отныне пошло рука об руку с борьбой русских рабочих и крестьян. Повесть «Февраль»[1] Г. Чиковани посвящена именно этой теме — теме революционной борьбы.

Русский читатель мог впервые ознакомиться с повестью в сборнике «Вадилаи — вадила», выпущенном издательством «Художественная литература» в 1972 году.

«Февраль» — картина борьбы руководимого большевиками крестьянства за землю, волнующая летопись классовых битв, разгоревшихся в двадцатые годы в грузинской деревне. Само название исполнено глубокого смысла. Февраль в Грузии — переломный месяц напряженных весенних полевых работ, и как раз в феврале 1921 года совершилось событие исключительного значения: было свергнуто контрреволюционное меньшевистское правительство. О том, как февральские события протекали в Одиши, и ведется рассказ.

Всегда терпеливо и безропотно гнувшие спину на хозяев одишцы, подстегнутые беспросветной нуждой, дерзнули запахать весной помещичьи угодья. Во главе непокорных — старый Беглар Букиа. Именно семья Букиа, почитаемого всеми мудрого и смелого крестьянина, становится объектом пристального авторского внимания.

У Беглара — трое сыновей. Младший, Гванджи, пока лишь присматривается к окружающему, выбирая в жизни путь. Старшие — Варден и Джвебе — его уже выбрали. Варден, бывший солдат царской армии, в семнадцатом году вступает в партию большевиков и избирается делегатом Второго Всероссийского съезда Советов. Джвебе, одурманенный меньшевистской пропагандой, оказывается в рядах так называемой «народной» гвардии. Со своим отрядом он скачет в Одиши, чтобы огнем и мечом усмирить бунтовщиков. Джвебе, правда, пока плохо представляет себе, к чему клонит их офицер, он и не подозревает, что ему придется карать своих же родителей. Но такова неумолимая логика классовой борьбы — в ней нельзя оставаться посредине.

В лице Вардена писатель рисует подлинного борца ленинской выучки. В оккупированном «народогвардейцами» Одиши, в тяжелейших условиях Варден ведет агитацию среди бедняков деревни. Россия на своих необозримых пространствах сбросила помещичье иго. Задача грузинских крестьян — как можно скорей и решительней последовать примеру русских братьев.

Неустанная работа в массах, умение использовать революционную ситуацию принесли желанные плоды: крестьяне, принявшие сердцем ленинскую правду, заставляют меньшевиков убраться из деревни.

Неоспоримые, подтвержденные самой жизнью доводы Вардена в корне меняют политические убеждения учителя Шалвы, помогают ему, как и Джвебе, освободиться от либеральных иллюзий и порвать с «федералистами».

В повести «Февраль» дается развернутое изображение образа Ленина. И в далекое Одиши дошли вести об этом легендарном человеке, который защищает бедняков и которого смертельно боятся богачи.

Вождь революции занят огромной государственной работой, но он пристально следит за событиями в Грузии. В ответственный момент Ильич посылает в Грузию своих соратников — грузинских и русских большевиков, ставя перед ними конкретную задачу: подготовить восстание трудящихся против меньшевистской власти.

Григол Чиковани успешно решил нелегкую задачу — отобразить сложнейший, переломный период грузинской истории на локальном материале. Помогло прекрасное знание описываемых событий и всей атмосферы времени в сочетании с глубоким пониманием политической обстановки той поры. Помогла горячая любовь к родному Одиши и его обитателям.

Майя МУРАВНИК

[1] Григол Чиковани «Февраль». Повесть. Роман-газета № 9, 1973.



Сражения на Северном Кавказе, освобождение его от гитлеровских захватчиков, героизм защитников горных перевалов под Туапсе и освободителей города-героя Новороссийска — все отражено на этом плакате-карте, составленной Научно-редакционной картосоставительской частью ГУГК в 1973 году совместно с Институтом военной истории Министерства обороны СССР.

К 30-ЛЕТИЮ БИТВЫ ЗА КАВКАЗ

ПАТРОНЫ С ГОРЫ СЕМАШХО

Сергей СМОРОДКИН

Патроны лежат на моем столе. Два от винтовки и три от автомата. Мы подобрали их с Королевым на оплывшем бруствере, рядом с тем местом, где его ранило осколком осенью сорок второго.

— Патроны настоящие? — спрашивает мой сын.

— Да.

— А почему они ржавые?

— Долго лежали в земле.

— Ржавчина, — говорит сын, рассматривая патроны.— Похоже на кровь. Правда?

— Да,— соглашаюсь я.

13 августа 1973 года.

Дождь льет с раннего утра. Все затянуто мутной пеленой. И море, и Туапсе, и горы. Едем молча. Остановились в пути один раз: у братской могилы в Георгиевском.

— Наши ребята здесь лежат,— говорит Королев.— Наши. Какие ребята были!

Он говорит негромко. Вроде про себя. Лицо у Королева сейчас застывшее, какое-то неживое. У рта наметились жесткие складки. Возвращаемся к машине. Королев прихрамывает. Вчера, когда мы с ним ходили по улицам Туапсе, хромота была почти незаметна. Наверное, от непогоды разболелась рана. У моего отца, раненного на Курской дуге, тоже ноет рана в дождь или в снег.

Ближе к горам дождь мельче и мельче. Шофер Володя, молчаливый, углубленный в себя человек, протягивает Королеву пачку сигарет.

— На Малой земле под Новороссийском не воевали?— спрашивает Володя.

— Не пришлось,— говорит Королев.

Володя выкуривает сигарету в несколько затяжек.

— Отца у меня там... Миной... Мать вспоминает: «Батя уходил в сорок первом, говорил, что вернется через месяц. Ну, через два. Считал: война быстро кончится...».

Володя закуривает вторую сигарету.

— Дай-ка и мне,— говорит Королев. — Тоже так думал. Девятнадцать мне было. Переживал все: разобьют Гитлера без меня. Как я тогда любимой девушке Вере покажусь?

Проезжаем Анастасиевку. Дальше дороги нет. Пешеходная тропа. Вылезаю из машины. Думаю: может, отговорить Королева от подъема на Семашхо? Несколько километров вверх по скользкой тропе. С больной ногой. Как же сказать ему об этом? Так ничего и не придумываю.

Королев пристально смотрит на меня. Будто угадывает мысли.

— Ничего, сынок. Мы солдаты. Дойдем.

Королев, прихрамывая, идет по тропе. Семашхо залита туманным молоком. Только кое-где плавают верхушки самих деревьев. До вершины туман не дополз. Она блестит желто, как кость.

Я иду под дождем за Королевым. След в след по горной тропе.

18 сентября 1942 года.

«Решающим является прорыв на Туапсе, а затем блокирование Военно-Грузинской дороги и прорыв к Каспийскому морю...»

Из беседы Гитлера с Кейтелем.

15 октября 1942 года.

«Ставка разъясняет, что значение Черноморского направления не менее важно, чем направление на Махачкала, так как противник выходом через Елисаветпольский перевал и Туапсе отрезает почти все войска Черноморской группы от войск фронта, что безусловно приведет к их пленению; выход противника в район Поти, Батуми лишает наш Черноморский флот последних баз и одновременно предоставляет противнику возможность... выйти и в тыл всем остальным войскам фронта и подойти к Баку.»

Из директивы Ставки Верховного Главнокомандования командующему Закавказским фронтом генералу армии Тюленеву И. В.

Документы осени сорок второго. Вчера мы читали их с Королевым вместе. За сухими строчками стоят жизнь и смерть тысяч людей, прошедших по этой тропе тридцать с лишним лет назад. Жизнь и смерть наших отцов. Моего и других поколений. Жизнь или смерть...

Как это было? Очень мало самолетов. Ни одного танка. Мало артиллерии. И все равно гитлеровцы не прошли к Туапсе.

Прошло три десятилетия. Я поднимаюсь на легендарную Семашхо с воином бывшего 1147-го стрелкового полка бывшей же 353-й стрелковой дивизии майором запаса Сергеем Кузьмичом Королевым. Эта дивизия входила в 18-ю армию, которой с 19 октября 1942 года командовал генерал-майор А. А. Гречко. Именно на нее, на мужество и стойкость 353-й, надеялся новый командующий армией, когда гитлеровцы стояли у порога Туапсе.

На земле, по которой мы идем с Королевым, еще остались следы жестоких боев. Пустые автоматные диски. Гофрированные трубки противогазов. Обломки сбитого самолета с крестом. Здесь проходил последний огненный рубеж. Дальше враг не продвинулся ни на метр. Товарищи Королева легли в эту землю, заслонив врагу дорогу к Черному морю, к Туапсе.

Это было осенью сорок второго. В тридцати километрах от уютного курортного Туапсе...

15 августа 1973 года. Рассказывает С. К. Королев.

Рассказ майора запаса С. К. Королева я записал почти дословно и, когда перечитывал запись в блокноте, сначала хотел его поправить. Но потом решил оставить как есть.

— В сорок втором ничего курортного в Туапсе не осталось. Фронтовой город. Ежедневные массированные бомбежки. Горит порт. Дымящиеся развалины. Мостовые засыпаны битым кирпичом. Женщины, подростки, старики роют противотанковые рвы, строят баррикады, ставят ежи. Моя рота в составе полка ускоренным маршем шла к Семашхо. И вот уже на выходе из города — свежее пепелище. Женщина с маленькой девочкой что-то ищут в теплой еще золе. Девочка увидела нас, подбежала, всхлипывает: «Вы не уйдете от нас? Не надо от нас уходить. Не надо...»

Со мной рядом Ванюша Седов шел. Остановился, прижал девочку к себе, гладит по голове. Хочет что-то сказать и не может. Горло перехватило.

Перед Семашхо короткий митинг был. Ванюша Седов тогда сказал: «Враг, как червь, лезет в нашу землю, без которой нам нет жизни. Будем драться, как спокон веку дрался наш народ: до последнего вздоха».

Полковник Л. И. Брежнев — начальник политотдела 18-й армии — поправил Седова: «Последний вздох пусть будет у гитлеровцев. А нам еще жить надо. Нам еще надо матерей своих, детей и жен своих увидеть и обнять. Поэтому в бою действуй с умом, чтобы не тебя гитлеровец достал, а ты его».

Леонида Ильича Брежнева многие из нас хорошо в сорок втором знали. Он часто бывал на переднем крае. Вместе с бойцами ходил в атаки. В бою действовал хладнокровно, расчетливо. У нас говорили: «Полковник бойца жалеет. Зря не положит».

С бойцами не про смерть говорил — смерть мы и так каждый день видели,—про жизнь говорил, которая после Победы будет. Говорил просто, а за душу солдата брал...

После митинга того, перед Семашхо, многие из нас подали заявления в партию. В заявлении я так и написал: «В бой хочу идти коммунистом».

Было мне тогда двадцать лет, и командовал я ротой в третьем батальоне 1147-го полка...

Шли всю ночь. Вот по той же тропе, что с тобой шли. Так же и дождь лил. Перед рассветом наша разведка обнаружила гитлеровских егерей. Они уже сидели на Семашхо, на вершине, оседлав тропу на Туапсе. Командир нашего полка подполковник Мельников решил с ходу взять Семашхо, пока егеря не успели основательно зарыться в землю. В бой пошли на рассвете. Дрались на самой короткой дистанции. Потом врукопашную... Что я помню?

В начале боя граната рядом разорвалась. Я уцелел. Камень меня от осколков прикрыл. Только оглох слегка. Кричу команды роте, а сам себя не слышу. Дружок мой Еремин — тоже командир роты — впереди и слева от меня бежал. Споткнулся. Я думал, что подметка оторвалась. Я Еремину перед боем подметку к сапогу прилаживал. Наклонился над дружком. Он что-то говорит, торопится что-то сказать. Губы белые шевелятся. Важное что-то. А я не слышу. Так и не знаю, что он хотел мне сказать перед смертью. Потом Еремин слабо так махнул рукой. Дескать, брось меня. Иди дальше. Парторг роты ереминской старшина Поляков уже взял командование на себя. Бежит вперед, к вершине. Плащ-палатка, как знамя, развевается. Вижу, на Полякова двое здоровых егерей навалились. Он увернулся. Одного штыком достал. Другого кто-то из моих ребят саперной лопаткой оглушил. Бегу к вершине что есть силы. Стреляю. Никакого страха. Только ненависть и боль.

Догнал Васю Чепеля. Лучший наш пулеметчик был. Тоже один из первых на Семашхо взошел. Прикрыл нас огоньком, когда егерям с юго-восточных скатов подкрепление хотели подбросить. Вася смелый был парень. С виду мальчишка, пацан. А он со своим «максимом» Украину прошел, на Дону воевал. «Я,— говорил Чепель,— бои запоминаю по числу отстрелянных лент».

Потом рассказывали, что командующий 18-й армией генерал-майор Гречко сам приехал поздравить и поговорить с Чепелем. «Расскажи, Василий Власович, как воюешь?»— спрашивает. «А что рассказывать,— отвечает Чепель.— Мне в колхозе наказывали, когда я на фронт уходил: «Бей, Вася, врага до самых костей».Я и бью...»

За тот бой на Семашхо Чепеля наградили орденом Красного Знамени.

Собрали убитых. Отправили вниз раненых. Начали окапываться. Нашим батальоном капитан Бондаренко Павел Федорович командовал. У него первое правило: землю у врага отбили — окопайся. «По рытой земле домой целым придешь,— говорил комбат.—Это понимать надо. Потому как железо землю никогда не возьмет. Она хоть и мягкая, да не лопается».

Не успели толком окопаться — «юнкерсы» налетели. Бреют сверху. А нам их достать нечем. Старший лейтенант Дубровский смекалистый был мужик. До фронта металлистом был на крупном заводе. Дубровский в лощину спустился, приспособил станковый пулемет в развилке дерева и сшиб один самолет.

Санинструктором у нас была Рая Чередниченко. Отчаянной храбрости девушка.

Партийные кандидатские карточки мы с ней вместе получили. Перед самыми Октябрьскими это было. Полковник Громов вручал. Торжественно. Стол в землянке под красным сукном. Портрет Ленина над столом. Поздравил Громов меня и Чередниченко и на прощание протягивает газету «Правда». «Родина вас тоже поздравляет, товарищи». Читаем сообщение Совинформбюро. Я эти несколько строк до сих пор наизусть помню. Такой день!

«Северо-восточнее Туапсе советские войска на одном из участков продолжали вести активные боевые действия. В ходе этих боев уничтожено до 300 гитлеровцев... Захвачены трофеи и пленные».

Идем мы с Чередниченко обратно в свой батальон. И день как по заказу. Солнце вышло. Осенний лес. Желтые листья под ногами. Вроде другой мир. И войны нет. У родника, помнишь, где мы с тобой пили, остановились передохнуть. Родник этот, между прочим, раз десять переходил из рук в руки, пока мы его навсегда у егерей не отбили и не потеснили их метров на триста от воды.

Рая вдруг спрашивает: «Сережа, вы умеете танцевать?»

«Сережа» и «вы»? — так неожиданно. Растерялся. Смотрю на свои ноги. От хромовых сапог одни головки остались. Вместо подошв какие-то «лапти» из брезента.

— Нет, — говорю я. — Не танцую.

А я любил плясать и хорошо плясал до войны.

— Ну, ничего, товарищ старший лейтенант, — смеется Чередниченко. — Ничего. Как все говорят: вот доживем до победы — научу вас танцевать.

Не дожила. Погибла в сорок третьем в плавнях Кубани. Восемнадцати лет.

На участке нашем сражались отборные части гитлеровской дивизии «Эдельвейс». Отряды офицеров-штрафников, которые проврались к Семашхо, первыми должны были войти в Туапсе. Письмо мы нашли у одного из убитых. Хвастал: «Завтра мы вымоем сапоги в Черном море».

Егеря и штрафники шли в атаки пьяными. Во весь рост. Орали: «Бондаренко! Сдавайся!» Запомнили нашего батальонного, который вышиб их с Семашхо. Подпустили мы егерей близко. Встречали гранатами, Чепель своим «максимом», а потом шли врукопашную. Сбрасывали их к подножию горы. Но они лезли снова и снова. Только осторожнее стали после первых «психических» атак. Во весь рост не гуляли. Ползли. Да и писали уже не так.

«Месяц глядим на Черное море, на Туапсе. Продвинуться вперед не можем из-за большого упорства русских. Последние недели несем страшные потери. Война в горах — проклятая вещь. Русские проявляют невероятное упорство. Даже наши пикирующие бомбардировщики ничего не могут сделать, чтобы выкурить их из траншей. Все равно мы должны любой ценой выйти к морю. Так сказано в приказе фюрера. Но перед нами русские солдаты. Упрямые, как черти».

Это отрывок из дневника, который взяли наши разведчики у гитлеровского офицера, убитого под Семашхо. Последняя запись в дневнике датирована 23 ноября.

Они не вышли к морю. Ни через месяц. Ни через два. Они не прошли к Туапсе. Ни отборные части группы «Туапсе», ни «сверхсекретное, специальное подразделение экспедиционного корпуса «Ф». Этот корпус должен был с Северного Кавказа возглавить бросок вермахта на Средний Восток и в Индию. У этого подразделения была своя эмблема: склоненная пальма и солнце со свастикой. Но фашистам не суждено было увидеть склоненные пальмы. Поход в Индию и Иран закончился в промокших от дождей горных лесах Северного Кавказа.

Никто тогда не считал, сколько атак мы отбили. Окопы и землянки были залиты водой. Каждый патрон на счету—мы сами и приносили на Семашхо. Не хватало обмундирования, мин, даже сухарей. Тогда пришел к нам в роту Матвеев, политрук батальона, и рассказал о разговоре полковника Л. И. Брежнева с бойцами нашей дивизии, которые держали оборону севернее. Леонид Ильич Брежнев говорил о том, как это важно не отдать землю, с которой вышибли гитлеровцев. Каждая высота, каждая долина, каждый родник наши. И должны оставаться у нас. Навсегда. Дорога в Берлин начинается здесь. На Семашхо.

5 сентября 1973 года.

Сергей Кузьмич Королев—один из немногих оставшихся в живых защитников Семашхо. Работает он в тресте «Главсочиспецстрой» начальником отдела кадров, и должность эта требует от человека немалого такта, умения разбираться в людях и хорошей, настоящей доброты. Королев — человек, в тресте всеми уважаемый. Много лет он был секретарем партийной организации треста. Сейчас член партийного бюро.

И в личной своей жизни Сергей Кузьмич верен памяти павших. Не многие в городе знают, что Сергей Кузьмич вырастил и воспитал сына товарища, погибшего на фронте. И в этом на невнимательный взгляд, может быть, не таком уж важном факте видится мне чистая душа солдата, не раз встречавшего смерть лицом к лицу.

На Семашхо, когда у братской могилы с красной звездочкой помянули мы погибших, Сергей Кузьмич негромко сказал: «Я еще вот что хотел сказать...»

Он посмотрел на меня, и во взгляде этом было какое-то для меня испытание. Вроде Королев хотел проверить меня в чем-то.

— Я вот о чем. О смерти. Я ведь не верю в нее. Как хочешь, а так вот. Я и на фронте это знал.

Я молчал. Королев искоса посмотрел на меня.

— Смерти для человека нет. При одном, правда, условии: если он живет и умирает как человек. Вот о чем я...

Пять патронов лежат на моем столе. Патроны с горы Семашхо. Обозначена эта гора не на всех, даже подробных картах.

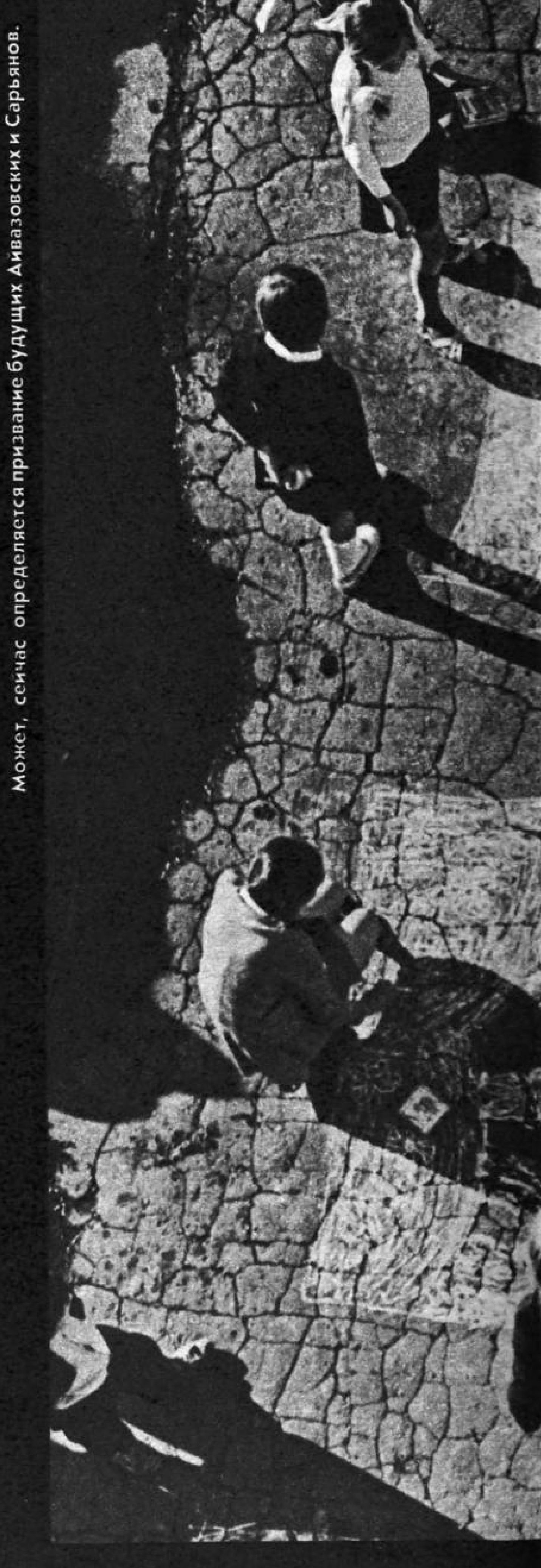
И все же думается мне, что высота этой горы столь велика, что с нее можно охватить взглядом всю прекрасную нашу Родину, весь наш мужественный, честный и великий советский народ.



...А кукловоды — за сценой...



Они не растеряются при пожаре, тем более что руководит операцией мастер спорта Валерии Хсбирев.



Может, сейчас определяется призвание будущих Аивазовских и Сарьянов.

УЛИЦА И ПОДРОСТОК

...ПЛЮС ОДЕ

Г. СМЕТАНИНА,
ФОТО Г. РОЗОВА,
специальные корреспонденты
«Огонька»



РЖИМОСТЬ

— Боря Афоньнин! На линию огня! Андрюша, корректируй!

Братья прильнули к мату. Андрюше — лет девять-десять, Боре и пяти-то еще нет. Он круглый, пухлый, как булка, в шапке, сползающей на глаза. Сергей Иванович бросает ему патроны. А у малыша ладонь крохотная, никак не справиться...

Мальчики начинают ему помогать.

— Куда?! — останавливает их Сергей Иванович.— Не опекайте. Не лишайте человека самостоятельности. Пусть сам! Не торопись, Боря. Спокойно. Вниз затвор! Вверх! Сильно на себя! Смотри в прорезь на мушку!

Выстрел. Еще два.

— Сергей Иванович! — кричат разочарованно ребята.— У него ничего нет. Молоко...

— Ничего. Увидите, какой еще из него снайпер выйдет! Иди, Боря, за мишенью. Да не беги. К мишени шагом идут, не торопятся... Афонькин Боря — пока ноль очков. Посмотрим, сколько у Андрюши. Тридцать девять выбил. Молодец! И кучность хорошая...

У Сергея Ивановича правило: отстрелялся — уходи домой, не трать времени зря.

167 омских мальчиков и девочек от пяти до шестнадцати лет приходят два-три раза на неделе в дворовый тир при детском клубе «Гайдар» 1-го домоуправления Куйбышевского района. С 1961 года, с тех пор, как подполковник Сергей Иванович Веремей вышел в запас, вокруг него всегда дети. Летом по утрам над дворами раздается горн и барабанная дробь — это ребята со всего громадного массива сбегаются на зарядку. Два раза в неделю ходят они с Сергеем Ивановичем на Иртыш, на рыбалку, за город, в походы с ночевкой.

А тир — тоже инициатива Сергея Ивановича.

— Мне,— рассказывает Веремей, — как-то соседи предложили: «Займитесь нашими озорниками!» Знаете, какая это острая проблема — улица и подросток... Был январь. С чего начать? Лыжи? Это сами ребята организуют. И тут вспомнил: у меня же есть винтовка! Смастерили тир. Стреляли в глухую кирпичную стену...

Более шестисот ребят научились метко стрелять. Оля Кузнецова, десятиклассница, стала чемпионом города по стрельбе. А некоторые из питомцев Веремея решили даже стать кадровыми военными. Володя Миронов — курсант танко-технического училища, Игорь Первенов и Слава Проскуряков — тоже курсанты, учатся в омском Высшем общевойсковом командном училище имени Фрунзе. Сколько «ветеранов» среди теперешних стрелков, тех, кто впервые пришел сюда, не доставая головой барьера! Аркаша Полынцев, Сережа Жуков, Саша Кучемко, братья Равиль, Шамиль и Камиль Мусины, Костя Сергеев, Володя Кривоногов, Саша Ченцов — всех разве перечислишь?

В тире каждый стрелок знает девиз: научился сам — приводи товарища и учи его. И каждого мальчика или девочку Сергей Иванович знает не только по имени. Помнит, сколько лет посещает тот тир, какие были первые результаты. А главное, знает характеры и привычки каждого. И всегда подбодрит, если нужно. Дисциплина в тире строгая, но для ребят каждая встреча с Веремеем — праздник. Сам он всегда в отглаженном мундире, подтянут, чисто выбрит, бодр. Чуть утро — дети уже поглядывают на его окна,— когда выйдет. И каждый мечтает помочь Веремею нести чемоданчик с патронами и мишенями, десятикратный бинокль и именную винтовку, подаренную ему в 1934 году как одному из лучших ворошиловских стрелков.

Приходят к Сергею Ивановичу не только «легкие» ребята. Есть и такие, на которых в школе давно рукой махнули. А в тире они становятся отличными, добрыми товарищами, никого не подводят, во всем помогают Веремею. Может, потому, что здесь они никогда не слышат от Сергея Ивановича нравоучений, выговоров. Тут всё на доверии. И за порядком дети наблюдают сами. Ожидая своей очереди, в шашки играют, в шахматы, читают журналы.

— У нас как-то вроде само собой получается, что занятия в тире, совместные походы пробуждают у ребят любовь к военному делу,— раздумывает Веремей. И так называ-



Ан-24 — это серьезно. Занятия в школе юных летчиков ведет Александр Александрович Козьминский.

емые трудновоспитуемые тоже круто меняются вроде бы сами собой.

Вообще-то Сергей Иванович не любит разговоров о трудных, отпетых, неуправляемых детях... И я, откровенно говоря, понимаю его. Да, есть ли они, трудные дети?

Есть дети, которым ТРУДНО найти свое место в коллективе. ТРУДНО чувствовать себя равными среди равных. А нам, взрослым, всегда легко друг с другом? И самим с собою? Почему свое неумение войти в контакт с мальчишками и девчонками иные люди с ходу отметают, привесив к подросткам грузный ярлык «трудные»? Примите их всерьез, поверьте им, как верят Веремей и Галина Михайловна Лопухина, как верят тренер Александр Наумович Попок и Раиса Александровна Самарская из соседнего детского клуба «Огонек», как верит Тамара Карповна Золотова из «Юного металлурга».

Знакомясь в Омске с людьми, которые так охотно и притом совершенно добровольно возятся с детьми, я иной раз удивлялась: откуда у них столько силы и доброты?

...У Натальи Павловны Арцимович — восемь внуков и правнуков. Сама она некрупная, хрупкая, а веселые глаза выдают бывшую пионервожатую, одну из первых в Омске, с двадцатых годов. Еще в 1961 году Наталья Павловна, пенсионерка, собирала во дворе первых «артистов» — ребят. Сначала она все делала сама: и пела с детьми, и импровизировала, и была кукловодом, и лепила маски из папье-маше, шила волков и лисиц.

Потом втянула в свою затею соседей — Любовь Ивановну Евтюкову, Марию Николаевну Костыреву и свою сестру — Елену Павловну Шестакову, бывшую балерину и педагога-методиста. Упросила: «Хоть сходи, посмотри! Указания дашь, правильно ли мы все затеваем»... Конечно, Елена Павловна, посмотрев представление, пришла в ужас! Сначала стала давать советы, потом потребовала разнообразия, затем показала ребятам венгерский танец, молдавский, русский лирический. А потом и вовсе прикипела к клубу. Такие сложные сюиты затевает, что порой ни рук для декораций, ни танцоров не хватает. Девочки-то есть! А вот мальчики... Зайдут, постоят в дверях, поострословят — и удирать! А Елена Павловна хоть и строга, но не изгоняет их, а, наоборот, затягивает. Начинают с несложных топотушек да дробушек, а потом и в кадрилях участвуют, и в испанских танцах, и в классическом балете.

Не всегда, однако, у пожилых женщин силы хватает... И тут им на помощь спешат другие. Три раза в неделю — после напряженной работы в поликлинике, да еще и в свой выходной день, по воскресеньям, вела мать Наташи Бойко, Ада Леонидовна, балетный кружок. И скольких мальчишек привлекла! Я сама видела, какие сложные фигуры разучивала с ними Ада Леонидовна.

Так постепенно обрастает детский дворовый клуб «Гайдар» людьми увлеченными.

Ко двору пришлась здесь мысль молодого пилота Евгения Степановича Романюка — создать на общественных началах школу юных летчиков — «ШЮЛ». Идею поддержал горком комсомола. Домоуправление «приютило» школу. И вот уже семь лет Романюк и четверо его друзей ведут занятия у юных летчиков по двухлетней программе, почти совпадающей с программой летных училищ.

Школа — самая настоящая: с уставом, присягой, знаменем. И формой: черные брюки (юбка), синяя куртка с голубыми погонами, пилотка. Преподают в школе люди, влюбленные в авиацию и в ребят, все они практики и приходят в «Гайдар» после рабочего дня в аэропорту. Курс метеорологии читает диспетчер порта Юрий Иванович Караулов. На его занятиях теплые и холодные воздушные массы, циклоны, туманы, обледенение — не отвлеченные понятия. Их надо начертить, нарисовать, словом, освоить: без них в небо не поднимешься. С конструкцией самолетов знакомит ребят инженер-конструктор Григорий Степанович Зыков. Александр Александрович Козьминский ведет курс спецоборудования. Василий Васильевич Бантеев — начальник штаба школы, кавалер ордена Ленина, старейший летчик — изучает с курсантами авиадвигатель, самый настоящий, отработавший свой срок на самолете и затем списанный. Бантеев сам за месяц по частям перетащил его из аэропорта в рюкзаке, а потом еще и целую комнату приборами заставил. В клубе шутят: «Разрешили бы Василию Васильевичу, он бы и самолет приволок».

В школе — железная дисциплина. Занятия начинаются в 17.15 и ни секундой позже. Посещают их не только ребята со «своего» двора, но и со всего города. Один паренек переехал из далекого района к тетке, на раскладушке спит, только чтобы приняли в школу юных летчиков.

И что самое интересное, никто ведь этих девяти- и десятиклассников не принуждает здесь заниматься. Программа насыщена до предела, день уплотнен. Два раза в году зачеты и экзамены, занятия и в летном училище и на поле. И все же отсеиваются лишь единицы. Конечно, не каждый из курсантов свяжет свою жизнь с авиацией, но зато скучать по дворам и подъездам, задирать от скуки прохожих им некогда...

Надо сказать, что моральное и нравственное влияние летчиков, педагогов «ШЮЛ» на своих питомцев и других гайдаровцев очень велико. «Старшие» и «младшие» встречаются не только на занятиях. Романюк так привязался к ребятам, что и отпуск проводит со своими «эскадрильями». Дважды выезжал он в летний трудовой лагерь, организованный опять же по его инициативе. Самостоятельность и независимость он прививает мальчишкам во всем. На дорогу и питание они ни копейки не брали в семьях, все заработали сами: убирали дворы, красили, чинили штакетники, работали кондукторами. Первая поездка была в Омскую область, а вторая — в Крым.

Дети всегда чувствуют, всерьез к ним относятся или нет. Привязались они к семье Кожевниковых. Надежда Григорьевна и Юрий Андреевич — люди творческие, художники. Оба преподают в художественной школе. Времени у них, естественно, в обрез. Но они сами пришли в «Гайдар», предложили вести изостудию и вот уже второй год занимаются по воскресеньям с детьми.

Долгое время не везло двору с тренерами. Но пришел в клуб физрук Юрий Иванович Махнев, требовательный, строгий, и ребята потянулись к нему. Он регулярно тренирует футболистов и хоккеистов, организует соревнования с другими дворовыми командами.

В «Гайдаре» пытались создать много разных кружков: и фото, и «умелые руки», и технический, и филателистический, но не все они прижились. И не потому, что ребята не интересовались. Просто не было в кружках постоянных руководителей, а с детьми нельзя работать набегами, от случая к случаю.

Девять лет помогает клубу Александр Яковлевич Ковтун, бригадир слесарей. Он создал отряд «Юных пожарников». И тут, мне думается, уместно сказать о правильной и принципиальной позиции домоуправа Нины Ефимовны Грудицыной. Много лет она в курсе ребячьих дел и не только старается привлечь к ним людей интересных и энергичных, предоставить удобное помещение, но порой и изыскивает из прибылей домоуправления для работы с детьми дополнительные средства, помимо обязательных двух процентов.

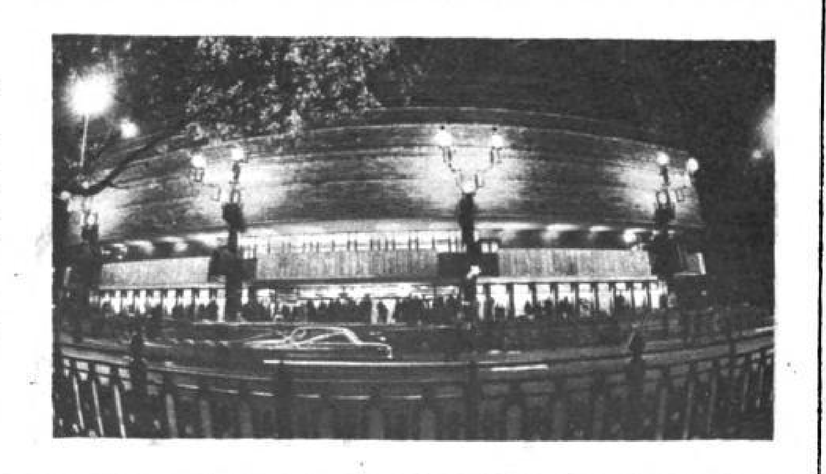
А ведь как часто жэки не используют даже и эти два процента, пуская их на нужды, совсем не связанные с детской работой! Как часто во дворах, кроме песочниц, грибков и качелей да скучной деревянной горки, нет ничего! Даже турника! И не находится воспитателя, умеющего повести за собой. Что ж удивительного, если ничем полезным не занятые подростки в таких домах преспокойно ломают и грибки, и качели, и горки...

Вот о чем хочется напомнить еще раз. Напомнить на примере клуба «Гайдар», созданного и построенного руками энтузиастов.

10 ОКТЯБРЯ ОТКРЫЛСЯ 75-Й, ЮБИЛЕЙНЫЙ СЕЗОН МОСКОВСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ ГОРЬКОГО.

К юбилею принято делать подарки. Преподнесен подарок и мхатовцам: московские строители вручили артистам символический ключ от нового здания театра на Тверском бульваре. Архитекторы В. Кубасов, В. Уляшов, А. Маргулис, конструктор А. Цикунов позаботились о том, чтобы театр действительно стал вторым домом для тех, кто приходит сюда каждый день и проводит здесь большую часть своего времени. В новом здании свыше 700 помещений — это репетиционные залы, гримерные, артистические уборные, бутафорские, костюмерные, производственные цехи. Зрителям понравятся просторное фойе, прекрасный зрительный зал; музей МХАТ тоже разместился в новом здании театра.

Фото А. Награльяна.



Ц. СОЛОДАРЬ

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ИЗБРАННОЕ

Поставив на книжную полку два тома «Избранных произведений» Юрия Нагибина, выпущенных издательством «Художественная литература» в нынешнем году, я вспомнил напечатанный в «Огоньке» весною 1940 года его первый рассказ «Двойная ошибка». В двухтомник он не вошел — в противоположность многим опубликованным «Огоньком» рассказам писателя, ставшим, пожалуй, хрестоматийными. Вот некоторые из них: «Комаров», «Ночной гость», «Эхо», «Непобедимый Арсенов», «Четунов, сын Четунова», «На тихом озере».

Но пишу я в «Огоньке» о нагибинском двухтомнике не только потому, что путевку в литературную жизнь дал ему именно этот журнал. Есть основания более веские: собранные под обложками «Избранного» сорок пять рассказов и пять маленьких повестей дают возможность рельефнее ощутить **главное** в творчестве писателя и убедиться, насколько дороги и близки ему люди, «чье новое существование приложилось к бытию ранее знакомых ему людей и стало уже частицей его жизни и долга...» Нагибин сказал это устами одного из своих персонажей — писателя, верящего, что «писать надо для того, чтобы тебя читали», и испытавшего во время странствий по родной стране «жгучую, до перебоя дыхания зависть к тем, кому дано впрямую погружать руки в жизнь».

Кто же они — впрямую погружающие руки в жизнь люди?

Солдаты и командиры, учительницы и геологи, колхозники и партработники, летчики и егеря, спортсмены и ученые. Наши зарубежные современники, познавшие ужасы фашизма и стремящиеся выйти на новые дороги жизни. Дети тридцатых годов, упоенные подвигом челюскинцев и мужеством испанских революционеров, юноши, сложившие голову в боях за Родину...

О творчестве Нагибина написано не столь уж много. Тем не менее список «ведомств», к каковым он был причислен по своей литературной работе, чрезвычайно обширен. Его называли и охотничьим писателем, и певцом Мещеры, и литератором деревенской темы, и детским писателем, и военным, и даже спортивным. И частенько журили за отход от «своей» темы. А своими темами-то для него стали и война, и судьба Мещерского края, и нелегкая жизнь повзрослевших сверстников детских игр, и трагедийная ночь заблудившегося в пустыне геофизика, и первая любовь студентки, и неизбывная мечта старосты арабского селения о воде для сгорающих полей...

Что ж, разве многотемье, жажда коснуться самых разных сторон жизни, неуемное стремление показывать своих современников в новых и новых ракурсах — разве не присущи они лучшим мастерам советской литературы? Естественно, подобная многогранность литератора дает достойные плоды лишь в том случае, когда в центре писательского внимания стоят люди интересной судьбы и больших дерзаний, не поглощенные обывательскими упованиями, а яростно борющиеся с ними.

В лучших произведениях Юрия Нагибина (по крайней мере в тех, что вошли в его «Избранное») читатель встречается именно с такими людьми. Это свойственно даже его плотно заселенным маленьким повестям, где чуть ли не на каждой странице писатель сталкивает нас с новыми персонажами. Здесь сказывается умение предельно скупыми средствами показать характер человека, проявить его существо.

В маленькой повести «И вся последующая жизнь...» группа районных работников вместе с безнадежно больным писателем Чугуевым, ранее выпустившим книжку об их не очень-то благополучном районе, использует последнюю перед уборкой «вольную субботу» для поездки на охоту. Чем не «охотничий» рассказ?

А какой высокий нравственный заряд заложен в этих четырех десятках страничек! Взять хотя бы немногословный ночной разговор Чугуева с секретарем райкома партии Обросовым. Нагибин не боится наделить Обросова бесхитростно суровой биографией. И хотя сам секретарь подтрунивает над своими непрестанными успехами, читатель понимает, почему этого умного партийного работника избирают секретарем райкома, почему ему буквально на ходу удается достучаться до сердца замученного предуборочной горячкой эртээсовского механика, почему он жизнерадостно и даже с каким-то изяществом улаживает конфликт между председателем колхоза и землеустроителями.

С большой теплотой выписан и редактор районной газеты Тютчев, с достоинством носящий груз прославленной фамилии. О неистовой любви газетчика к людям родных мест красноречивее всего говорит вспыхнувшая тревога за случайно встреченную комсомолку, безмятежно примирившуюся с тем, что ее подруга выходит замуж за священнослужителя. Осуждая многое и многих, в том числе и себя, за то, что «проворонили девушку... спасовали перед какими-то мухоморами», редактор все-таки уверен, что еще не все пропало и стоит бороться за человека.

Такими людьми, убежденными в необходимости борьбы, готовыми в любой момент вступить в нее, обременить душу чужими заботами, автор окружает Чугуева. Общение с духовно ценными людьми ощутимо сказывается на уставшем и раздраженном Чугуеве. Скрывая от попутчиков, что дни его сочтены, Чугуев без всякой позы просит редактора поскорее вооружить его материалами для выступления в печати о насущных нуждах района. «Очень важно хорошо уйти,— думает Чугуев.— Важно не только для самого себя, а для остающихся».

Не потому я остановился на повести «И вся последующая жизнь...», что она представляется мне лучшей в двухтомнике. Нет, иные предпочтут ей озаренного верой в безотчетную любовь к женщине «Молодожена». Другие поставят на первое место овеянного романтикой военных легенд «Ваганова» — им автор не случайно открывает свое «Избранное»: Отечественная война в значительной степени пронизала творчество писателя, и встреченные на фронте люди бесконечно дороги и памятны ему. Но дело в том, что маленькая повесть «И вся последующая жизнь...» написана совсем недавно. Она показывает, что же **именно сейчас**, на четвертом десятке лет литературной работы, стало для писателя головным, определяющим направление его творчества. Нагибин столкнул Чугуева на проселочных дорогах с таким обилием его современников, что, стремясь рассказать о людях отдаленного района, чистых в своих устремлениях и ясно видящих будущее, не мог уложиться в обычные рамки рассказа.

Вот вам и «певец Мещеры», вот вам и «охотничий писатель»!

Высокую общественно-социальную пробу выдерживает, разумеется, не все вошедшее в «Избранное». Не все нагибинские персонажи выписаны полнокровно и полифонично. Однако, не злоупотребляя белой и черной краской, а стараясь щедро использовать многоцветную палитру, писатель никогда не скрывает любви к людям добрым и сильным, равно не скрывая и ненависти к мещанам и себялюбцам. Именно в их столкновениях, резких и недвусмысленных, происходит пробуждение человека, являющееся, по признанию Нагибина, его главной темой.

Тематическое многообразие органически ищет выхода в многожанровости. Именно этим можно объяснить попытки Нагибина нащупать совсем новый жанр современной сказки. Думается, элементы этого жанра, заставляющего читателя вместе с писателем заглядывать вперед, просматриваются в рассказе «Чужое сердце».

Что сказать о языке и вообще о художественном арсенале писателя? Раздумывая над этим, я натknулся на его недавние высказывания о первой повести молодого ленинградского литератора. По словам Нагибина, он медленными глотками пил густую медовую брагу прекрасной прозы. Думая о ней, он перекатывал во рту, смакуя, смелые, свежие образы, повторял про себя превосходные и неожиданные мысли, которыми так щедро насыщено скупое пространство восьми печатных листов. Что ж, лучше, пожалуй, не скажешь о прозе и самого Нагибина. Правда, в данном случае речь пойдет о значительно большем количестве печатных листов.

Рассказами «Веймар и окрестности», «Таинственный дом» и «Вечер в Хельсинки» представлены в двухтомнике зарубежные рассказы писателя. Первые два известны читателям «Огонька», вот почему отмечу лишь одно: хотя зарубежные рассказы Нагибина не документальны, все же явственно ощущаешь, что автор не только воочию встретил своих персонажей в ГДР, Финляндии и Японии, но и сумел проникнуть в их духовный мир, особенно в их тяжкие воспоминания о днях фашистского террора.

Лев Кассиль как-то сказал мне:

— Умеет Нагибин совладать с тугоплавким зарубежным материалом. Глубокая у него вспашка!

Сказано это было после того, как в 1968 году Кассиль, Нагибин и я провели вместе несколько зимних недель во Франции. Почти всюду мы бывали вместе. Как и Кассиль, я частенько пользовался блокнотом. Нагибин ни разу не сделал ни одной записи. Лев Абрамович обратил на это внимание:

— Ничего, вероятно, не собирается он писать о Франции.

А месяца через три, прочтя его французские очерки, Кассиль воскликнул:

— Записывать, конечно, надо. Но разглядеть не бросающуюся в глаза примету, понять настроение человека, а затем пропустить все это через сердце — еще важнее!

Вероятно, читатели с сожалением не найдут в обоих томах чего-то особенно полюбившегося им из написанного Нагибиным. Мне, скажем, явно недостает «Страниц жизни Трубникова», по которым поставлен знаменитый фильм «Председатель». Что ж, если читатель считает «Избранное» далеко не полным, если он избрал для себя и кое-что другое из написанного писателем, это неоспоримо подтверждает, сколь своевременно изданы «Избранные произведения».

ДОЛГ ХУДОЖНИКА

А. СОФРОНОВ

В Москве, в небольшом помещении Союза художников на улице Горького, в сентябре этого года была открыта выставка Ильи Глазунова, целиком посвященная результатам его полуторамесячного пребывания в Чили.

В июле нынешнего хода эта же выставка была развернута в столице Чили Сантьяго. И там и там выставка Глазунова пользовалась повышенным успехом у любителей живописи. В Сантьяго чилийцы с интересом рассматривали пейзажи, портреты, зарисовки, сделанные рукой советского художника, словно сверяя все то, что увидел московский живописец, впервые ступивший на землю Чили, с представлением о собственной жизни и собственной тревожной земле, на которой они живут.

В Москве, разглядывая листы и полотна, посетители выставки видели как бы пролог чилийской трагедии и подолгу всматривались в лица тех, кто был изображен художником, потрясенно понимая, что многих из них уже не было в живых. Не было в живых в эти дни уже и президента Чили Сальвадора Альенде, изображенного художником выступающим на одном из многотысячных митингов. Не было, возможно, уже в живых многих из тех, кто был запечатлен нервной рукой художника, остро почувствовавшего накал классовой борьбы на чилийской земле. Всего неделя прошла с момента фашистского путча военной хунты в Чили до открытия выставки. Всего одна неделя. За два месяца до этого Сальвадор Альенде, посетивший выставку Глазунова в Сантьяго, отправил в Москву письмо, в котором высоко оценил талант советского художника.

Сейчас, всматриваясь в темные контуры президентского дворца «Ла Монеда», в котором мне не однажды пришлось побывать и пятнадцать лет назад и летом прошлого года, всматриваясь в огромную толпу, собравшуюся на площади, я зрительно представляю, какие места выбирал для себя советский художник, понимающий свою миссию не только как миссию живописца, но и летописца одной из глав революционной истории Латинской Америки.

В 1957 году один из величайших поэтов XX века, Пабло Неруда, в коротком предисловии, предпосланном двухтомнику его избранных произведений, выходившему в московском Государственном издательстве художественной литературы, писал: «Я написал много стихов о любви, много о смерти и о жизни, я посвятил большую часть своей поэзии упорной борьбе народов Америки. Каждый кусок бескрайнего пространства этого континента отмечен кровью, смертными муками, победами и страданиями. Нельзя понять географию Америки, ее поэзию, если не принимать во внимание истерзанного сердца человека. Хищные эксплуататоры налетели, как ястребы, и начали терзать нашу землю. Кто-нибудь должен рассказать об этом!». Пабло Неруда и оказался тем мужественным и гениальным поэтом, поэзия которого отмечена «кровью, смертными муками, победами и страданиями» не только чилийского, но и всех поднимающихся народов Латинской Америки. Сейчас нельзя без волнения перечитывать его стихи из книги «Оды простым вещам». Насыщенная до предела любовь к своей родине, ее веснам и зимам, меди и чайкам, каменщикам и поэтам, вину и луковицам, она прежде всего обращена к народам Америки, сражающимся за свою свободу.

Америка, Америка моя!
Какие здесь
бескрайние пространства
лесной свободы;
как чиста здесь гладь
седого океана;
как молчалива пампа!

Ужели это все затем,
чтоб здесь
плодились
мелкие торговцы кровью?..
Что происходит?
Почему молчит
земля родная в этот час,
когда само молчание
разрезали опять
кровавые и злые попугаи —
американской жадности гонцы?..

Америка!
Пусть на свободу вырвется
твоя любовь,
тоскующая
за ночной решеткой.
Восстанови свою былую честь,
которую тебе дало рожденье.
И, поднимая колос золотой,
с другими вместе встань
и поддержи
непобедимую зарю народов.

Строки эти написаны около двух десятилетий назад.

В эти трагические для Чили дни, в последние часы своей жизни Пабло Неруда, оставаясь страшным для тех, кто поднял руку на свободу и независимость Чили, ввергая в бешенство и ярость отвратительную банду мятежников, расстрелявших законно избранного президента и сотни и тысячи других,— умирающий Пабло 15 сентября 1973 года написал стихи, прорвавшиеся на волю из Чили:

Этот горький месяц сентябрь
1973 года.
Вы — хищные гиены, гады,
рвущие знамена, завоеванные
ценой такой крови, такого огня,
вы испоганили их,
вы, сатрапы, тысячу раз
продававшиеся
Нью-Йорку и продающие всех.
Сатрапы, бездушные, как механизм,
алчущие добычи,
обагренные кровью жертв,
кровью принесенных вами в жертву
народов.
Вы — торгаши, продающие
хлеб и воздух континента,
банда прихлебателей боссов,
вы не знаете другого закона,
кроме пыток,
голодом вы пытаете народы.

Поэтам и художникам да и просто людям с добрым сердцем и лучистыми глазами свойственны иногда заблуждения благодушия и альтруизма.

В мире ожесточенной классовой и идеологической борьбы за благодушие приходится расплачиваться не только своей жизнью. Как же тут не вспомнить вещие и жесткие слова великого гуманиста XX века Максима Горького: «Если враг не сдается — его уничтожают».

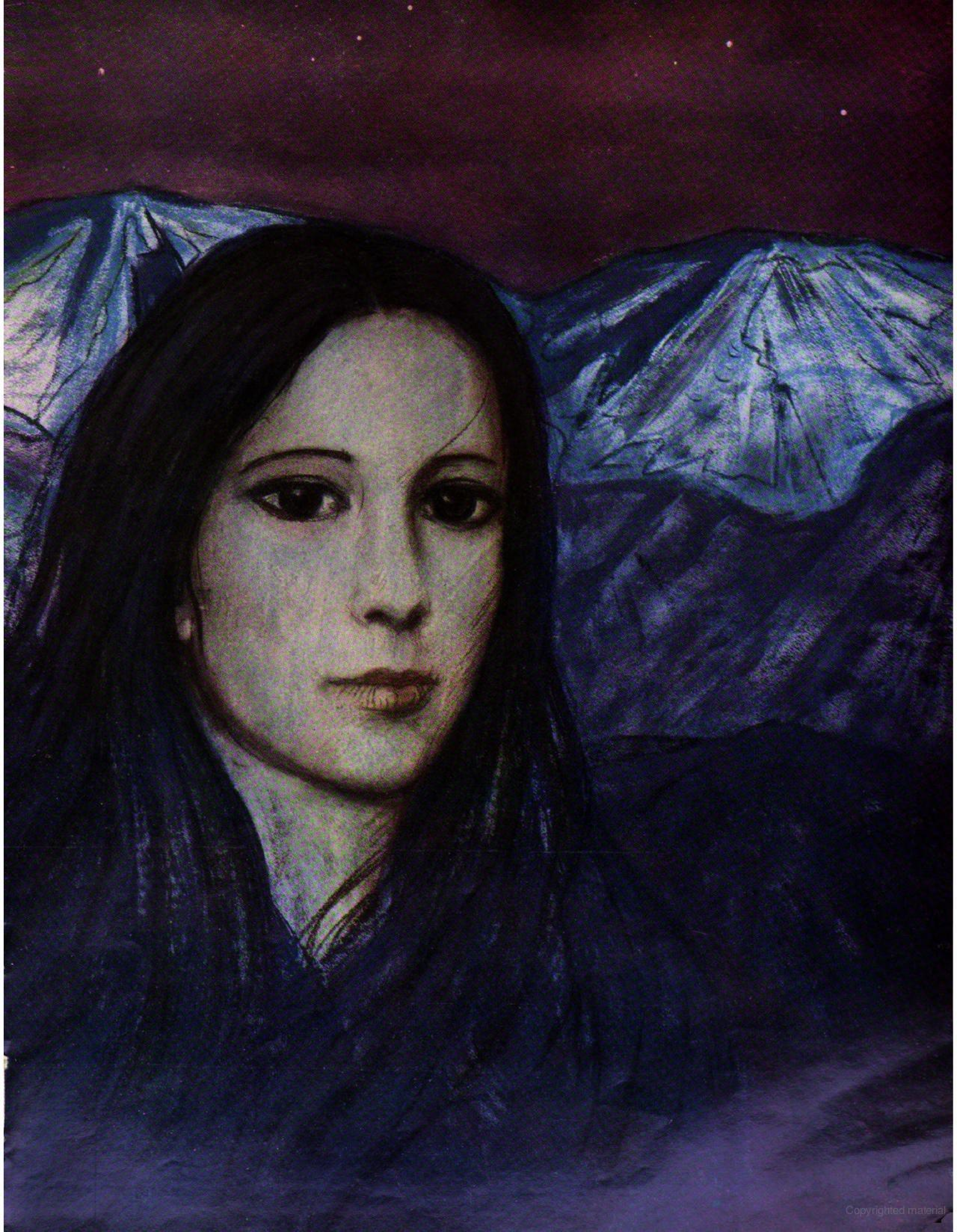
Сейчас, когда я всматриваюсь в десятки листов Ильи Глазунова, перед моими глазами снова проходят улицы Сантьяго и Вальпараисо, медные копи Чукикаматы и шахты Консепсьона, крутые каменистые дороги, вьющиеся вдоль Тихого океана, и широкие долины близ города Ранкагуа... Перед моими глазами стоит мрачный человек в надвинутой на глаза шляпе, возле изгороди, примыкающей к дороге. В глазах у этого человека огненная ненависть. «Это помещик, у которого национализировали землю,— сказал мне работник министерства сельского хозяйства.— Он не хочет уходить, он ждет своего часа...»

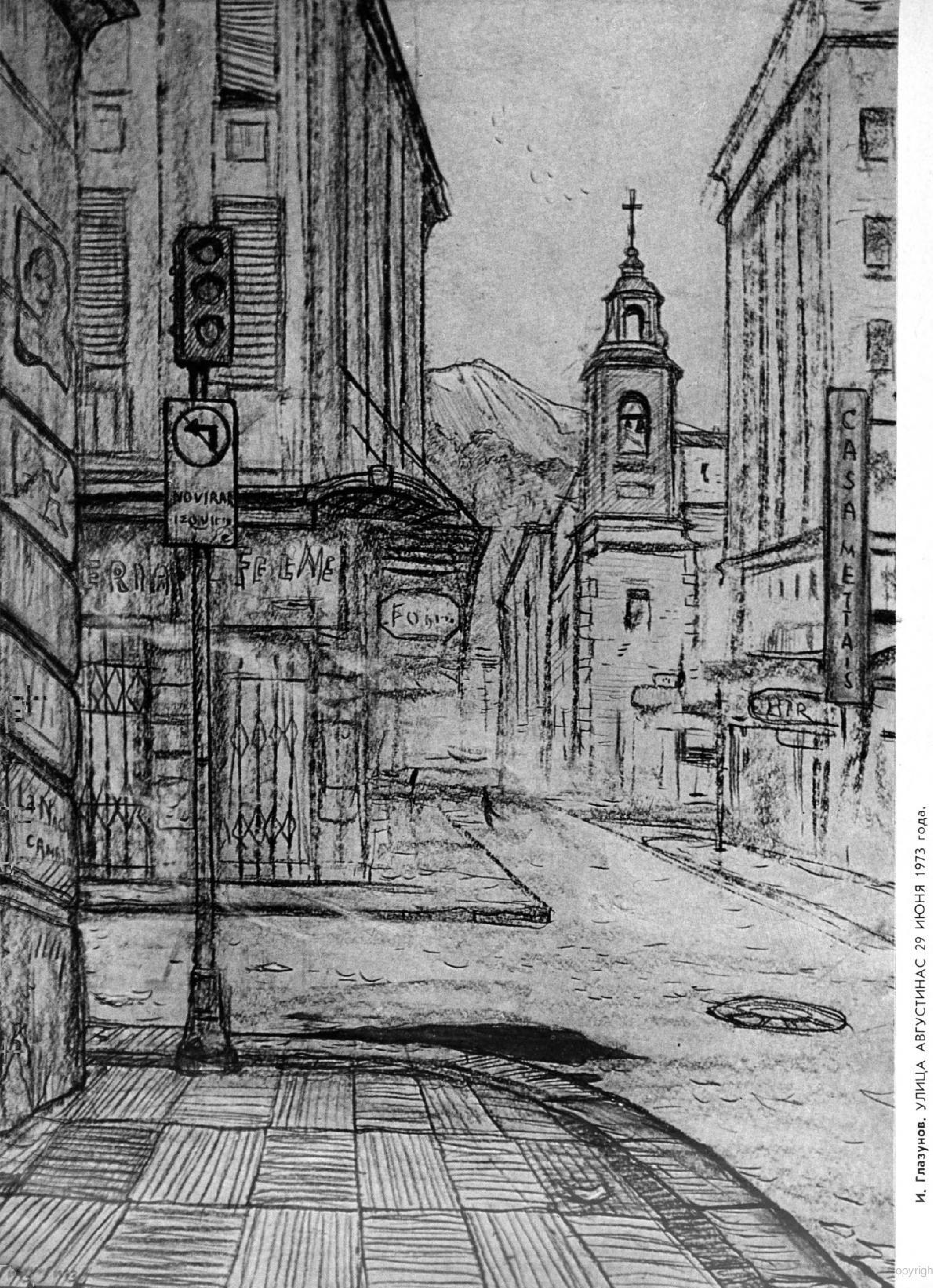
Я пристально всматриваюсь в работы Ильи Глазунова, и хотя не вижу на его полотнах вот таких помещиков,— я вижу лица и глаза людей труда, с такой же испепеляющей ненавистью смотревших на тех, кто, пользуясь старой конституцией, не сдавался и не сдался, а сейчас, в эти дни, под прикрытием танков и автоматов мятежников празднует свою кровавую победу. А еще я смотрю на белоснежные Анды, на темные склоны Кордильер. Когда-то я видел их: однажды, летя в Чили из Аргентины, и другой раз, летя из Нью-Йорка, вдоль берега Тихого океана, минуя одну страну за другой. Сейчас я вижу их на полотнах Ильи Глазунова и особенно на одном, центральном, получившем обобщен-

И. Глазунов. ГОВОРИТ САЛЬВАДОР АЛЬЕНДЕ.

На развороте вкладки: ЧИЛИ.







И. Глазунов. УЛИЦА АВГУСТИНАС 29 ИЮНЯ 1973 года.

28

08

ное название «Чили» («В горах») — голова черноволосой, красивой, молодой женщины, а за ней снежные вершины Анд. Да, это Чили. Образ этой красивой и многострадальной страны, пытливо всматривающейся в свое будущее, наверно, надолго запомнится каждому, кто увидит хотя бы однажды глубокие, проникновенные глаза женщины, изображенной на картине. Я смотрю на картину мощной ночной демонстрации, а память меня относит снова на пятнадцать лет назад, когда нас, группу советских писателей и журналистов, Пабло Неруда позвал на массовый митинг, проводимый Фронтом народного действия в поддержку кандидатуры Сальвадора Альенде на пост президента.

Высокая трибуна. Колеблющийся огонь факелов. Плакаты с именем Альенде. Волнующее ощущение силы и душевного подъема...

Лесоруб-одиночка,
и бедная прачка,
и взъерошенно-царственный
каменотес
не одни только примут меня,
если я им отдам твои гроздья,—
нас примут союзы рабочих,
союзы труда
и борьбы.
С тобою по свету!
С песней моею!
С летящей
звездой,
с ликующей
пеной морской!
Я всех наделю,
потому что обязан
я радостью всем.
Так пусть не дивится никто,
что людям хочу я вручить
земные блага:
в борьбе я узнал,
что мой долг на земле —
агитатором радости быть.
И свой долг выполняю я песней.

Этими высокими и земными словами заканчивается «Ода радости» Пабло Неруды все из той же книги «Оды простым вещам».

И, смотря на полотна Ильи Глазунова, я словно заново вижу землю Чили, землю Пабло Неруды и Сальвадора Альенде, землю Луиса Корвалана и тысяч патриотов и демократов, освобождавших сообща свою землю от грязи и скверны прошлого. Я вижу старый дом Пабло Неруды в Сантьяго, стоящий под высокой скалой на окраине города, и горный ручей, звенящий в пронзительной тишине зеленого дворика. Вижу доброго и верного друга Неруды, его жену, рыжеволосую Матильду, гостеприимную хозяйку и прекрасную певицу, обучавшую нас мелодичным чилийским песням. И, наконец, еще и еще раз самого Неруду, дарящего мне маленькую, изъеденную временем деревянную фигурку индейского божка со словами: «Храните его, он долго пролежал в чилийской земле, теперь пусть так же долго живет в доме советского поэта».

Свой долг выполняю я песней... Эти прекрасные слова могут быть начертаны над именем каждого художника, безраздельно отдающего талант и сердце своему народу, времени, которому служит художник, и в конечном итоге позициям, которые художник занимает.

Творчество Ильи Глазунова последние два десятилетия неизменно привлекает внимание любителей современной живописи. Совсем недавно, беседуя с редактором журнала ГДР «Фрайе вельт» Иоахимом Уманном, Глазунов говорил:

— Для того, чтобы любить и понимать другие народы, художник должен любить и понимать прежде всего свой народ. Нельзя сочувствовать и разделять радость и горе чужой матери, если ты не сочувствуешь радости и горю своей родной матери.

Пожалуй, в этих ясных и образных словах художника и выражена его позиция. У нас на памяти многие работы Ильи Глазунова, воспевающие героическую историю русского народа, его прекрасные иллюстрации к собраниям сочинений русских классиков, его запоминающиеся портреты рязанских колхозниц и строителей Нурека. Большим событием в творчестве Глазунова явилась его поездка в Демократическую Республику Вьетнам. Портреты и картины, воспевающие подвиги и ратный труд воинов сражающегося Вьетнама, оставили зримый след в творческой биографии художника. И вот последняя, чилийская сюита, предоставившая возможность советским зрителям глубоко почувствовать весь драматизм положения Чили накануне трагических событий сентября 1973 года. Кровь на мостовых Сантьяго лилась и раньше. Эту кровь совсем недавно видел художник, выразительно запечатлевший опустевшую улицу после очередной фашистской провокации. Советский художник Илья Глазунов был последним, кто запечатлел образ президента Чили, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», великого гуманиста и борца за свободу и независимость народов Латинской Америки Сальвадора Альенде... Это единственный портрет, которого не было на выставке Глазунова в Москве. Советским посольством в Чили этот портрет был подарен большому другу Советского Союза Сальвадору Альенде...



Президент Чили Сальвадор Альенде беседует с художником Ильей Глазуновым в кабинете дворца «Ла Монеда». На стене — портрет президента, исполненный И. Глазуновым в период его пребывания в Чили и подаренный советским посольством Сальвадору Альенде.

Позиция художника всегда в его творчестве. Позиция художника Ильи Глазунова — это высокая позиция художника-патриота своей Родины, художника-интернационалиста, выполняющего свой долг своей песней.

Красин ХИМИРСКИ

НА СТАДИОНЕ В САНТЬЯГО

Здесь недавно мы были зрителями
самых острых футбольных схваток.
А сегодня на это поле
нас загнали, как будто в карцер.
Пусть наручники больно ранят,
метят в сердце карабинеры —
до последнего будем драться.
Много тысяч в нашей команде.
А противники — в дикой злобе.
Бьют плетьми,
сапогами кромсают.
Расчищают дорогу залпами.
Только мы не отступим.
Если нужно, своими телами
мы сумеем закрыть ворота,
чтобы вам не пройти...
Миллионы вливаются
в нашу команду,
и они разорвут
вашу черную петлю.
Для неотразимой атаки
поднимутся снова растерзанные,
повешенные,
канувшие бесследно.
И ваши глаза от ужаса
расширятся, словно дула.
Вы участь свою предрешили.
Берегите пули, сеньоры,
Для собственных черепов.

Перевел с болгарского
Геннадий СЕРЕБРЯКОВ.



В изданной несколько лет назад первой части романа Ивана Стаднюка «Война» повествовалось о событиях кануна Великой Отечественной войны и первых днях фашистского нашествия. Предлагаем читателям главу из второй части этого романа. Автор продолжает повествование о первом этапе войны. Полностью вторая часть романа будет опубликована в журнале «Октябрь».

Иван СТАДНЮК

Ночь была душной и, как многие ночи на фронте, таинственно-тревожной. Высоко под звездами, смотревшими сквозь густые сплетения ветвей в глубь черного леса, все шли и шли немецкие бомбардировщики, роняя на землю нудный, стонущий гул. С той стороны, где восходит солнце и куда ползли по небу невидимые, тяжело груженные самолеты, временами доносился тугой, скраденный расстоянием отзвук, а на западе, за Друтью, будто отвечая на далекий грохот бомбовых обвалов, откликались наши орудия.

Фронтовой сон чуток. Спали в шалашах, в кабинах и в кузовах нескольких имевшихся в распоряжении группы генерала Чумакова автомашин, а многие улеглись прямо на траве, под кустами орешника. Федор Ксенофонтович Чумаков лег спать в палатке на брезентовой дерюге, покрывавшей слой елового лапника,— опасался дождя. Рана все еще беспокоила: даже присыпаемая во время перевязок толстым слоем порошкового стрептоцида, она продолжала воспаляться, а нижняя челюсть оставалась малоподвижной; он с трудом мог есть только размоченные сухари и хлебать жиденький суп. Иногда Федор Ксенофонтович на время лишался речи. Но в этих своих мучениях он никому не сознавался.

Сквозь расслабившую тело дрему слышал раздававшиеся иногда оклики часовых, хруст сучьев под чьими-то сапогами, шелест кустов, одиночные выстрелы за линией охранения. Мнилось, что вот-вот вспыхнет, как это случалось в окружении, трескотня автоматов, и тогда надо будет вскакивать, хвататься за оружие, не зная, где противник.

У Федора Ксенофонтовича тяжело было на сердце, и он, силой воли подавляя в себе мысли, хотел побыстрее уснуть. Но рядом сладко похрапывал полковой комиссар Жилов. Чтоб менее слышать его, отодвинулся на край дерюги, под приподнятый подол палатки. Однако натянутая парусина, словно резонатор, усиливала все другие звуки, которыми жил ночной лес, и Федор Ксенофонтович даже стал слышать, как разговаривали и пересмеивались младший политрук Иванюта и старший лейтенант Колодяжный, устроившиеся на ночлег неподалеку. Хотел было прикрикнуть на них, но Колодяжный зашелся таким удушливым, заразительным смешком, что Федор Ксенофонтович сам невольно хмыкнул и стал прислушиваться, стараясь понять причину веселья молодых людей.

— ...Нет, верно тебе говорю!— доносился хрипловатый говорок Иванюты.— Да ты же помнишь: это была, кажется, седьмая наша контратака, на клеверном поле! Втолковываю: хлопцы, если хотите уцелеть, держитесь от меня справа и слева, но штыком не работайте, а палите по тем гитлерякам, которые в меня целятся. И получилось!.. Ломлюсь, понимаешь, под их охраной и работаю длинным уколом с выпадом. Карабин, как игрушечка, летит вперед!.. Ну, иногда там правый или левый отбив вниз... За такую работу на штурмовой полосе в училище мне всегда пятерку ставили.

— И многих ты укокошил?— с недоверием поинтересовался Колодяжный.

— Ни одного!— Иванюта заразительно засмеялся.— Я же с расстояния, выбросом карабина!.. Понимаешь? Чтоб штык только коснулся, но... обязательно головы! И валятся, как снопы!.. От шока... Дошло?.. Длинный выпад навстречу, легкий удар острием штыка в лицо в лоб, в шею...— и бросает фашист автомат, копыта в стороны, и будь здоров!

— Силен!— одобрительно хохотнул Колодяжный.— И все твои телохранители уцелели?

— Все до единого!.. Поверили, что я завороженный. Циркачом меня назвали. А знаешь, как придумал я такую механику? У нас в селе был когда-то один хитрый дядька. Архипом звали. Так вот, этот Архип однажды подкупил цыганку, чтоб наворожила его соседям то, что ему надо.

— А что ему было надо?

— Ты послушай. Цыганка вначале убедила соседей Архипа, что она знаменитейшая ясновидица: каждому рассказала все, что случалось в его жизни,— конечно, Архип ее просветил. А потом уверила, что точно знает, когда кто из них помрет... Первым назвала Архипа, но открыть время его смерти отказалась наотрез. А соседям его наворожила более конкретно: «Ты, Иван, помрешь после Архипа, в тот день, когда по нему будут справлять сороковины... Понял? А ты, Платон, ровно через семь месяцев отдашь богу душу после Архипа...» Третьему соседу, Савке, по словам цыганки, выпадало прощаться с белым светом через год, опять же после Архипа...

— Ну, и чего твой Архип добился такой брехней?— недоумевал Колодяжный.

— Не понимаешь?!— Иванюта опять залился смехом.— Райской жизни добился! Только возьмется Архип за лопату, чтоб грядку вскопать, или за косу, а соседи уже наперегонки бегут на помощь... Следили за ним, как за дитем малым! Закашляет или застонет он — может, с перепою или еще отчего, и пожалуйста: Иван спешит с кринкой меду, Платон — с круглышом масла, а Савка тащит настоянную на целебных травах горилку,— лечись, мол, дорогой соседушка, да не спеши помирать...

Колодяжный, позабыв, что вокруг спят, захохотал громко и заразительно. И тут же кто-то со стороны беззлобно прикрикнул:

— Спать дайте, черти!

На войне время спрессовано, как превращенный в жидкость воздух. Бывает, что за час человек может пережить на фронте больше, чем за всю свою жизнь. Один день, наполненный войной, иногда может стать предметом размышлений на десятилетия...

Прошло всего лишь двое суток, как генерал-майор Чумаков вывел из окружения свою группу — более четырехсот человек. В ней — уцелевшие работники штаба корпуса, бойцы и командиры спецподразделений, обслуживавших штаб, люди из танковой дивизии, которая последней выходила из боя, израсходовав все горючее и боеприпасы, а также из других частей, примкнувшие в пути, вроде летчика лейтенанта Рублева. Рядовых и сержантов, исключая механиков-водителей, связистов и саперов, сразу же влили в один из полков, который на последнем пределе сил держал оборону на Березине, раненых определили в полевой госпиталь, а всех остальных, по уже установившемуся порядку, на попутных машинах отправили на «сборный пункт» в Могилев.

Естественно, что генерал Чумаков, как только оказался по эту сторону фронта, стал наводить справки о местонахождении командного пункта своей 10-й армии, но ничего не узнал; еще не была известна судьба большинства соединений 10-й армии, ее штаба и самого командарма генерала Голубева. Поэтому Федору Ксенофонтовичу ничего другого не оставалось, как явиться в штаб фронта.

В лесу под Чаусами царила нервозно-напряженная атмосфера: штаб фронта собирался переезжать куда-то к Смоленску. Ни к командующему, ни к начальнику штаба попасть не удалось: они были на командном пункте. Каждый иной высокопоставленный работник штаба, к кому обращался Федор Ксенофонтович, вначале воспламенялся духом, услышав, что он тот самый генерал Чумаков, командир механизированного корпуса, который дрался в составе группы генерал-лейтенанта Болдина под Гродно. Но лишь только начав понимать, что корпуса как такового уже не существует, сразу же сникал и терял к Чумакову интерес или даже проявлял раздражение, будто этот генерал с перебинтованной головой и огрубевшим, усталым лицом в чем-то обманул его, лишил надежды не только на неожиданное получение боевого соединения, но и на какое-то откровение, на познание какой-то новой и важной, может, чудодейственно-спасительной истины, принесенной в готовом виде оттуда, где начиналась война.

Расставаясь с таким командиром, Федор Ксенофонтович с болью в сердце размышлял о том, что эти люди, каждый отвечая за какой-то важнейший участок деятельности штаба фронта, сейчас испытывали крайнее отчаяние. На них то снисходила фанатическая вера, что, несмотря ни на что, они все-таки овладеют обстановкой и наконец начнут диктовать врагу свою волю, то вдруг им виделось, что только чудо не позволит фашистским войскам окончательно рассечь и окружить все силы Западного фронта. И еще: своей непроизвольной реакцией на обвал тяжелых вестей из районов боев, реакцией, временами переходящей в ожесточение, в котором сквозили нравственные страдания оттого, что они, олицетворявшие собой разум войск фронта, не в состоянии принять каких-либо спасительных решений, они, эти люди, будто порицали в душе кого-то, в том числе и его, генерала Чумакова, что вот он не сумел удержать врага близ границы и обрек их теперь нести всю тяжесть свершающегося зла, тяжесть, которая вот-вот станет совсем непосильной, ибо никто не ведал, когда, откуда и какие войсковые резервы появятся в распоряжении командования фронта.

Это было время, когда у многих из военных людей еще не был разрушен логикой событий барьер естественной эгоистичности воображения, которое у каждого покоится только на том, что он знает, и на какой круг представлений опирается в своих выводах и суждениях. Наличие этой эгоистичности во все времена обычно заставляет человека, когда окунается он в море идей и представлений, связанных с войной или иными социальными потрясениями, отбрасывать многое, а подчас и все в поисках только тех, которые выражают его собственное «я». И в эти дни нередко узость одеяния, в которое оказывалась завернутой мысль иных, мнивших себя стратегами, мешала им понять, что пришла страшная и длительная война, равной которой и похожей на которую еще не было, и что надо решительно ломать частокол вокруг прежних представлений, касавшихся законов военной стратегии и оперативного искусства.

Кое-какие из этих мыслей Федору Ксенофонтовичу помог охватить маршал Шапошников, с которым столкнулся он на лесной тропинке, близ палатки оперативного отдела. Встреча была не из радостных. Но своими рассуждениями Борис Михайлович как бы раздвинул удушливый мрак, просветил дебри, в которых начал плутать мыслями Чумаков. Затем, выслушав рассказ Федора Ксенофонтовича о том, что видел он и перенес там, далеко западнее Минска, посоветовал как можно скорее и обстоятельнее оформить документацию о боевых действиях корпуса, а потом лично явиться на

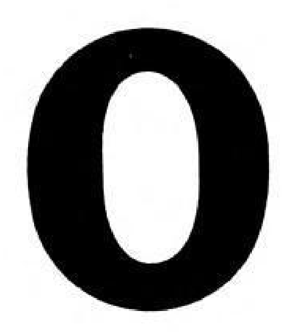


Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

доклад к командованию фронта и быть готовым, если рана уже не беспокоит, к назначению на какой-то новый боевой пост.

Несколько успокоенный, с этим и отбыл генерал Чумаков на сборный пункт в Могилев, где среди сотен других бывших окруженцев томились и его люди. Сборный пункт располагался в двухэтажном здании одной из городских школ и в ее просторном дворе. Полковник Карпухин и полковой комиссар Жилов сумели отвоевать себе для работы одну классную комнатку, где, не теряя времени, уже приводили в порядок документацию штаба и политотдела. Чумаков включился в работу. Вместе с Карпухиным уточнял по уцелевшим рабочим картам и документам оперативные донесения, стараясь день за днем и час за часом, по возможности полно и точно, отобразить элементы принимавшихся им решений, боевые действия и передвижения частей корпуса. А полковой комиссар Жилов и младший политрук Иванюта корпели над сводным политдонесением.

Но кто бы мог подумать, как это нелегко заново пережить, пропустив сквозь свой разум, через свое сердце все вчерашнее, еще не отболевшее, все происшедшее в совсем непродолжительный, но, кажется, нетленный для человеческой памяти отрезок времени...

Когда Федор Ксенофонтович, на минуту оторвавшись от работы, заметил, что полковник Карпухин куда-то отлучился из комнаты, он попросил полкового комиссара Жилова, сидевшего с Иванютой над политдонесением, не забыть особо отметить среди отличившихся в боях воинов начальника штаба корпуса полковника Карпухина — «человека с железным сердцем», как они не раз говорили о нем между собой. А сам в одной из бумаг, формулируя постигнутые им принципы управления, стиль работы командиров и штабов в условиях отрыва механизированного корпуса от своих войск, тоже написал пусть скупые, но емкие и даже взволнованные слова о Степане Степановиче, у которого на глазах погибли под развалинами дома жена и дети, но он, не потеряв самообладания, четко делал в немыслимо тяжких условиях все то, что полагалось делать начальнику штаба соединения, являя собой пример собранности и выдержки.

В этой же могилевской школе день и ночь работала проверочная комиссия, которую нарекли здесь «санпропускником». В обязанность комиссии входило оградить войска фронта от проникновения в них под видом окруженцев вражеских агентов, а также выявлять дезертиров, трусов, паникеров и тех, кто в первых боях допустил нераспорядительность или преступное головотяпство. В составе комиссии были представители управления кадров, политического управления и, конечно, особого отдела. Они вызывали к себе бывших окруженцев, главным образом тех, кто пробился через линию фронта не со своими подразделениями или в одиночку, придирчиво изучали их документы, задавали всякого рода контрольные вопросы и дотошно расспрашивали обо всем, что и как происходило в первые часы и дни войны там, в приграничных областях, от иных требовали письменных объяснений, как и когда они оторвались от своих частей, а иногда — описаний важных обстоятельств, характеризовавших тактику действий вражеских войск и диверсионных отрядов.

Из штабной группы генерала Чумакова, получив список ее состава, почти никого не потревожили, за исключением нескольких командиров-танкистов и тех, кто присоединился к ней во время движения по захваченной врагом территории, а также ознакомились с боевыми документами штаба корпуса и сводным политдонесением.

Федор Ксенофонтович обратил внимание, что в проверочной комиссии заседал и подполковник Рукатов. Этому не удивился, ибо вчера издали видел Алексея Алексеевича в расположении штаба фронта. Но общаться с Рукато-



ЙНА

вым желания не появлялось, тем более что выглядел он замотанным и усталым. Прежний его румянец на щеках приобрел нездоровый синеватый отлив, а серые глаза сделались, кажется, почти белыми и будто ничего и никого вокруг невидящими.

Но каким-то особым чутьем улавливал Федор Ксенофонтович, что Рукатов не замечает его умышленно, по какой-то своей, наверное, мизерной причине. И тоже избегал встречи с ним, подавляя желчную горечь, что видит столь неприятного человека в роли чуть ли не вершителя чьих-то судеб, хотя Рукатов на такую роль не заслужил права своей судьбой, ибо везде, где он оказывался, вскоре становился всем в тягость, и внимание к нему начальства чаще всего сводилось к тому, как без лишнего шума избавиться от никудышного работника, что было не так просто: Рукатов наловчился цепко держаться за свои должности...

Не подозревал генерал Чумаков, что своим появлением в поле зрения Рукатова вызовет в его сердце бурю противоречивых чувств. Когда во дворе сборного пункта среди бывших командиров-окруженцев Рукатов увидел генерала Чумакова, на него обрушилось мучительное чувство нависшей над ним опасности. Ждал, что Федор Ксенофонтович заметит его и вот-вот подойдет. Панически боялся этой встречи и старался избежать ее. Но еще больше напугался, когда понял, что генерал не желает встречаться с ним. За этим Рукатову мерещилось что-то настолько неотвратимо грозное, что у него холодело все внутри. Мучился от неведения: удалось ли Федору Ксенофонтовичу подать весточку своей жене, Ольге Васильевне?.. Ведь рано или поздно сообщит она мужу (или, может, уже сообщила?!), что это именно он, Алексей Алексеевич Рукатов, сказал ей страшные слова, будто генерал Чумаков добровольно сдался немцам в плен... А если еще Ирина созналась матери об ухаживаниях за ней Рукатова!.. И почему-то всплывал в памяти угловатый почерк, которым на настольном календаре в квартире покойного профессора Романова было написано, что звонили от Сталина и что Иосиф Виссарионович желает поговорить с Нилом Игнатовичем. А ниже был записан номер телефона, по которому можно позвонить Сталину. Рукатова почему-то больше всего пугал этот номер. Он мнился ему каким-то устрашающим иероглифом, холодил сердце, тормозил мышление.

Несколько приободрился Рукатов только после того, как Чумаков, завершив работу над документами, переселился со своей группой из Могилева в лес, в расположение вторых эшелонов.

И вот вчера вечером, после передислокации в лес, Чумаков позвонил с армейского узла связи на командный пункт фронта начальнику штаба генерал-лейтенанту Маландину и доложил ему, что после выхода из окружения готов прибыть с документацией о боевых действиях корпуса. Ответ Маландина вначале смутил его, а потом ошеломил. Обычно корректный, выдержанный и доброжелательный, Герман Капитонович, знавший Чумакова лично, холодно ответил на его приветствие и суховато сказал:

— Я думаю, что вы ничего нового не добавите к тому, что уже доложено Военному совету. А подробности оперативно-тактических ситуаций меня сейчас не интересуют.

— Позвольте, Герман Капитонович.— Чумакову показалось, что Маландин не расслышал, кто ему звонит.— Это говорит Чумаков!

— Слышу, Федор Ксенофонтович.

— Я вас не понял!.. Разве штаб армии успел доложить о действиях нашего корпуса? Но ему известна только наша оборонительная операция на Нареве! А когда корпус развернулся согласно директиве, на север, связь с командармом была утрачена.

— Товарищ Чумаков!— В голосе Маландина прозвучали нотки нетерпения и досады.— Я вам повторяю: нам все главное доложено!

— Кем доложено?! Кто мог знать, кроме меня и моего штаба, как складывалась обстановка при действиях неукомплектованного корпуса, без поддержки авиации, без связи, без снабжения и вообще без оперативного тыла!— Федор Ксенофонтович начал терять самообладание.— Я никак не могу понять вас, Герман Капитонович!

— Мне тоже многое не ясно,— уже мягче и с тенью горечи откликнулся Маландин.— Но мы располагаем документом, в котором лично вы, товарищ Чумаков, как командир корпуса, выглядите не лучшим образом.

— Даже так?!— Федор Ксенофонтович почувствовал, как заныли у него под повязкой челюстные мышцы и их начала сводить судорога.— Тем более я прошу вас немедленно принять меня и ознакомиться с оперативными документами штаба корпуса!

— Товарищ Чумаков,— опять с жесткостью перебил его Маландин.— Тогда уж пришлите документы со своим начальником штаба!.. Ему сподручнее будет докладывать, ведь он командовал корпусом. А вы... ждите наших решений.

Почувствовав, как мышцы в раненой щеке вдруг окаменели, наглухо сомкнув челюсти, Федор Ксенофонтович не мог вымолвить больше ни единого слова.

Маландин расценил его молчание по-своему, тяжело вздохнул и положил трубку.

Минут через двадцать, когда массажем поверх бинтов Чумаков успокоил боль в ране и почувствовал, что может разговаривать, вновь позвонил Герману Капитоновичу. Однако на месте его уже не оказалось.

Утром, когда солнце только бросило косые лучи в прифронтовой лес, с запада, солнцу навстречу, надвинулась серая туча и пролилась небольшим дождем. В лесу посветлело от заблестевшей листвы и травы, острее запахло цветами и хвоей, глуше стали доноситься орудийные раскаты из-за Друти, будто линия фронта отодвинулась назад, и даже шум недалекой рокадной дороги сделался за стеной умытого дождем леса менее внятным.

Но из всех витавших в округе шумов сейчас мог заинтересовать генерала Чумакова, кажется, только один — рокот мотоциклетного мотора: полковник Карпухин вчера вечером уехал с мотоциклистом в штаб фронта, и Федор Ксенофонтович ждал его возвращения с напряженной тревогой. Не находил в себе сил отвлечь мысли на другое и занимался утренним туалетом будто во сне: кажется, чужие, а не его руки скоблили безопасной бритвой лицо, затем плескали в него из лесного ручейка студеную, пахнущую гнилью воду... Мыслями был там, куда поехал Карпухин,— в штабе фронта, почему-то именно в палатке Маландина, хотя вряд ли Карпухину удастся попасть к самому начальнику штаба фронта.

Рядом, за кустами, где дымилась полевая кухня, старший лейтенант Колодяжный кому-то рассказывал услышанную историю о хитром Архипе, а потом спросил подошедшего, видимо, Иванюту:

— А как же дальше было?

— Ты об Архипе?

— Ну, конечно! Это же люкс-комедия!

— Никакой комедии, Колодяжный.— Голос Иванюты приблизился.— В девятнадцатом году беляки из банды Зеленого сказали Архипу последнее слово...

— Ну-ну?..— Веселость Колодяжного угасла.— Убили? А как же соседи? Кому цыганка наворожила помирать после Архипа первому?

— Ивану,— ответил Иванюта.— Через сорок дней после Архипа.

— Неужели действительно от страха помер?

Иванюта засмеялся, видать, каким-то своим воспоминаниям и ответил:

— Дело потом вот как было... Иван действительно начал готовиться к отбытию на тот свет: распорядился по хозяйству — кому из детей что должно принадлежать, рассчитался с долгами и самолично сколотил себе гроб. Не гроб, а хоромы из дубовых досок! На сороковой день помылся, переоделся, простился с родными, земляками и послал за священником... Приходит священник, а Иван, выпроводив всех из хаты, лежит в гробу, сложив руки. Причастил его батюшка, отпустил грехи — все, как полагалось тогда, и ушел... А на подворье голосит жена, плачут дети, родственники маются... Полсела сбежалось. Шуточное ли дело: человек живьем в гроб лег... Вечером заходят в хату, а Иван лежит, лупает глазами. Пожаловался, что мухи кусают и не дают помереть. Воды попросил...

Словом, три дня и три ночи промучился человек в гробу, а потом встал, потребовал еду на стол, самогонки... Затем как разгулялся: неделю целую воскрешение свое праздновал...

— Ну, а дальше?— В голосе Колодяжного искрилось веселое нетерпение.

— Дальше... через девять месяцев...— Иванюта растягивал слова и посмеивался.

— Что, помер все-таки?

— Нет!— Иванюта уже заржал во всю силу глотки.— Через девять месяцев у матери я родился!

— Так это был твой батя?!

От взрыва хохота даже эхо покатилось по лесу. Федор Ксенофонтович тоже рассмеялся и не услышал, как по затененной мокрой дорожке взлетел на лесную высотку мотоцикл. Увидел его уже рядом, остановившимся. Из коляски выскочил незнакомый младший лейтенант в танкистском комбинезоне и, пылая щеками, бойко прокукарекал, отдавая честь:

— Товарищ генерал-майор, разрешите обратиться!

— Обращайтесь!— ответил на приветствие.

— Пакет для генерала Чумакова...

— Я Чумаков...

Федор Ксенофонтович с дрогнувшим сердцем наблюдал, как младший лейтенант доставал из полевой сумки пакет...

Вскрыл и прочитал на форменном бланке довоенного образца машинописный текст. Это было адресованное ему распоряжение командующего 20-й армией. В нем писалось:

«...Приказом командующего фронтом от 4 июля с. г. остатки управления механизированного корпуса генерал-майора Чумакова Ф. К. вместе с подчиненными ему подразделениями вливаются в состав армии Ташутина. С получением сего генерал-майору Чумакову лично принять на восточной окраине Довска и включить в свою группу 213-й отдельный автобатальон, загрузить его транспортные средства боеприпасами по прилагаемому наряду, получить горючее... передислоцировать батальон в район расположения группы...» И указывались координаты.

Но что должно было следовать за всем этим, для Федора Ксенофонтовича оставалось загадкой. Как и не ясно, почему он **лично** должен был принимать автобатальон и для какой цели получать снаряды и такое количество патронов и гранат, не имея в своем распоряжении войск. Но приказ есть приказ...

Отобрав группу командиров, в том числе старшего лейтенанта Колодяжного, Федор Ксенофонтович ознакомил их с задачей и приказал занять места в кузове полуторки, а сам уселся в кабину, рядом с шофером. Через три часа, преодолев пыльную духоту, смрад пожарищ, побывав под бомбежкой у моста через Ухлясть, они уже были в Довске. Разыскали командира 213-го отдельного автобата и занялись всем тем бесхитростным, но хлопотливым и трудоемким, что предписывалось распоряжением. Во второй половине дня автобатальон, соблюдая меры предосторожности, чтобы не попасть под бомбовые удары, направился по автостраде на север, в сторону Могилева. К вечеру он должен был с боеприпасами и всей техникой оказаться в лесу, где располагалась группа генерала Чумакова. Сам же Федор Ксенофонтович, оставив при себе Колодяжного и взяв из автобата в свое распоряжение легкий броневичок, задержался в Довске. Теплилась в нем надежда, что, поскольку городок этот стоит на магистрали, ведущей в Ленинград, может, действует здесь телефонная линия, и ему удастся дозвониться домой...

«Надежда есть хлеб несчастливца»,— вспомнилось Федору Ксенофонтовичу изречение, когда покидал он почту, убедившись, что гражданская связь полностью переключилась на военные нужды, да и пределы ее возможностей не простираются далеко. «В Ленинград?.. Что вы!.. С первого дня войны далее Орши не можем пробиться»,— звучал в его ушах голос милой девушки с бледным, усталым лицом.

Несколько минут спустя Федор Ксенофонтович шагал по тенистой улочке к тому месту, где оставил на попечение старшего лейтенанта Колодяжного броневик. Улочка была тихой, и он не мог не обратить внимания на две «эмки», обогнавшие его. Легковые машины были размалеваны зеленой краской разных оттенков; по форме задней «эмки» он угадал в ней бронированный вездеход и понял, что приехал кто-то из высокого начальства. В двух десятках метров впереди машины остановились. Из задней вышел коренастый генерал, сверкнув

многими орденами на гимнастерке. Что-то знакомое уловил в нем Федор Ксенофонтович и, присмотревшись, узнал генерала армии Павлова.

Из передней машины вышел высокий моложавый полковник интендантской службы и, указывая Павлову рукой на открытые ворота двора, в глубине которого стоял одноэтажный каменный дом, приглашал его идти к дому. Но Павлов увидел и узнал Чумакова и, дожидаясь, пока он подойдет ближе, смотрел на него сумрачным и будто отсутствующим взглядом. У Федора Ксенофонтовича сжалось сердце от этого твердого и угрюмого взгляда. Кажется, это был не Павлов, а похожий на него человек, так разительно изменился он внешне. Глаза его воспалились, в них поселилось что-то недоброе, лицо с впалыми щеками потемнело. Павлов снял фуражку и, буравя приближающегося Чумакова взглядом, старательно вытирал платком вспотевшую бритую голову.

— Что ты здесь делаешь?— спокойно и както безразлично спросил Павлов, протягивая Федору Ксенофонтовичу руку после того, как тот отдал честь.

Чумаков, стоя навытяжку, доложил о задаче, которую выполнял в Довске. Павлов, надев фуражку, слушал его и недовольно хмурился.

— Ты разве не знаешь, что я не командующий?— с легкой досадой спросил он.

— Слышал,—со вздохом ответил Чумаков.— Сочувствую тебе.

— Не люблю сочувствий... Чего тянешься?!

— Можно не отвечать?— Чумаков смущенно улыбнулся.

— Можно.— Павлов тоже вздохнул и, указав взглядом на повязку, спросил: — Серьезное ранение?

— Неприятное... Задет челюстной сустав и повреждена барабанная перепонка.

— Да, неприятное. Поэтому, наверно, и не вступил в командование корпусом?

— Как это не вступил?!. С первой же минуты после прибытия в Крашаны все взял в свои руки и за все в ответе. За первые бои корпуса даже похвалу услышал от твоего заместителя — генерал-лейтенанта Болдина.

— Чертовщина какая-то!— Павлов пожал плечами.

— И приказ о вступлении в командование успел разослать вместе с боевым приказом о выходе дивизий на исходное положение.

— А чем же объяснить...— Павлов, кажется, испытывал неловкость от необходимости задавать неприятные вопросы и поэтому говорил медлительно, подбирая слова,— чем объяснить претензии к тебе?

— Чьи претензии? В чем их суть?

Недовольно посмотрев на другую сторону улицы, где сбились в стайку женщины и дети, глазевшие на военных, Павлов спросил у Федора Ксенофонтовича:

— Временем располагаешь?

— Располагаю.

— Тогда идем с нами, перекусим вместе и поговорим...

Пересекли двор, зашли в дом и тут же оказались в комнате с накрытым, неплохо сервированным столом. На столе — графин с водкой, запотевшие бутылки с лимонадом, парниковые помидоры и огурцы, мясные и рыбные закуски. Стулья, стоящие вокруг стола, зачехлены в белую парусину, в углу комнаты —фикус, на стене против единственного окна — портреты Сталина и Калинина. Федор Ксенофонтович даже не понял: находятся они в отдельной комнате столовой или в здании какого-то учреждения.

— Садитесь,— пригласил Павлов Чумакова и полковника интендантской службы, первым усаживаясь за стол.— Для начала давайте заморим червячка.

Выпили по рюмке водки, стали закусывать. Чумакову есть не хотелось: он весь был поглощен мыслью о том, что сейчас скажет ему генерал армии Павлов. А Дмитрий Григорьевич задумался о чем-то своем, не поднимал глаз от тарелки. Потом, видимо, ощутив неловкость от затянувшегося молчания или вспомнив, что Чумаков ждет его слов, заговорил, вновь наполняя рюмки водкой:

— Дорогой Федор!.. Тебе предъявляется обвинение в том, что ты не командовал как следует корпусом, переложив это нелегкое дело на плечи своего начальника штаба. И будто ты сам подтвердил это в своем донесении.

— Чушь какая-то!— тихо промолвил Федор Ксенофонтович.

— Потери твоего корпуса объясняются главным образом этим обстоятельством... И мне,— в голосе Павлова засквозил холодок,— небезразлично знать истину, чтоб понимать и степень своей вины, за которую мне снимают голову.

— Чудовищно!..— Глаза Федора Ксенофонтовича смотрели так, что Павлов отвел свой взгляд.— Но тебе известно, что на Нареве дивизии моего корпуса не отошли ни на шаг!.. А потом, согласно твоему приказу, корпус развернулся в сторону Гродно... Я, правда, не уверен, что это надо было делать, а точнее, уверен, что не надо...

— Я выполнял директиву наркома! — зло перебил Павлов.

— А я выполнял твой приказ, и корпус, имея девяносто старых танков вместо полагавшихся четырехсот новых, сделал все, что мог, и даже больше! О предположительных потерях немцев от ударов корпуса я написал в донесении.

— Вот видишь.— Из груди Павлова вырвался тяжкий вздох.— Все пишут точные данные, а ты — предположительные.

— Дмитрий Григорьевич, побойся бога!— В голосе Чумакова слышалась боль его тоскующей души.— Помнишь, в Испании ты со своими танкистами однажды в ночном бою помог пробиться нам из кольца. Ты сумел бы наутро доложить точно, какие потери нанес врагу?.. Правду об истинных потерях на войне узнают после войны.

Павлов молчал. Все-таки самая безмерная власть, перед которой отворяются врата правды, признается за разумом...

— Бой в окружении с превосходящими силами противника... Нет более тяжкого и страшного боя.— Федор Ксенофонтович будто размышлял вслух.— И как мы держались! Один только артполк танковой дивизии Вознюка в клочья растрепал огромную танковую колонну немцев... Кто мог точно подсчитать, сколько танков, бронемашин, мотоциклов, какое количество живой силы перемололи наши снаряды?.. Нам несколько раз удалось обрушиться на врага, когда он двигался колоннами. Что такое огневой артиллерийский удар кинжального действия? Страшно сказать... Прямой наводкой из засады целым дивизионом по скопищу машин и людей... И в лобовых столкновениях при развернутых боевых порядках, пока были боеприпасы и горючее, наши люди не посрамили себя... Когда корпус оказался расчлененным, даже тогда... А-а, да что там говорить! Писал я итоговое донесение, а самого съедала тоска: понимал, что руководству сейчас не до чтения бумаг.

— Но ведь именно на твои бумаги и ссылаются!

— Кто ссылается? Где?..

— Вчера утром на командном пункте фронта я случайно присутствовал, когда Лестеву и Маландину докладывали об очередных итогах работы проверочной комиссии. В выводах о тебе отзываются не лучшим образом.

— Там даже подготовлен отдельный документ,— впервые вмешался в трудный разговор полковник с зелеными петлицами.

— Отдельный?— удивился Павлов.

— Да. Для Военного совета фронта. Помните, еще Лестев спросил этого бригадного комиссара в авиационной форме... Небольшого росточка такой... Почему он лично не подписал бумагу.

— А-а, верно! Тот ответил, что с Чумаковым не беседовал и велел подписать какому-то подполковнику, который вызывал твоих людей и изучал документы твоего штаба и политотдела...

— И этот документ подписал подполковник?— насторожился Федор Ксенофонтович.

— Да,— ответил полковник.

— Фамилия его, конечно, Рукатов?— В голосе Чумакова резко прозвучала злая ирония.

— Точно, Рукатов...— озадаченно подтвердил полковник.

— Тогда все ясно.— Чумаков, кажется, обрел спокойствие; он лихо, с какой-то неожиданной веселостью выпил рюмку водки, с хрустом откусил кусок огурца, будто и не была ранена у него челюсть, и впервые улыбнулся:— Рукатов — мерзкий тип, которого я когда-то выгнал из полка. Во время испанской эпопеи он тоже писал на меня — в НКВД... Жалко, не дотянулись тогда руки раздавить гниду.

Все правильно угадал генерал Чумаков. Именно Рукатов, воспользовавшись тем, что в сводных боевых и политических донесениях особо подчеркивались боевые и моральные качества начальника штаба корпуса полковника Карпухина и, зная, что генерал Чумаков мог не успеть прибыть в корпус до начала войны, сочинил порочащий его документ, будучи уверенным, что подпись под документом поставит руководитель их группы и в военной сумятице истина не восторжествует... Страх перед Чумаковым делал низкую душу Рукатова еще более низкой.

— Ну вот, теперь ясно,— после паузы сердито изрек Павлов и требовательно посмотрел на полковника.— Возьмите, пожалуйста, этого Рукохватова...

— Рукатова,— подсказал полковник.

— ...Возьмите его на себя... Чтоб и духу его...

— Есть, будет выполнено!— Полковник тут же что-то записал себе в блокнот.

Это было последнее распоряжение, которое отдал в своей жизни генерал армии Павлов...

Обед продолжался. На столе появились тарелки с окрошкой, заправленной сметаной, сквозь которую проглядывали ребристые кусочки льда.

Павлов с болезненным любопытством выспрашивал у Чумакова о самом первом дне войны, о первых ее часах. Слушал рассказ Федора Ксенофонтовича, низко склонив голову и не поднимая глаз. Чувствовалось, что боль жжет его сердце и трудные мысли не дают покоя.

— Да, Федор Ксенофонтович!..— Павлов чуть оживился, поднял на Чумакова пристально-вопрошающие глаза.— А как тебе удалось так быстро пробиться из окружения?

— Военное счастье оказалось на моей стороне,— раздумчиво ответил Чумаков.— Приметили мы, что немцы держатся дорог, не суются в леса и на болотистые массивы. Вот тут полковник Карпухин особенно проявил себя. После прокладки по карте маршрута он железно следил за выдерживанием направления на каждом отрезке пути, за действиями охранения. А маршрут выбирали такой, чтобы можно было передвигаться не только ночью, но и днем. Обзавелись трофейными маскировочными накидками, а у кого не было, брали с собой на открытые места связки веток. Самолет только загудит, и уже звучит команда «Ложись!». Но без стычек не обходилось... Продукты и боеприпасы отнимали у фашистов. Без потерь, разумеется, тоже не обошлось...

— Ну что ж.— Павлов дрогнувшей рукой опять наполнил рюмки. Глаза его будто просветлели, исчезли красные прожилки на белках.— Выпьем по последней за наши солдатские дороги... Какими бы они ни были, но мы обязаны пройти по ним до конца и с честью.

В это время дверь в комнату приоткрылась, и из-за нее кто-то кивком руки позвал сидевшего с краю полковника. Тот вышел и вскоре возвратился несколько растерянным и побледневшим.

— Товарищ генерал армии,— обратился он к Павлову.— Вас просят зайти в соседнюю комнату.

— Кто просит?— недовольно спросил Павлов.

— Представители Наркомата обороны. Говорят, неотложное дело.

Павлов поднялся, расправил под ремнем гимнастерку, застегнул на воротнике верхнюю пуговицу и медлительно вышел.

Сидя за обеденным столом, так и не дождался Федор Ксенофонтович возвращения Павлова. Услышав, как уехали со двора машины, забеспокоился. Но тут вошел полковник интендантской службы, виновато развел руками и, пряча глаза, со вздохом сказал:

— Уехал Дмитрий Григорьевич... Велел извиниться... Срочные дела...

С угнетенностью и необъяснимой тревогой покидал генерал Чумаков это невеселое застолье. Его тоже ведь ждали дела.

УВИДЕНО. НАЙДЕНО. ОТКРЫТО.



Ф. Г. Раневская в роли Глафиры Фирсовны.

Когда встретишь на афише того или иного театра имя автора «А. Н. Островский» и далее — название пьесы, то не подумаешь: это, мол, мы уже видели, знакомы и, значит, снова смотреть не стоит (а ведь появляются такие мысли иногда у театрального зрителя!). Думаешь другое: да, читали раньше и видели, но посмотрим еще раз. Островский неисчерпаем, и каждое его творение дает драгоценную возможность и режиссеру и актеру показать зрителям все грани своего таланта, мастерства.

Совсем недавно в Московском театре имени Моссовета прошла премьера: А. Н. Островский. «Последняя жертва».

Поставленный народным артистом СССР, главным режиссером театра Юрием Александровичем Завадским, спектакль привлек общее внимание. Тем более что участвуют в нем такие мастера сцены, как народная артистка СССР Ф. Г. Раневская, народный артист РСФСР К. К. Михайлов, заслуженные артисты РСФСР В. И. Талызина, Л. В. Марков, М. Л. Львов...

Наверное, все знают историю молодой вдовы Юлии Тугиной, полюбившей легкомысленного повесу Вадима Дульчина, но счастья не нашедшей. Там, где властвуют деньги, нет места любви.

Потом Юлия скажет Дульчину, что она умерла для него. Но она умерла и для себя. Гибнет душа, и мы, зрители, мысленно присоединяем Юлию к тому символическому хороводу пляшущих, хохочущих над поверженным Дульчиным марионеток, который возникает, по творческому велению Ю. Завадского и художника А. Васильева, в конце спектакля.

Но вернемся к героям постановки. А ими здесь становятся Глафира Фирсовна (тетка Юлии) в исполнении Раневской и Флор Федулыч — Марков. Это они распоряжаются ходом событий, они вершат судьбу в общем-то одинокой и беззащитной Юлии. Вершат уверенно, непреклонно, понимая друг друга с полуслова.

Героиня Раневской на первый взгляд хитра и нахальна, но вот удивительное дело: она, оказывается, не столь уж зловредна, как мы «привыкли» видеть тетку Юлии на многих сценах или как можно ее представить по прочтении самой пьесы. Это не она зловредна, а жизнь. Вспомним, в пьесе Глафира Фирсовна говорит: «Поживешь с мое-то, да в бедности, так стыдочек-то всякий забудешь, ты уж в этом не сомневайся». И, глядя на Глафиру Фирсовну — Раневскую, остро ощущаешь эту извечную бедность героини, как внешнюю, так и внутреннюю. Она жалка и смешна со своею шаркающей и одновременно какой-то подпрыгивающей походкой; со своими пронзительными, все подмечающими и неожиданно озорно поблескивающими глазками; со своим надтреснутым голоском, униженно-тонким с сильными мира сего и поучительно-басовитым в обращении с себе подобными... И в то же время героиня Раневской по-своему сильна. И даже несокрушима... Сильна той беспощадной правдою, которую она исповедует всей жизнью, всеми поступками своими: выживают и преуспевают лишь люди, лишенные «стыдочка» — принципов, чувств,— вот именно такие, как она. И как Флор Федулыч.

В исполнении Л. Маркова Флор Федулыч — натура страстная, бурная, неудержимая. Он красив, ярок. Несмотря на свой преклонный возраст, он весьма выгодно отличается от молодого Дульчина своей мужественностью, цельностью...

Думали ли мы, что и таким может быть известный нам Флор Федулыч? От неожиданности этой вдруг начинаем испытывать к нему даже и симпатию. Начинаем сочувствовать ему, окруженному алчными родственниками, зарящимися на его купеческое богатство.

Но рано или поздно мы «прозреем». И, следя за действиями Флора Федулыча, вновь и вновь будем сравнивать его, а вернее, приравнивать к Глафире Фирсовне...

Потому что «забота» Флора Федулыча о Юлии на деле оказывает-

ПО САМОЙ

Виктор ЯКОВЕНКО



* * *

Дохнет подземелья прохлада,
Расступится гулкая тишь.
Здесь люди гранитного склада —
По их пятерням ощутишь.

И, может быть, в эту минуту
Поймешь, что недаром забой —
По самой глубинной сути —
Роднится с яростным «бой».

С грохочущим словом «лава»,
Венчая нелегкий труд,
Рифмуется гордая слава,
Которую с бою берут.

На истину эту святую
Шахтеры имеют права.
Слова «Горняки рапортуют» —
Особого смысла слова.

* * *

Возводят радуги-мосты
И в небо поднимают срубы
Творцы извечной красоты —
        Солнцелюбы.
Готовы мериться с судьбой,
Двужильные, в спецовках грубых,
В глухой спускаются забой
        Солнцелюбы.
В тревожный час, когда зовут
Отчизны зоревые трубы,
В шеренги первыми встают
        Солнцелюбы.

* * *

Как раздумье
На исходе лета,
Бронзовый, с отливом серебра,
Воробьями бойкими воспетый
Тополек
У старого копра.
Пыльный ветер,
И степные грозы,
И лучи зари
В себя вобрав,
Без тоски зеленой
По березе,
Вдалеке от родственных дубрав,
Он с железным великаном рядом,
День и ночь
Бессменно на посту,
Под его надежным, добрым взглядом
Словно говорит ему:
«Расту-у!»

* * *

То, что было,
Сердцу свято,
То, что было,
Было в срок.
Меж рассветом и закатом
Столько пройдено
Дорог.

Между молнией и громом
Обнимались мрак и свет,
Между росстанью и домом
Промелькнуло
Столько лет.

Меж истоками и устьем
Путь и легок и кремнист,
Между радостью и грустью
Опадает желтый лист.

Пусть отмерено судьбою —
Нашей веры не избыть:
Между мною и тобою
Нет «любить» и «не любить».



Л. Марков — Флор Федулыч.

ся холодным расчетом. «Мужественность» же и «цельность» оборачиваются беспощадностью, неразборчивостью в выборе средств для достижения цели.

В спектакле немало актерских удач. Это и работа В. Талызиной (Юлия), и Г. Бортников в роли Дульчина, и М. Львов — Лавр Мироныч, и А. Баранцев, играющий Наблюдателя...

Мы уже говорили о том, что творчество Островского хранит в себе неисчерпаемые возможности для современного актера. Но, кроме того, обращение к великому драматургу — это еще испытание для театра. Материал, оставленный драматургом в наследство, требует творчества активного — как режиссерского, так и актерского. Театр имени Моссовета блестяще выдержал это испытание.

Н. АЛЕКСЕЕВА

Фото В. Петрусовой.

П О С Л Е В Ы С Т У П Л Е Н И Я «О Г О Н Ь К А»

«ПАРОЛЬ? ВАРЕНИКИ!»

После опубликования в «Огоньке» (№ 43 за 1972 год) под рубрикой «Коэффициент вредного действия» заметки «Пароль? Вареники!» о названиях-двойниках, о нелепых наименованиях товаров редакция получила несколько писем. В них отмечается, что названия-близнецы вносят путаницу, независимо от того, идет ли речь о каком-либо изделии или о торговом предприятии. Свои соображения по этому поводу высказывает первый заместитель министра торговли СССР С. Трифонов. Он, в частности, сообщает, что «...номенклатурой типов магазинов, утвержденной Министерством торговли СССР и Госгражданстроем, не предусмотрено присвоение именных названий торговым предприятиям». Однако по сложившейся традиции местные организации присваивают отдельным торговым предприятиям названия, что позволяет легче находить эти магазины.

Принимая во внимание, продолжает заместитель министра, что в ряде городов допускается дублирование при присвоении названий торговым предприятиям, Министерство торговли СССР предложило устранить имеющиеся недостатки и не допускать в дальнейшем «присвоения торговым предприятиям названий, дезориентирующих покупателей и не соответствующих профилю предприятий».

Экспертному совету при Всесоюзном постоянном павильоне лучших образцов товаров народного потребления поручено при рассмотрении образцов новых товаров больше внимания обращать на присвоенные им названия. И в случаях, когда эти названия являются неудачными, ставить перед промышленностью вопрос о других названиях. Следует, однако, отметить, подчеркивает С. Трифонов, что через экспертный совет проходит крайне незначительная часть товаров народного потребления. В связи с этим Министерство торговли СССР «обязало главные товарные управления и министерства торговли союзных республик повысить требовательность к промышленным министерствам и ведомствам, выпускающим товары народного потребления, в части упорядочения практики присвоения названий товарам».

На наш взгляд, отмечает заместитель министра, серьезное внимание этим вопросам также должны уделить Госстандарт и Госкомитет цен, их органы на местах.

Еще один ответ пришел в редакцию от директора «Москниги» С. Поливановского. В письме, в частности, отмечается: «Москнига» не возражает изменить название своего магазина № 63, назвав его «Книжной лавкой журналиста», о чем будет возбуждено ходатайство перед ГлавАПУ Моссовета.

Прошел с той поры год, но ничего пока не сделано. Так что теперь слово за Главным архитектурно-планировочным управлением Мосгорисполкома. Или, может, в «Москниге» просто забыли и не «возбуждали ходатайства»?

Но независимо от этого не мешало бы разобраться в рекламном хозяйстве, в вывесках. Стремительный рост городов требует тут особой точности и четкости. Иначе путаница неизбежна. Пока же ни Главное архитектурно-планировочное управление Москвы, ни Главное управление общественного питания, которое особенно неразборчиво в названиях, никак не отреагировали на то, что бо́льшая часть заметки «Пароль? Вареники!» была посвящена названиям-двойникам над входами в кафе и столовые...

«Нет повести печальнее на свете...»

Под таким названием в № 13 «Огонька» за нынешний год была опубликована статья С. Калиничева. Речь шла о том, что жительница Тбилиси Джульетта Саркисова, переехав в Киев, незаконно получила квартиру при активной помощи Ф. П. Лещенко, заместителя начальника главка «Укрглавлесбум».

Редакция получила письмо председателя Киевского городского комитета народного контроля А. Плюйко, в котором он сообщает, что «в статье «Нет повести печальнее на свете...», опубликованной в «Огоньке» № 13 за 1973 год, факты соответствуют имеющимся в комитете материалам проверки». Д. Саркисова, незаконно став на квартирный учет в Ленинском райисполкоме Киева, при активном содействии Ф. П. Лещенко получила однокомнатную квартиру. В письме отмечается необъективное отношение Ф. П. Лещенко и Д. А. Саркисовой к инженеру Т. В. Боким, сообщившей в партийные органы о неправильных действиях Ф. П. Лещенко.

Справка Киевского городского комитета народного контроля обсуждалась на партийном собрании первичной партийной организации и на парткоме Главснаба УССР.

Редакция получила также решение Печерского райкома КП Украины. Выступление «Огонька» обсуждалось на бюро райкома. Тов. Лещенко Ф. П. объявлен выговор.

ГЛУБИННОЙ СУТИ

СНИМАЕТСЯ КОМЕДИЯ...

Маргариту Ивановну, королеву Марго (Ф. Раневская), мы застали на вокзале. В ответ на нашу просьбу Марго молча и безнадежно махнула рукой. Вместо нее нам дали интервью два милиционера, видимо, случайно оказавшиеся рядом:

«Гражданка едет далеко. Вернется нескоро».

и.
, тают,
ки...

Егору Исаеву.

о же, коль хвалить —
о, и сурово,
жду утолить
зревшим словом.

и похвалы,
меря,
кулы,
себя поверил.

ит этот миг,
ом,
а сердцем
ать других
е деться.

та пора,
льнее ценишь.

не тебе лишь,
сь
вчера.

КРИНИЧАНСКАЯ ВОДА

Я пил из пригоршни глотками,
Рукой о камень опершись.
Пил воду
Вместе с облаками
И неба солнечную высь.

В ложбине, где поселок дачный,
Чиста, светла,
Как гладь стекла,
Она текла струей прозрачной,
Мне в душу самую текла...

Потом с годами много было
Живой воды, целебных струй,
Холодных, придававших силы,
Желанных, словно поцелуй.

И дома, и в дороге дальней,
И просто так, и от беды
Пить довелось и минеральной
И газированной воды.

Пил из стакана,
Из бокала,
Из кринки пил
И из ковша.
Но слаще той воды
Не знала
Неутоленная душа.

Ведь там, далече от столицы,
Мое начало,
Мой исток.
И вновь припасть бы к той кринице,
Еще хотя б один глоток.

НЕДЕЛЯ В СЕДЛАХ

Ю. ЛУШИН

Фото автора.

Третий день качаемся в седлах. Третий день горная речка Куюм гремит то справа, то слева от тропы, по которой продвигается наш караван. Лошади переходят речку и вброд и по бесчисленным мостикам, мосточкам, потом вязнут в болоте, продираются сквозь немыслимый кустарник, цокают копытами по камням или утопают в мягких травах между молчаливых кедров. И все вверх, туда, где за синими хребтами прячутся неведомые еще нам Каракольские озера (цель нашего пути) и где иногда в просветах алтайской тайги начинают мелькать на вершинах белые пятна нестаявших снегов — белки.

...В городах лошадь — экзотика. Всевозможные виды транспорта и большие скорости вытеснили ее с улиц и площадей, но есть еще немало мест на земле, где без нее не обойтись: горные или таежные районы, куда не пройдет никакая машина, туристские тропы, наконец. Конный туристский маршрут здесь, на Алтае,— единственный в Советском Союзе. Существует он всего третий год. И от желающих походить его верхом отбоя нет. Причем интерес к нему, как мне кажется, всеобщий. Среди нас, например, люди самых различных специальностей: электрик и лаборант, шофер и инженер-конструктор, плотник и технолог, химик и швея, медсестра и доцент университета, штукатур и врач. Возраст — от 20 до 60 лет. Кто-то приехал из чистого любопытства, понятия не имея, с какой стороны подходить к лошади; кто-то специально готовился к маршруту и даже запасся гусарскими шпорами. Но всех объединило одно — благородная страсть к узнаванию нового, желание проверить себя в трудностях, отдохнуть.

Дети города, мы теперь наивно радуемся своему умению поймать и взнуздать лошадь, радуемся невиданным цветам, травам, птицам, деревьям, радуемся просто так — небу, облакам и хорошему настроению. А что еще нужно?

Наши новенькие седла после первого же дождя потемнели, а мы сами обрели вид бывалых всадников. Мне кажется, что конь мой лучший в мире, а сижу я в седле, как скиф. Посмотрел на остальных — в их глазах блистала та же самоуверенность. Но в первый день похода было не так...

О, этот первый день! Весь лагерь вышел нас провожать. Мы держались молодцами и смотрели на пеших братьев-туристов свысока (в прямом смысле). Но зависти в их глазах не замечали. Некоторые же откровенно иронизировали над нами. Когда миновал момент новизны и я окончательно было уверился, что действительно стал полноправным хозяином, покровителем и повелителем славного Вороного, именно в тот самый момент я вдруг почувствовал: что-то не так. Вороной мой подпрыгивал отдельно, я — тоже отдельно, как-то невпопад, сбиваясь с его ритма. Мы катастрофически теряли взаимопонимание! Удобное сначала седло превратилось в жесткий камень, и я с ужасом думал о том, что впереди еще столько дней пути...

Вороной скакал, как ему скакалось, сворачивал, куда хотелось, кокетничал мимоходом с соседской лошадью и насмешливо косил на меня блестящим глазом, словно вопрошая: «Ну, как ты там, еще держишься?»

Я до боли в коленях упирался в стремена, натягивал поводья, и тогда Вороной вовсе останавливался, и я оказывался в хвосте колонны.

«Подтянись!» — заметив непорядок, кричал инструктор Слава Шаравьев, которому мы единодушно присвоили звание есаула. Приходилось давать волю Вороному, и тот снова скакал козлом...

Вечером я с трудом мог разогнуть ноги, окружающий пейзаж еще долго прыгал перед моими глазами, прыгал и костер, покачивались деревья, даже звезды. Ужинал я стоя, пошучивая, что так, мол, больше съем. Впрочем, добрая половина доблестных всадников последовала моему примеру...

Но на следующее утро все горести были забыты. Вороной сначала пытался повторить вчерашние проделки, и я некоторое время, как и накануне, не в лад с конем подпрыгивал в седле, но вот я скорее инстинктивно, чем сознательно, привстал на стременах и слегка пригнулся к шее коня. Тряска прекратилась. Стало легко и свободно. Вороной удивленно покосился на меня и наддал ходу. Я не возражал. Я открыл для себя в этот момент великий и простой секрет езды на лошади: нужно принять естественное положение в седле, и тогда лошадь совершенно подчинится всаднику, признает его власть над собой...

На третий день мы миновали роскошные альпийские луга, оставили позади лето. Но вопреки смене времен года после лета на вершинах нас снова встречала весна, ранняя весна. Трава здесь только поднималась, а потом и вовсе исчезла. Началась тундра. Идем по мхам, ведя лошадей в поводу, попираем ногами карликовые березки, только-только начинающие выпускать крохотные листочки, кажемся великанами, попавшими в страну лилипутов. Березкам этим, может, по сто лет, а толщиной они в мизинец. Их годовые кольца можно рассмотреть только в микроскоп, они тоньше волоса. Какое же стремление выжить заставляет их преодолевать все невзгоды?!

Поднимаемся еще выше, отчетливо видим снега на близких вершинах. По науке через каждые сто метров подъема температура падает на полградуса. Может, оно и так, только нам становится все жарче и жарче, идем по голым скалам, по камням, по осыпям, по гольцам, как их называют здесь,— трудно и опасно. А сверху вовсю жарит горное солнце. Наконец останавливаемся над кручей — дальше пути нет — и застываем в изумлении. Прямо под нами в темно-зеленой оправе кедровых лесов лежат Каракольские озера. Темная их вода хранит какие-то тайны, вершины вокруг сторожат тишину, спугнуть ее — кощунство. И мы долго стоим молча. Над нами плывут облака и отражаются в водах озера. Когда же мы спускаемся по головоломным кручам, то удивляемся еще раз: черная вода озера, казавшаяся с высоты непроглядной, абсолютно чиста и прозрачна, на многометровой глубине отчетливо видны камни.

Отсюда наш путь пойдет все вниз и вниз, назад, к лету, к пышным лугам и цветам, и снова нашей спутницей будет горная речка, только уже другая, Элекмонар. Честно говоря, мы только-только вошли во вкус путешествия, а оно уже кончается. Неделю мы провели в седлах. Конечно, каждому из нас будут долго вспоминаться красоты горного Алтая, свист ветра в ушах, когда летишь галопом по альпийским лугам, токующие бекасы в сумерках, когда свет костра сгущает темноту вокруг нас...

Но к концу пути возникают некоторые мысли, под которыми хочется поставить не восклицательный, а вопросительный знак.

Старожилы вспоминали, что в 30-х годах в этих местах существовал конный туристский маршрут до самого Телецкого озера и обратно — так называемая алтайская кругосветка. Держали тогда более трехсот лошадей в течение всего года, а теперь раз в пять меньше, да и то лишь в летний сезон. Лошадей сейчас турбаза арендует в основном у колхозов и совхозов и платит почти три рубля в сутки. Не трудно подсчитать, что каждая лошадь обходится в триста с лишним рублей за сезон, причем лучшую лошадь ни один хозяин, конечно, не отдаст. Между тем номинальная стоимость хорошей лошади примерно такая же. Может быть, турбазе приобрести лошадей в собственность за те же деньги и пользоваться их услугами весь год? Правда, это возможно лишь при условии, если турбазе выделят выпасы в достаточных масштабах,— пока же они мизерны. Многие специалисты, мнение которых я слышал, придерживаются именно этой точки зрения.

Во всяком случае, ясно одно: лошади на маршрут должны выходить здоровыми, объезженными и... подкованными. Таких поставляет турбазе госконюшня, но, к сожалению, их мало. В нашей группе, например, несколько лошадей были неподкованными (подковы, оказывается, дефицит), и лишь по счастливой случайности никто из них не поранил ноги на скалах и не вышел из строя. Справедливости ради скажу, что следующая группа уже отправилась только на подкованных конях.

Понятно, что все это временные неурядицы. И еще: говорят, конный туризм был когда-то развит и на Кавказе. Почему бы и там не возродить его? Почему бы не открыть конные маршруты и в Киргизии, Казахстане, Башкирии?..

Амазонка.

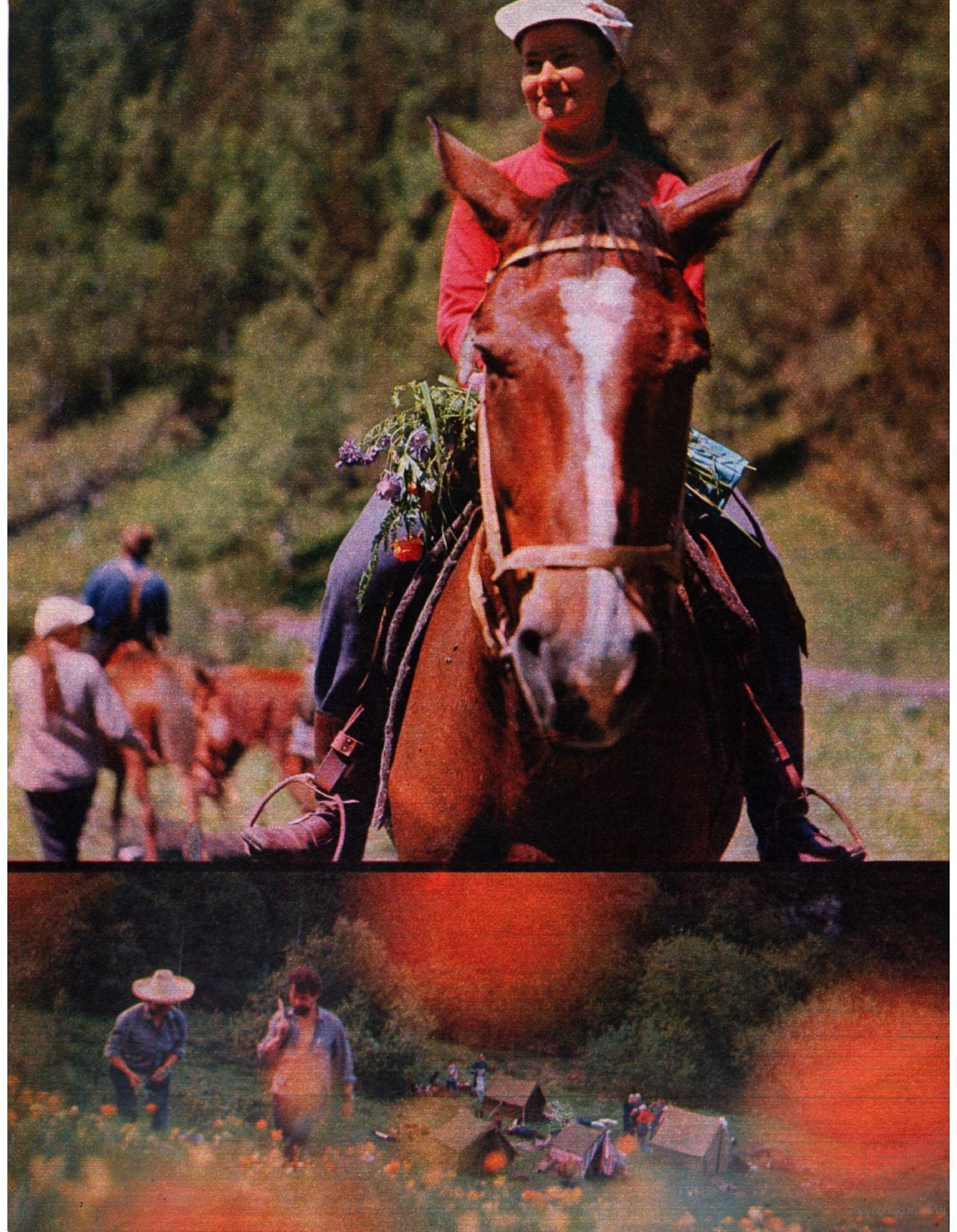
От сибирских жарков полыхали поляны.

НА ОБОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Третий день качаемся мы в седлах.

Привал.

Через воды и расстояния.



ОГНИ НА ЭЛЬБЕ


Владимир ПАВЛОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»



Встреча представителей дружественных армий. Фото С. Хартиша.

В тот день по Марктплац проходила История. Шествие ее открыли ремесленники и бюргеры в средневековых одеждах, закованные в стальные доспехи рыцари на боевых конях...

Все, что когда-то видели Торгау и его старинные здания под темной от времени черепицей — все, что они видели, снова ожило на Марктплац.

Вот проплыла по каменной брусчатке процессия клириков во главе с Мартином Лютером — именно здесь он написал правила, что легли в основу протестантизма.

В открытой карете проехали Петр Первый и великий немецкий ученый Лейбниц — их встреча произошла в Торгау, когда русский царь странствовал по Европе.

Прошли первые марксисты, высоко подняв над головой книгу в алой обложке — «Коммунистический Манифест», первые забастовщики-мастеровые с плакатом: «Повысить зарплату». Над площадью заколыхались красные знамена — шли колонны участников революции 1918 года. И сотни рук поднялись в приветствии: «Рот фронт!»

Потом грузовик провез рассеченную трещиной черную свастику, окруженную крестами солдатских могил...

И как бы знаменуя победу над гитлеризмом, на площадь вышли советские солдаты — каждый с ребенком на руках, как тот гранитный воин, что застыл навеки в берлинском Трептов-парке.

А следом на древнюю Марктплац вступила новая, социалистическая Германия. В четком боевом строю проследовали части Национальной народной армии ГДР. Рабочие, инженеры, техники, ученые показали все, что производится в Торгау. Прошли пионеры с барабанами и оркестрами, прошли физкультурники. И древняя площадь расцвела и помолодела.

Так город Торгау отметил свое тысячелетие.

Костюмированное шествие на Марктплац было лишь одним из многих событий праздничной недели. Все эти дни в городе проходили митинги и народные гулянья, кипели спортивные страсти. За городом шумела праздничная ярмарка. А в древнем замке-крепости Гартенфельс выступали артисты, с огромным успехом показал свою программу ансамбль песни и пляски Группы советских войск.

Самыми почетными гостями праздника были ветераны рабочего движения, те, кто в черные времена фашизма не сложил оружия и продолжал борьбу в подполье, а после войны восстанавливал разрушенные города, села, дороги, пускал заводы и фабрики, налаживал новую жизнь.

Старый рабочий-печатник Отто Бесслер и его жена Фрида приехали в Торгау из Лейпцига. Отто Бесслер вступил в Коммунистическую партию Германии в 1920 году.

Когда Гитлер пришел к власти, Отто Бесслер оказался в тюрьме. С тридцать третьего по тридцать восьмой просидел он в застенке. Но тюрьма не сломила Отто. Вернувшись в родной Лейпциг, он восстановил связи с подпольщиками и вновь принялся за работу. Бесслер и его товарищи тайно слушали Московское радио, распространяли листовки, отпечатанные на гектографе, оставляли их в заводских раздевалках, в ящиках для писем и газет. Отто вспоминает, как они отпечатали крупную партию листовок в типографии одного нациста: пока печатали, хозяин сидел в наборной под дулом пистолета.

Дочь Бесслеров Анна помогала родителям в опасной работе. В сорок четвертом, самом тяжелом для лейпцигских подпольщиков году, когда начались массовые аресты и в лапы гестаповцев попал руководитель подполья Артур Гофман, Анна не раз относила тайную корреспонденцию. Записочку прятали в целлулоидной капсуле, которую девушка держала во рту и в случае опасности должна была проглотить. В сорок пятом Анну приняли в партию.

После окончания войны Отто Бесслер возглавлял партийный комитет Восточного района Лейпцига и был членом руководства антифашистского блока в Лейпцигском округе. Сейчас он заместитель председателя комиссии по истории рабочего движения при горкоме СЕПГ. Председатель же — старый товарищ Отто по подполью Вальтер Крессе...

Такие люди хорошо знают подлинную цену мира. И потому, наверное, у нас и зашел разговор о предстоявшем в Москве конгрессе миролюбивых сил.

— Однажды,— говорит Отто Бесслер,— я спросил учеников в школе, где меня принимали в почетные пионеры: «Что такое социализм?» «Социализм — это мир!» — так ответили ребята. А я добавил: «Социализм — это не только мир, но и ваша школа, ваша семья, ваша родина. Словом, ваша жизнь — настоящее и будущее, все, все это — социализм». Сегодня содружество социалистических стран во главе с Советским Союзом, можно сказать, центр сил, отстаивающих мир. И Московский конгресс, по-моему, еще теснее сплотит людей доброй воли в борьбе за мир.

* * *

И еще одна встреча в Торгау. Имя моего собеседника — Пауль Имз. Жители города, те, кто постарше, хорошо знают этого человека. С того момента, как Пауль вступил в Коммунистический союз молодежи в 1919 году, а затем в 1923-м — в КПГ, ни одно крупное революционное событие в Торгау и в окрестностях города не обходилось без его участия. Однажды на колонну демонстрантов-коммунистов напали молодчики из местной фашистской организации «Стальной шлем». Пока исход схватки не был ясен, полиция не вмешивалась. Но как только демонстранты начали теснить штурмовиков, пошли в ход полицейские дубинки. Многие коммунисты, в том числе и Пауль Имз, были арестованы.

Тюрьма в Торгау, заключение в замке Лихтенберг, концлагери на границе с Голландией — те самые, где родилась песня о «болотных солдатах», страшный гестаповский застенок «Колумбия хауз», лагерь смерти Заксенхаузен. Все это прошел мужественный человек, стойкий коммунист Пауль Имз. Мы говорили с ним о прошлом, о том, что не должно никогда повториться. Мы вместе мечтали о будущем, фундамент которого закладывается сегодня.

— В нынешнем году Земля вступила в новую эпоху — в эпоху переговоров,— сказал Пауль.— Очень большую пользу для дела мира принесли визиты Генерального секретаря ЦК КПСС в США, ФРГ и Францию. Еще не так давно капиталистические государства и слышать не хотели о переговорах с ГДР, о признании нашего государства. Теперь положение изменилось. Причина этих изменений — растущая мощь социалистического содружества, крутой подъем авторитета Советского Союза и других братских стран в глазах миролюбивых людей всей планеты... Мы, немцы, живем на земле, где дважды начинал полыхать пожар мировых войн. Бойня, развязанная фашизмом, поставила Германию и немецкий народ на край гибели. Вот почему мир для нас не абстрактное понятие. Есть еще люди, которые хотели бы переписать историю вопреки воле народов. Они-то и представляют сегодня угрозу для человечества. Наш долг — всеми силами защищать и отстаивать мир. Поэтому я и мои товарищи по пар-



Товарищ Пауль Имэ.

тии приветствуем конгресс миролюбивых сил.

* * *

На немецкой земле немало старых и очень старых городов. Для многих из них тысяча лет, как говорится, «не возраст». И все-таки тысячелетний юбилей Торгау привлек всеобщее внимание и в ГДР и по ту сторону западной границы республики.

— В нашем городе при Гитлере жило немало видных деятелей фашистского режима,— рассказывал мне секретарь районного комитета СЕПГ Хайнц Хензель.— Некоторые из них нынче обретаются в ФРГ, образовали там землячество, издают собственную газету «Торгаухайматблатт», да и в других изданиях не упускают случая распустить всякие небылицы о сегодняшнем дне нашего города, о социалистических порядках. Разумеется, они не находят никакого отклика в ГДР. Почему? Потому, что среди наших людей нет больше сторонников капиталистических порядков. Никто не хочет возвращения прошлого. Люди ощутили вкус новой жизни. Так что реакционерам из-за кордона рассчитывать на чью-либо поддержку не приходится... Во всем мире, в том числе и в ФРГ, стали понимать: к прогрессу человечества ведет путь переговоров, мирный путь.

...Праздник в Торгау завершился грандиозным фейерверком. Поздним вечером мимо берегов Эльбы, усеянных бесчисленными зрителями, мимо памятника в честь встречи советских и американских войск, мимо древних стен Гартенфельса поплыли тысячи огоньков — зажженные свечи на крохотных пластмассовых плотиках. Затем, высвечивая облака, к небу взмыли огненные фонтаны...

Мне кажется символичным, что маленький немецкий городок на Эльбе, где встретились в победном сорок пятом войска союзников — русских и американцев, отметил свой юбилей в этом году, когда состоялись советско-американские встречи в верхах, открывшие новую главу современной истории.

Торгау.



Юные граждане Торгау.

Фото Х. Плохофа.

Муром. Рабочие и служащие завода имени Орджоникидзе получают зарплату в сберкассе.

ЗА О

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

— Сижу я на какой-то приступочке, — рассказывает Евгений Михайлович Жихарев,— сил нет. Перед глазами все плывет, качается... Подходит женщина: «Что, парень, плохо тебе?» Я озлился: начинаются, думаю, бабьи жалости, расспросы... Сказал, чтобы шла своей дорогой. Кому я теперь нужен?

Сейчас трудно поверить, что стоял этот загорелый, жизнерадостный человек, как он говорит, «на самом краешке». Но так было. В восемнадцать лет, контуженный в бою под Сандомиром, попал он в госпиталь. Подлечили. Признали нетрудоспособным. А когда вышел из госпиталя, тут и встретилась ему женщина, которую он, озлясь, попросил уйти. Но она оказалась, что называется, посланницей судьбы. Отругала его и велела идти в общежитие финансово-экономического техникума. «Не дойду я...» «Ничего, дойдешь!..» И ведь дошел.

— Словом, стал я учиться в том техникуме... Сто раз хотел бросить. Тяжело было. Ребята мне всяких гантелей, гирь понатаскали, терзали гимнастикой, лыжными походами... Представляете, окреп! Кстати, та женщина оказалась директором техникума. Сарра Григорьевна Гринберг. Вот вам и ступай своей дорогой...

Теперь Евгений Михайлович Жихарев, пожалуй, любого загонит. Не первый день колесим мы с ним по дорогам Владимирщины, километров семьсот накрутил спидометр, а он все не унимается:

— В Муроме в заводскую сберкассу завернем. Интересные там дела! А уж оттуда — к Марии Владимировне Булановой, в совхоз «Приокский». Потом еще в Гороховец...

Жихарев руководит управлением государственных трудовых сберегательных касс Владимирской области. В Москве нам сказали, что эта область одна из передовых по сберегательному делу: планы перевыполняются, и в сберкассе работают люди с чувством нового, с пониманием времени.

— Познакомлю вас с Ольгой Александровной Макаровой,— говорит Жихарев.— Заведует центральной сберегательной кассой Муромского района. А вообще под ее началом сорок шесть сберкасс: двадцать городских и двадцать шесть сельских. В Муроме каждый второй житель района — вкладчик сберкассы. Сумма увеличения вкладов была по плану, скажем, в прошлом году — три миллиона двести тысяч. А вышло — три миллиона восемьсот сорок восемь тысяч рублей!

Евгению Михайловичу ничего не стоит вспомнить походя, сколько операций производится за день в той или иной сберкассе и какова, скажем, средняя сумма вклада, лежащая на сберкнижке в Суздале или Шумилихе... А главное, он хорошо знает своих людей, товарищей по работе. Говорит о них, как о близких друзьях.

Вот завиднелись впереди крыши древнего Мурома, побежала навстречу широкая, совсем еще молодая улица с подростками-саженцами, и нам уже известно, что встретит нас человек немалого житейского мужества, та самая Ольга Александровна Макарова, у которой так хорошо идут дела в сорока шести сберкассах, отстоящих друг от друга порой на десятки километров.

— Машина им обещана,— говорит Жихарев,— да пока не выделяют. А без машины зарез. Побывать надо обязательно и там и здесь. Дело наше такое... Ну, хорошо, когда лето. Теперь представьте себе осень или зиму. Работают у нас в основном женщины: на руках семья, хозяйство. Макарова после смерти мужа троих сыновей поднимала... Была она тогда в сберкассе контролером. И

еще успевала в заочном техникуме учиться. Сейчас старший ее сын, Иван, уже радиотехник, близнецы Андрей и Николай тоже техникум кончают. Внук в школу пошел...

Маленький кабинет заведующей центральной сберегательной кассой. Ольга Александровна, моложавая женщина в белой кофточке, разговаривала с пожилым, глуховатым старичком, который неторопливо и обстоятельно рассказывал, что его внучка, Люся, укатила в Сибирь, поступила там в институт, а он хочет сделать на ее имя перевод части своих денег со сберкнижки.

— Только чтобы она получала каждый месяц понемногу. Молодая ведь, глупая: сразу все возьмет, а потом что?..

Старичок называл заведующую ласково Оленькой. А та удивля-

нас та же картина. Теперь наша задача — оказать максимум услуг вкладчику. Стараемся расширить свои функции. Вы слышали о жодинском эксперименте?

Мы слышали, читали. В чем его суть? Как известно, зарплата выдается два раза в месяц: аванс и под расчет. В дни получек миллиардные суммы изымаются в наличных деньгах из оборота государства. Деньги для этой цели накапливаются в отделениях госбанка, и они неприкосновенны до дней выдачи зарплат. Иными словами, замораживается оборачиваемость рубля. Не говоря уж об очередях за получкой, о неминуемых и весьма значительных потерях рабочего времени. Как следствие неизбежно снижается производительность труда. А на автозаводе в Жодине люди получают зарплату через сберегательные



Мария Владимировна Буланова, заведующая сберкассой в селе Польцо, Муромского района.

Фото Галины Санько.

КОШКОМ СБЕРКАССЫ

лась: неужели Люся стала уже студенткой?.. Мы подумали: встретились, беседуют старые знакомые. И в общем-то не ошиблись. С той лишь поправкой, что таких знакомых у Ольги Александровны и у ее товарищей по работе, пожалуй, большинство вкладчиков сберкассы.

Ушел заботливый дедушка. Ольга Александровна подписала какой-то финансовый документ. Ответила по телефону, что заметка готова, по пути домой завезет ее в редакцию. Посмотрела на нас и улыбнулась:

— Предложили выступить в «Муромском рабочем». За сберкассу письменно и устно агитируем. Лекции читаем.

За тот час или полтора, которые мы провели в кабинете Ольги Александровны, и нам была прочитана интересная лекция. Почему с каждым годом увеличиваются вклады на сберегательных книжках? Почему сберкасса становится необходимой людям? И тут пошел разговор о росте материального благосостояния. У многих, как это и предусмотрено Директивами XXIV съезда партии, заработная плата повысилась. Труженики города явственно ощущают результаты перехода их предприятий на новую прогрессивную систему планирования и экономического стимулирования: образовались фонды материального поощрения, рабочие получают тринадцатую зарплату, премии. А на селе свои приметы: установлена гарантированная оплата труда, увеличены закупочные цены, введены денежные надбавки за плановую и особенно сверхплановую продукцию.

— Конечно, это отражается и в нашей работе,— говорит Ольга Александровна,— идет отдача... Смотрите, нам прислали данные из Москвы: средний размер вклада на лицевой счет в сберкассе вырос по стране за последние семь лет больше чем вдвое! И у кассы. Бухгалтерия перечисляет на лицевые счета заработок и все виды премиальных. Преимущества здесь очевидны. Взять свои деньги со сберкнижки вкладчик может в любой день. Он не тратит на это рабочего времени. Оборачиваемость рубля происходит нормально.

— Безналичный расчет,— говорит Ольга Александровна,— еще одна, очень полезная форма услуг. Решили попробовать это у себя...

И снова — в дорогу. Шоссе сменяется проселком. Мы повернули к селу Польцо. Здесь совхоз «Приокский», точнее, центральная его усадьба. Сберегательная касса разместилась в обычном крестьянском доме. На крыльцо выходит пожилая женщина — Мария Владимировна Буланова. Она тут работает одна. Больше по штату не полагается. Когда четверть века назад пришла сюда Мария Владимировна, остаток вкладов в сберкассе был пятьдесят тысяч, сегодня — более полумиллиона.

До позднего вечера задержались мы в селе Польцо. Встреча с работницей сельской сберкассы, обслуживающей четыре населенных пункта, подарила нам волнующий рассказ о жизни коммунистки, помогла еще глубже понять, почему растет авторитет государственного сберегательного дела в народе.

Мария Владимировна пригласила нас попить чайку с дороги. Она живет в старом отцовском доме. За домом, как полагается, садик: две-три яблони, вишневое дерево, грядки, смородиновые кусты...

Память отца живет в этом чисто прибранном доме. Мы видели почетную грамоту на серой бумаге. Была она выдана более сорока лет назад «борцу за дело коллективизации товарищу Буланову Владимиру Семеновичу» в день, когда он стал первым председателем правления колхоза в Польцо. Дочь его, Маша, была примерно в то же время секретарем комсомольской ячейки, работала в колхозных яслях. Надо думать, заботливо пестовала она ребятишек, если польцовские бабушки, сидя на завалинках, говорили нам: «К Маше приехали? Хорошая женщина, самостоятельная... Девкой еще моих старшеньких воспитывала...»

Пришла война. Осиротело село. Мужики и парни — на фронте, на оборонных заводах. В Польце остались девки да бабы. А хлеб надо государству давать, и молоко, и мясо...

— Сами, бывало, впрягались в плуг,— рассказывала нам Мария Владимировна.— На коровах, помню, зябь поднимали... Меня, тогда совсем ведь девчонку, председателем сельсовета избрали... Хватила хлопот! К нам, в Польцо, эвакуированных детей прислали: надо кормить, разместить да чтобы ласку ребятишки знали, чтоб, кой грех, не болели...

Хранится с военной поры у Марии Владимировны страничка, вырванная из тетрадки. Это ребята, возвращаясь домой, благодарили тетю Машу за сердечное тепло и заботу. Хранится поздравительная телеграмма за успешную реализацию в деревнях сельсовета Государственного военного займа. Хранится благодарность воинов за средства, собранные в колхозах на строительство боевой эскадрильи «Валерий Чкалов»... Вот так и жила коммунистка Мария Владимировна Буланова — с народом, с его бедами и радостями...

За окошко сельской сберкассы Буланова села вскоре после войны.

— Люди-то все свои. Бывало, придешь в дом: «Поросят продавать собираешься?» «Собираюсь...» «Дело хорошее. Деньги, может, ко мне в сберкассу положишь? Или дома будешь держать? Смотри, тебе виднее. Я бы в сберкассу понесла...»

И несли. И оборачивались тысячами и десятками тысяч эти рубли доверия. И строило и строит государство на свободные средства трудовых сберегательных касс дворцы культуры, клубы, кинотеатры, стадионы и солнечные санатории у моря...

Свыше шестидесяти пяти миллиардов рублей, более девяноста двух миллионов вкладчиков! Это в масштабах страны.

— Чудно представить себе, чтобы сберкассы вдруг остановили работу хоть на неделю,— говорит Мария Владимировна,— кажется, жизнь бы замерла... Считайте: все финансовые операции совхоза идут через сберкассу, учителям зарплату роно через нас перечисляет... Скажем, кто на мотоцикл или на машину накопил — опять же мы с торговой сетью рассчитываемся. Срочные, долговременные вклады... Иные родители, как появится ребенок, деньги на него кладут до совершеннолетия...

* * *

Знакомая темно-зеленая вывеска: «Государственная трудовая сберегательная касса»... Вы приходите сюда привычно, не задумываясь над тем, кто они, как живут и как работают, эти люди, кассиры и контролеры, сидящие за окнами сберкасс. Люди эти скромные, трудолюбивые, доброжелательные. И смелые. В любую минуту готовы они с риском для жизни встать на защиту трудового рубля. Случается и такая необходимость. Редко, но случается...

— Ты ко мне, доченька?— спросила Мария Владимировна Буланова девушку, видно, в первый раз нерешительно вошедшую в сельскую сберкассу.— Ну, давай рассказывай, разберемся вместе, что тебе надобно...

Подумалось: вот он, перед нами, человек, неприметно творящий большое государственное дело.

Вне игры

А. ЗУБОВ,

Л. ЛЕРОВ

Рисунки И. УШАКОВА.

Нандор подлил гостю коньяку. Егенс поморщился, но выпил. Потом посмотрел на часы. Было уже далеко за полночь.

— Пора. Я, кажется, несколько отяжелел... Что поделаешь: не те уж годы! Время идет...

Нандор поднял брови, вздохнул и раздумчиво сказал:

— Неправда, Егенс. На Востоке мудрые люди утверждают, что время вечно, оно не уходит. Это мы с вами уходим...

Егенс долго не отвечал, на какой-то миг даже выражение досады мелькнуло на его лице... И тут же он решительно объявил:

— Шеф недоволен твоей поездкой в Карлсбад... Он считает, что ты не добился успеха в главном: тебе не удалось установить нужных контактов с отдыхавшими на этом чешском курорте русскими...

Нандор помрачнел, сжал тонкие губы в ожидании новых упреков. Но Егенс поспешил успокоить «старого друга».

— Не расстраивайся, старик. Шеф уже смягчился. Сейчас, кажется, подумывает, не отправить ли господина Нандора еще раз в Чехословакию. Он все же верит в твой опыт... Наша штаб-квартира прогнозирует быстрое развитие обнадеживающих событий. Ожидаются серьезные социальные катаклизмы, в ходе которых восточный коммунистический блок даст глубокие трещины. И, возможно, ты окажешься в кратере вулкана. Тогда уж не зевай!

Егенс долго разглагольствовал о «кратере вулкана» и явно не спешил уходить. Нандор даже почувствовал, что гость порывается сказать о чем-то сугубо интимном, не имеющем отношения к его миссии инспектора, но не решается...

— Старик...— Егенс произнес это тихо и проникновенно,— у меня тут небольшая партия героина. Я попросил бы...— И протянул маленькую полированную шкатулку.

Нандор все понял, и прежде всего — что можно больше не тревожиться: доклад инспектора будет максимально «объективным».

— Сочту за честь, господин Егенс... Реализуем. Восток без героина не Восток...

И полированная шкатулка перекочевала в стальное чрево несгораемого шкафа, закамуфлированного под стенную панель.

...Через некоторое время Нандор получил телеграмму шефа. Его, Нандора, вызывали в штаб-квартиру. По срочному делу... «Лысый хорошо известен центру». Нандор все понял: значит, его последняя, отнюдь не торговая операция с лысым туристом высоко оценена «вверху»...

РЫЖИЙ ДЬЯВОЛ

— Знакомьтесь, Нандор. Я вам говорил о Медичке.

— Очень рад. Имел удовольствие слышать о вас. Я, кажется, помешал...

— Нет. Мы уже заканчиваем.— И Ольга выразительно кивнула на большой стол, заваленный газетами, журналами, уставленный длинными, узкими ящиками с карточками.

Нандор застал своих коллег погруженными в океан информации. Самой разной. Из самых разных источников. Главным образом из советских газет, журналов, бюллетеней... После тщательного анализа советских научно-технических журналов было высказано предположение, что в СССР ученые активно исследуют проблемы влияния коротких радиоволн на человека и животных. Группе опытных разведчиков было поручено проверить правильность такой гипотезы. Параллельно с этой группой, даже в какой-то мере в помощь ей действовала и та штаб-квартира, на службе у которой находились Егенс, Нандор и Медичка. Егенса особо интересуют «стыки» в работе биологов и физиков. Лысый — он теперь подопечный Егенса — процветает, кажется, на той же ниве... Радиобиология, человек и радиация... Такова пока еще смутная информация о деятельности завербованного когда-то гитлеровцами агента под кличкой «Сократ», неожиданно оказавшегося в поле зрения штаб-квартиры. Здесь довольно тщательно изучили список всех советских подписчиков на некоторые сугубо специальные иностранные издания, включая американский журнал «Миссайлс энд рокитс» — «Управляемые снаряды и ракеты». Среди подписчиков одного на первый взгляд весьма «безобидного» журнала, интересующего в равной мере физиков и биологов, значится и москвич Захар Романович Рубин. Но, пожалуй, не это обстоятельство, хотя и оно немаловажно, побудило штаб-квартиру поручить Егенсу всерьез заняться московским доктором. Его военное прошлое, все эти сохраненные в досье главной штаб-квартиры страницы его биографии, информация Медички и, наконец, сообщение Нандора — вот что возбудило столь повышенный интерес к доктору Рубину. Шеф предложил Егенсу вызвать Нандора и Медичку, чтобы вчетвером проанализировать все известное им по делу Сократа и решить, как действовать дальше.

...Друга своего Егенс встретил радушно.

— Привет, старина! Дай-ка я посмотрю на тебя. Ты прекрасно выглядишь... Хочешь что-нибудь выпить? Присаживайся. В тринадцать ноль-ноль явится шеф, и мы приступим к делу.

Ему, конечно, очень хочется узнать результаты операции «Героин», но мешает Медичка. К тому же сейчас придет шеф. И Егенс сказал:

— Можешь сверять часы, Нандор. Сию минуту он будет здесь.

Старинные часы пробили один раз — и в то же мгновение распахнулась массивная дверь. Порог перешагнул высокий, сухопарый человек с трубкой в зубах. Он молча кивнул в сторону Егенса и Нандора, поцеловал руку Ольги, небрежно бросил пиджак на стул и занял председательское место за столом. Между собой сотрудники звали его «рыжий дьявол»: настолько огненно-рыжей была его шевелюра... Кому-кому, а уж Егенсу хорошо известно, насколько оправданна и другая половина прозвища хозяина... И потому голос его прозвучал почти подобострастно:

— Разрешите начать, сэр?

— Да, прошу вас.— Попыхивая трубкой, шеф с деланно-рассеянным видом уставился в окно, за которым стояли высоченные сосны.

Собранный, энергичный, требовательный, много знающий и много видевший — тридцать лет службы в разведке! — шеф полон сознания значимости своей роли на этом узком совещании четырех. Доклад Егенса об инспекционной поездке к Нандору заинтересовал штаб-квартиру, и теперь надо решать, кого посылать к московскому доктору с «приветом от Воронцова», с «бритвой «Жилет». И шеф хочет снова выслушать подробный доклад Егенса, поговорить с Ольгой, хорошо знающей Москву, москвичей и мир медиков, в частности посоветоваться с Нандором, человеком, который видел Сократа, беседовал с ним. В общем, все трое должны помочь ему ответить на вопросы: «Как установить контакт с Сократом? С чем идти к нему? Привет «от Воронцова» или «от Нандора»? Или и то и другое...»

Егенс понимает, что пищу для ответов на все эти вопросы должен дать его доклад с предложениями, с откровенно высказанными сомнениями, догадками... И плюс Нандор. И плюс Медичка. Пожалуй, это самые вероятные кандидатуры на поездку к Сократу. Их надо сейчас более основательно вводить в курс дела.

— Итак, господин Нандор,— Егенс ведет теперь разговор с коллегой в сугубо официальном тоне,— я уполномочен сообщить, что анализ вашего доклада о туристе Рубине дает обнадеживающие основания...

Но Егенса прерывают:

— Прежде всего анализ этого доклада дает нам основание сделать отнюдь не лестное заключение о работе господина Нандора.— Это раздраженно говорит шеф.— Да, да, Нандор... Вы оказались в той ситуации не очень-то расторопным. Результаты вашего диалога с господином Рубиным могли быть куда более эффективными. Вы опытный мастер своего дела, Нандор, а тут оплошали.

Нандор беспомощно обвел взглядом присутствующих, он словно искал у них поддержки, и в первую очередь, конечно, у Егенса: ведь операция «Героин» чего-то стоит? Но коллега в эти минуты подобострастно смотрит на шефа, на его лице нетрудно прочесть: «Рассчитывай только на себя». И Нандор делает все, чтобы оправдаться:

— Я смею заметить, что у нас были серьезные основания прервать эту операцию. Допустим, что я, продолжив диалог с Лысым, кое-чего мог и добиться, но это потребовало бы много времени... Из-за туриста отход судна задержался бы надолго, и советская контрразведка наверняка взяла бы Рубина на прицел... Мы не имели бы и тех обнадеживающих оснований, о которых, видимо, собирается говорить мой коллега.

— Ну, ну... Допустим, что какая-то доза логики присутствует в вашем объяснении, господин Нандор. Прошу вас, Егенс, продолжайте...— И губы шефа дрогнули в насмешливой улыбке.

— Я позволю снова напомнить,— Егенс продолжал доклад в том же почтительном тоне, все время поглядывая на шефа,— что мы проанализировали доклад господина Нандора и по картотеке Центра проверили данные о Лысом. Там имеется карточка на Рубина по кличке Сократ. Это досье — наши трофеи, в свое время перехваченные у гитлеровской разведки.

...Бутов особенно внимательно читает эти строки сообщения Медички. Здесь каждое слово значимо. В основном все совпадает с исповедью Захара Романовича. Почти все эти факты уже известны советской контрразведке. Есть лишь небезынтересные детали, на которые счел нужным обратить свое внимание и Егенс...

— ...Абвер решил перед отправкой Рубина в Россию проверить его на детекторе лжи, хотя, как известно, в ту пору эта аппаратура была еще далека от совершенства, проводились лишь первые эксперименты. Показатели Сократа оказались ниже среднего. На вопрос: «Вернувшись в Москву, вы явитесь в НКВД?» — последовал ответ: «Нет». Однако кривая кровяного давления при этом резко скакнула вверх. Видимо, немцы не придали значения этой кривой... После переброски Сократа в Москву связи с ним оборвались. По крайней мере в досье нет данных, подтверждающих такие связи. Но вопрос этот остается открытым и даже в какой-то мере загадкой, над которой...

— Ваши соображения?..— Рыжий резко оборвал собеседника, поднялся с места, прошелся по комнате и досадливо поморщился.— Егенс, а вам не приходила в голову такая мысль, что где-нибудь имеется еще одно досье, не попавшее в наши руки?

— Да, сэр... Такой вариант возможен. И мы кое-что предприняли в этой связи. Сейчас ведутся розыски господина Брайткопфа. Если они окажутся успешными, то мы сможем получить ответ на интересующий нас вопрос. Нам, кажется, удалось набрести на след одного из сотрудников абвера, работавшего с Брайткопфом до весны сорок пятого. Мы надеемся...

— Послушайте, Егенс, вы, кажется, долгое время были нашим резидентом в Провансе. Тогда вам должна быть известна тамошняя пословица: «Надежда, как молоко: если ее долго хранить, она прокиснет...» — Голос Рыжего звучал язвительно: — Поймите, Егенс, что мы должны исходить лишь из того, что знаем о Рубине, исходить из того, что бесспорно, и не ставить все в зависимость от успеха розыска господина Брайткопфа.

Рыжий сел на свое место, все с тем же деланно-рассеянным видом уставился в окно и теперь уже не резко, а спокойно, даже несколько любезно повторил:

— Ваши соображения?

— Я попытался проанализировать, почему абвер так и не побеспокоил завербованного агента. Тщательное изучение досье дает основание полагать, что Сократа вербовали с дальним прицелом, на длительное оседание. Это не был агент-скороспелка, которых во время войны немцы забрасывали в тыл русских десятками... И нет оснований считать, что Сократ сам явился в НКВД.

— Почему?

Егенс подошел поближе к Рыжему и склонился над креслом шефа...

— Первое. Русские никогда не доверили бы ему работу в секретном институте, если бы знали все, что произошло с ним в плену. Даже если бы он явился с повинной...

— А вы не думали о другом варианте: Рубин явился с повинной и до сих пор работает по заданиям КГБ.

— Эта версия отпадает: обращаю ваше внимание на запись разговора Рубина и Нандора. Человек, связанный с КГБ, соответствующе про-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—43.



инструктированный, повел бы себя на базаре иначе... Он сам пошел бы на контакт с Нандором. Я посмею сделать вывод: КГБ не знает всех обстоятельств пребывания Сократа в плену.

— Каждый видит то, что хочет видеть...— Обронив эти слова, Рыжий направился к круглому столику. Выпил виски с содовой, помолчал и вдруг задал совершенно неожиданный вопрос: — Послушайте, Егенс, вы же юрист по образованию... Вам, должно быть, знакомо советское уголовное право. Не так ли?

Егенс не ответил, лишь неопределенно мотнул головой.

— Хорошо... Допустим, вы, как юрист, не обязаны знать всех тонкостей советских уголовных законов. Но, как разведчик,— и голос шефа вновь обрел обычную для него жесткость,— вы обязаны знать ту статью советского Уголовного кодекса, которая имеет прямое отношение к нашей работе.

— Я буду благодарен вам, сэр, если вы сочтете возможным напомнить мне ее...

— Извольте.— И Рыжий на память процитировал: — «Не подлежит уголовной ответственности гражданин СССР, завербованный иностранной разведкой для проведения враждебной деятельности против СССР, если он во исполнение полученного преступного задания никаких действий не совершил и добровольно заявил органам власти о своей связи с иностранной разведкой». За последние годы в КГБ все больше приходят люди с повинной — они знают, что если ими не совершено деяние, преступное с точки зрения советского закона, если они только «оступились», как принято выражаться в советской прессе, то их не отдадут под суд...

— Мне это известно, сэр... И эта статья Уголовного кодекса тоже... Законодатель сформулировал в юридической норме нынешнюю практику деятельности советских карательных органов. В ней произошли большие перемены. К сказанному вами я мог бы многое добавить. Наш человек в Москве сообщает, что недавно их контрразведка напала там на след подпольной группы, занимавшейся распространением антисоветской литературы. Руководители группы были арестованы и судимы. Но двое молодых людей, которых пытались завербовать в эту организацию, остались на свободе. Их не судили. Однако в тот научный институт, где они работали, приехал работник КГБ и, выступив на общем собрании, рассказал о деяниях двух молодых научных сотрудников, сидевших в это время в зале. И там их судили. Их же друзья, коллеги... У русских это называется общественный суд, а у чекистов — профилактика. Как видите, сэр, я в курсе новых веяний в практике советских карательных органов.

Рыжий, все время смотревший в окно, резко повернулся в сторону Егенса.

— Так какого же черта вам не придет в голову такая, отнюдь не оригинальная мысль: «наш» московский доктор тоже знает об этих новых веяниях, да, да, тоже знает, что теперь в КГБ человека с повинной встречают не так, как во время войны. А происшествие в лавке Нандора... Господь бог не обделил Захара Романовича Рубина житейской мудростью,— он догадывается, что чекисты могут узнать о случившемся из других источников. И тогда вся эта история обернется для Рубина не лучшим образом. Вот он и мог опередить эти поиски, явиться в КГБ сам. Что вы скажете по этому поводу, господин Нандор? Нам важно знать ваше мнение. По существу...

Нандор польщен, он многозначительно смотрит то на Рыжего, то на Егенса. Вся эта история с лысым туристом, кажется, подняла пошатнувшийся было престиж его фирмы. И сейчас, пожалуй, самый подходящий момент высказать несколько соображений общего порядка об активизации деятельности возглавляемого им филиала штаб-квартиры, о рентабельности затрат. Но Рыжий пристально смотрит на него и настойчиво повторяет: «По существу...» А по существу ему хотелось бы сказать, что психология человека мелкого, слабовольного, охваченного страхом иногда побуждает его действовать вопреки элементарным законам логики, а порой и во вред себе. Он, Нандор, уверен, что турист накрепко схвачен им и потому в КГБ не пойдет. Так что, будьте уверены: со временем он, Нандор, заслужит благодарность — завербовал агента! Конечно, Нандор понимает, что, трезво оценивая ситуацию, нельзя не согласиться с предположением шефа. И потому о своей уверенности в успехе он лишь думает, а вслух.. Он, конечно, поддержит шефа...

— Пожалуй, что и такой вариант не исключается...

Рыжий тут же подхватывает:

— Вот именно. Не исключается... Что нам известно о нынешнем образе жизни доктора Рубина? Что скажете, Егенс?..

— К сожалению, сэр, мы слишком мало знаем о жизни Сократа в наши дни. Хотя в последние годы он вновь проходил по некоторым нашим картотекам. И отнюдь не в связи с обстоятельствами, которые нам уже удалось установить. Источники были разные. Один из них вам знаком, сэр.

— Да, конечно...— И Рыжий, привстав со стула, отвесил поклон в сторону Медички. Она ответила ему приятной улыбкой, спросила:

— Есть ли необходимость в моем подробном докладе?

— Я читал сообщения мисс Ольги из Москвы... Благодарю вас, мисс, за эти сообщения. Но я все же попрошу господина Егенса коротко сформулировать их. Для полноты картины. К тому же Нандор... Он тоже должен знать все детали...

Егенс постарался быть максимально кратким.

— Сократ оказался в списке двадцати москвичей, на которых Медичка...— извините, мисс Ольга,— дала нам свою разработку. Первая же ее информация о Рубине вызвала некоторый интерес штаб-квартиры... Медичка характеризовала его — позволю себе процитировать досье — как «человека гнилого», которого без особого труда можно «свалить»... Получив эти данные о Рубине, мы стали искать его в картотеке № 15...

Егенс достал из папки листок бумаги и прочел: «Большой круг знакомых. И медиков и актеров. Среди них друзья покойной жены и друзья ее друзей. В доме бывают два литератора, фамилии которых установить не удалось. За гостеприимство они расплачиваются всякими литературными сплетнями»...— Егенс умолк и вопросительно посмотрел на Рыжего.

— У вас есть вопросы?

— Да, вопросы есть, но уже не к вам, Егенс.— Хотелось бы знать, мисс Ольга, вы лично встречались с доктором Рубиным? Как он попал в поле вашего зрения?

— Я была на его публичной лекции. После нее молодежь горячо обсуждала, в какой мере реальна та картина будущего, которую он нарисовал. Среди участников этого оживленного разговора оказался студент, хорошо знавший и доктора Рубина и его дочь Ирину. Мы вместе возвращались домой. Он пригласил меня в кафе-мороженое. Съели мороженое, выпили сухого вина. Мой кавалер чуть охмелел и долго рассказывал сначала об Ирине, потом о ее папе, точнее, об отчиме... Мы потом встречались с ним и как-то в воскресенье оказались у Ирины в гостях. За столом был и доктор Рубин.

— Какое впечатление он произвел на вас?

— Веселый, жизнелюбивый человек, которому, несмотря на его почтенный возраст, многого хочется...

— Совсем из другого источника,— продолжил рассказ Медички Егенс,— мы получили дополнительные данные об образе жизни доктора Рубина, о его настроениях, о людях, близких к нему. В общем-то эти данные подтверждают характеристику, которую дала Сократу мисс Ольга,— «гнилой человек». Смею добавить: перспективный для нас человек. В ходе застолья любит пофилософствовать о жизни на советской земле и от замечаний, касающихся частных недостатков, иногда переходит к довольно широким обобщениям. Я хочу обратить ваше внимание, сэр, на удивительные совпадения: обобщения эти в какой-то мере перекликаются с теми, которые наше пресс-бюро дает радиостанции «Свобода». Зафиксирован его доверительный разговор в узком кругу друзей, резкие суждения по поводу некоторых аспектов советского образа жизни.

— Кто источник информации? Степень достоверности? Степень близости источника к Сократу?

— Степень достоверности? Вы задали сложный вопрос, сэр. Но согласитесь, что мы далеко не всегда можем быть абсолютно уверены в достоверности информации наших людей. Что поделаешь... Кто любит огонь, должен терпеть дым. Это, между прочим, тоже французская пословица...

— Служба во Франции многому научила вас, Егенс... Но вернемся к источнику информации. Кто он?

— Я уже обращал ваше внимание, сэр, на то, как порой перекрещиваются направления наших контактов. Я имею в виду источники, поставляемые нам «свободолюбцами».

— Не очень это рентабельное предприятие,— возразил Рыжий.— Их люди, подготовленные на наши деньги, в последнее время проваливались чаще, чем следовало ожидать. Эти «освободители России» доверчивы, как дети. Кто-то прислал им из Москвы письмо с благодарностью за полученную от них литературу, а они уже подбрасывают его нам как «глубоко законспирированного агента». Ну-ну... Продолжайте, Егенс...

— Я разделяю ваше негодование, сэр. Инспектируя господина Нандора, я тоже счел нужным предостеречь коллегу от неосмотрительных сделок с людьми, принимающими желаемое за действительное. Но я смею заверить вас, сэр, что мы с должной осторожностью отнеслись к рекомендованному нам молодому человеку. Его фамилия Глебов.

— Мы имеем досье на Глебова?

— Да, сэр. Прошу вас...— И Егенс протянул шефу папку.— Здесь немного информации, сэр. Но я мог бы дополнить, прокомментировать...

...Бутов листает фотокопии страниц глебовского досье и вспоминает сообщения Михеева о его первой беседе с Ириной, ее рассказ о Глебове. Бутов прослушивает записи этих бесед, перечитывает материалы, изъятые при обыске автомашины покойного Глебова и его комнаты, анализирует ход событий по времени — именно в то утро, когда доктор Рубин узнал о гибели инженера, он и отправился в КГБ. Случайное совпадение? Возможно. Но теперь Бутову ясно: он не ошибся, когда протянул нить от Глебова к Рубину. Пусть тонкую, сомнительной прочности нить, но нельзя было не включить ее в запутанную схему запутанных связей Захара Ро-

Нина ЦАГОЛОВА

* * *

В полях уже уснули травы.
Вожак готовит перелет.
Березка, друг мой,
златоглава,
В осеннем золоте плывет,
Идет к венцу...
А я у пожни
Все думу думаю одну.
И, словно в душу, осторожно
Роняют листья тишину.

* * *

Все наяву. Мне снова снится
Лесной причудливый пейзаж:
Ручная белка и синица,
И снег в глаза — как бы мираж.
Иду по следу за тобою,
В душе ликуют соловьи.
Ты назови меня судьбою,
Своей любимой назови.

* * *

Памяти матери

Было ль так?
Да, было, помню, помню:
В кирзовых солдатских сапогах
Ты косила на Гашковой пожне
И упала, руки разметав.
Ты упала в почерневший клевер,
Пот с лица катился, как горох.
И умолкнул травостойный Север,
В наступившей тишине оглох.
И вонзилось острие литовки
В грудь земли, где клевера волна,
Словно штык откинутой винтовки,
Хоть и не окончена война...

мановича. И вот фотокопия досье инженера Глебова. И комментарии Егенса...

Что известно противнику о нем, что его связывало с Рубиным и почему он попал в сферу внимания Дюка? А неотправленное письмо к другу? Кто он, его друг?.. Эти и многие другие вопросы возникали у Бутова, пока он листал досье.

...Инженер-строитель Василий Глебов был еще молод, но о нем уже говорили как о специалисте вдумчивом, дерзающем. После вуза направили в проектный институт. Проработал он там недолго и попросился на стройку.

Отец, крупный геолог, большую часть года проводил на Севере, в экспедициях. Сын оставался под опекой матери, потомственной учительницы. В доме Глебовых полный достаток. Отец Василия зарабатывал много, но воспитание сына передоверил супруге. А мать Василия верила в талант сыночка и в те нравственные начала, что были заложены в нем с детства. Увы!.. Она не учла, что и на хорошем фундаменте иногда поднимается убогое здание. Отличный педагог в школе, мать оказалась беспомощной воспитательницей сына... Татьяна Петровна по-матерински снисходительно относилась к болезненному самомнению, самовлюбленности горячо любимого Василька, к тому, что в кругу своих сверстников ее Вася считал себя выше всех...

Ко времени описываемых событий отец умер, а мать стала пенсионеркой и коротала свой век с холостым сыном в богатой трехкомнатной квартире. От отца Василий Глебов унаследовал энергию и трудолюбие, а от матери — интерес ко многому, что лежит за пределами его узкой специальности. Василий оказался не только одаренным инженером... Он писал стихи, хорошо знал современную литературу. Разбирался и в музыке и в живописи... Как и его покойный отец, покупал картины. Любил потолкаться в магазинах, берущих на комиссию картины из частных собраний.

В кругу друзей Глебов слыл человеком увлекающимся, легко поддающимся эмоциям. Молодому жизнелюбцу явно не чуждо желание прихвастнуть, блеснуть в обществе особым, идущим вразрез с общепринятым взглядом на какие-то социальные события, явления. Эту «особую» точку зрения он формулировал туманно, но с претензией на многозначительность, подчеркивая свое превосходство над «серой толпой стандартно мыслящих»... В компании Глебов любил доверительно, невзначай обронить: «Читал, братцы, повесть... В рукописи... Ни в одном журнале не приняли... А написано-то как!..»

С Веселовским, однокашником по институту, Глебов встретился случайно, в ресторане, на свадьбе общего знакомого.

— Что строишь, друг? Где промышляешь? — небрежно спросил Вася.

Веселовский сначала «напустил тумана»... Понять, где он работает, было нельзя. Но после четвертой рюмки стал словоохотливее и внес ясность: с дипломом инженера промышлял сначала в каком-то промкомбинате техноруком, а сейчас числится техническим директором комбината, процветающего на рекламном поприще.

После цыплят-табака гости шумно поднялись с мест — потанцевать, размяться... Оказавшись вместе с Владиком Веселовским в кругу молодежи, Глебов по обыкновению вышел на любимую орбиту: «Читал, братцы, повесть...» И пошло... Интереса к «повести» не проявили, и лишь Владик, кажется, по достоинству и весьма высоко оценил его высказывания... Он отвел Глебова в укромный уголок и, оглянувшись по сторонам, шепнул: «Есть о чем потолковать... Я, между прочим, тоже за такую литературу. Вместе пойдем домой... Договорились? О'кэй!». И тут же отошел в сторону, примкнув к шумной компании, обсуждавшей перипетии вчерашнего большого футбола.

Было уже совсем поздно, когда они возвращались со свадьбы. Владик предложил не спешить с поисками такси. Сдержанно, но уже без всяких туманных намеков он поведал свою тайну: интерес к «пикантной», как он выразился, литературе свел его с неким Дюком, иностранцем, аспирантом МГУ...

— Занятный тип. Учится у нас в порядке культурного обмена. Любит весело провести время, имеет деньги и считает, что на грешной планете все можно купить и продать. И то самое чтиво... Говорит, что политика его не интересует. Однако учти: он не такой уж добрый малый. Услуга за услугу.

Расстались они почти на рассвете, договорившись встретиться у Владика дома в ближайшую субботу вечером.

— Приходи, познакомлю с Дюком. Может, что и оторвешь.

Дальше события развивались не очень быстро. Ни Владик, ни Дюк не форсировали их. Обработка новичка велась исподволь, и сначала Глебову казалось, что и Владик и Дюк действуют на чисто коммерческих началах. Он как должное принял, когда однажды ему пришлось уплатить Владику солидную сумму денег за «пикантную рукопись», а что касается «услуги за услугу», то в меру своих возможностей он, конечно, готов ответить. Хотя возможности у него ограниченны. Как-то один из сослуживцев тайком, из рук в руки, с тысячью всяких предупреждений и оговорок, дал ему кое-что почитать на вечер. Но Владик позаботился о технике быстрого размножения рукописи... «Это уж не твоя печаль, старик»,— говорил он Васе. Так в руки Владика попали взятые Глебовым «на вечер» рукописные опусы не очень-то известного литератора плюс стенограмма какого-то закрытого диспута. У Глебова и в мыслях не было, что Дюк за все это щедро расплачивается с Владиком дорогими сувенирами. Иногда, правда, у него возникали смутные догадки: фирма «Дюк — Владик», видимо, предприятие не только коммерческое... И хотя он тотчас отмахивался от таких догадок, Владик то и дело возвращал его к ним. Однажды он дал Глебову листок бумаги с двумя адресами: «Подарок от Дюка. Если пожелаешь получить Авторханова, пошли по одному из этих адресов открытку».

— А кто такой Авторханов?

— Вася, как тебе не стыдно?.. Считай, что ты не задавал такого вопроса... Эрудит первого класса, и вдруг — кто такой Авторханов...

Веселовский восторженно говорил о «гениальном теоретике», но в «детали» не вдавался. «Детали» — Авторханов предатель Родины, расстреливавший советских людей, бежавший вместе с эсэсовцами на Запад,— остались «за кадром»...

— Тебе надо обязательно почитать его «Технологию власти». Только не вздумай действовать в открытую. Напиши по этим лондонским адресам, что напоминаешь об обещанном лечебном препарате. И подпишись — Афанасий Крылов. Дальше не твоя печаль, старик. Все будет о'кэй! А листок этот подальше спрячь.

Листок с адресами Глебов спрятал подальше и тогда же решил, что в Лондон писать не будет: «Есть рубеж, переступать который все же не стоит...»

ДЮК ПЕРЕДАЕТ ЭСТАФЕТУ

...Вот уж второй час Рыжий совещается с Егенсом, Нандором, Медичкой, но по-прежнему еще не все им ясно...

— Послушайте, Егенс, перед тем как посылать человека в Москву, я хочу узнать о Рубине то, что до сих пор не знал, или то, что знал, но в другом ракурсе. Операция Дюк—Глебов кое-что внесла новое. И тем не менее...

Операция Дюк—Глебов! Егенс не без чувства профессиональной гордости только что докладывал о ней Рыжему...

— Вы были правы, сэр, когда сетовали по поводу «гнилого товара», который иногда подбрасывают нам здешние «русские патриоты». Но на сей раз «товар» оказался не совсем плохим. Дюк установил контакты с двумя молодыми инженерами. Оба очень перспективны. Один уже, собственно, созрел для дела. Его все знают как Владика. Фамилия — Веселовский. Дюк связал его непосредственно с нами. А другой — Глебов... С этим еще придется работать. Но уже сейчас оба они могут быть использованы нами для активного внедрения в дом доктора Рубина. Оба бывали у него, знакомы с его дочерью Ириной. На ком же остановить выбор? Вот задача... Я решил ее в пользу Глебова. Дюк сообщал, что Ирина хотя и знакома с Веселовским, но мнения о нем плохого и потому всячески старается отвадить от своего дома. Она терпит его общество лишь постольку, поскольку он со школьной скамьи дружит с ее будущим мужем, Сергеем. И мы с Дюком решили поручить Рубина Глебову.

— Есть еще одно важное соображение в пользу Глебова: у Рубина и Глебова общее увлечение — картины... У доктора в кабинете картинная галерея, и он усердно старается пополнять ее. А Глебов в этом отношении человек полезный.

Тогда же была разработана легенда... Дюк, которому Глебов кое-чем обязан, просит его оказать пустячную услугу... В Москву в длительную научную командировку должен приехать дядя Дюка — медик, ученый, который занимается исследованиями в той же области, что и доктор Рубин. Ему будет предоставлено право выбрать руководителя своей длительной научной командировки в СССР. И заочно дядя остановился на Рубине. Так вот, не сможет ли Глебов поближе познакомиться с Захаром Романовичем, чтобы он, Дюк, смог проконсультировать своего дядю: не ошибся ли тот в своем выборе? Речь ведь идет о довольно долгой совместной деятельности двух ученых... Глебов согласился. Операция прошла успешно. К тому же у Глебова и Рубина оказалось нечто общее — пристрастие к той самой литературе, которую Владик деликатно обозначал словом «пикантная». Наконец, было еще одно обстоятельство, в немалой мере облегчавшее задачу Глебова: он, кажется, всерьез увлекся Ириной. И это при явно благосклонном отношении Рубина.

— ...Как видите,— заключает эту часть своего доклада Егенс,— мы получили достаточно подробную справку о жизни и деятельности Сократа...— И Егенс выжидательно всматривается в лицо Рыжего. Да, кажется, шеф доволен. И даже говорит сейчас об этом:

— Неплохо сработано! Вот только...— Шеф делает паузу, желая, видимо, придать особое значение тому, что скажет сейчас.— Послушайте, Егенс, и все же вам не приходит в голову такая мысль: не водит ли Сократ за нос Дюка? Вот именно, за нос... Действует по заданию чекистов. Мы должны с вами принять столь важное решение, что не имеем права игнорировать любое предположение.— И он уставился своими большими глазами в Егенса.— Вы можете передать Дюку в Москву...

— Нет, сэр. Не могу... Дюк вынужден был покинуть Москву при обстоятельствах...

— Провалился?

— Да, сэр. Связался с не очень надежным парнем. Я вам говорил о нем... Сергей Крымов... Молодой человек заинтересовал чекистов, при первом же разговоре со следователем раскис и выложил все начистоту. Дюку дали два дня на сборы. Но он сумел оторваться от чекистского «хвоста» и передать эстафету Владику Веселовскому...

— Глебов знает о случившемся с Дюком?

— Думаю, что нет, сэр. Веселовский предупредил Сергея Крымова: «О Дюке никому ни гу-гу... Даже Глебову...»

— Откуда у вас эта информация? Ведь Дюка нет в Москве...

— Сразу два источника. Первый — сам Дюк. Глебов в качестве туриста приезжал в Прагу и встречался там с ним. Дюк затащил его к себе в гостиницу и деликатно «прощупал», что русскому известно о нем. И убедился: Глебов не знает истинных причин отъезда из Москвы иностранца-аспиранта. Полагает, будто тот окончил курс занятий. На прощание Дюк подарил Глебову дорогой сувенир и сказал ему следующее: «Это от моего дяди... В благодарность за любезное внимание. К сожалению, поездка дяди в Москву отсрочена. И тем не менее он будет рад всякой информации, касающейся будущего руководителя его работ». Глебов и Дюк расстались по-дружески, обменялись адресами.

— Это один источник. А другой?

— Веселовский... Через Дюка. С Глебовым Веселовский встречается, когда тот бывает в Москве и приходит к доктору Рубину.

Кажется, все сказано, все выяснено и пора принимать решение. Но Рыжий не спешит. Вытянув длинные ноги, он угрюмо смотрит на носки своих до блеска начищенных ботинок. «Кого же послать в Москву? Нандора? Нет, его, пожалуй, надо приберечь для второго захода. На первый раз рискованно. К тому же так и остался открытым вопрос: как поступил Рубин после истории на стамбульском базаре — сообщил в КГБ или нет? Если сообщил, то Нандору нельзя показываться в Москве. Медичка?.. Эта хорошо знает Москву, москвичей. Но нет ли за ней «хвоста»? Пожалуй...»

— Послушайте, Егенс... А не кажется ли вам, что для установления первого контакта с Рубиным самая подходящая кандидатура — вы. Не приходило вам это в голову?

— Да, сэр... Я готов, сэр...

Рыжий попрощался с коллегами и уже хотел было выйти из комнаты, но в дверях остановился и откашлялся. Егенс знал эту манеру шефа. И, поднявшись с места, почтительно склонил голову: «Да, сэр...».

— Послушайте, Егенс, как, по-вашему, Глебов не догадался, что история с дядей Дюка — блеф?

— Думаю, что нет, сэр... Его перепроверят, сэр...

— Господин Глебов нас интересует, так сказать, в плане более отдаленном. И нам надо знать, в какой мере можно рассчитывать на него в будущем...

— Я предусмотрел этот вариант, сэр. Веселовскому через Дюка поручено держать Глебова в поле зрения...

Продолжение следует.



ПОЗЫВНЫЕ — ФиС

Исполнилось полвека физкультурному издательству. Нам трудно переоценить его деятельность в пропаганде физической культуры и спорта, во внедрении их в быт советского народа.

Продукция издательства рассчитана на все возрасты. Тут и популярные брошюры по комплексу «Готов к труду и обороне» и серьезные научные исследования по физиологии, биомеханике, психологии и другим сложнейшим проблемам спорта. Издательство «Физкультура и спорт» выпускает учебники для студентов физкультурных вузов — будущих преподавателей и тренеров и сборники рассказов известных писателей, мемуары олимпийских чемпионов и книжки из серии «Твой первый старт», которыми зачитываются школьники. Поистине неохватно поле деятельности издательства, немыслимо представить себе физкультурное движение в нашей стране без томиков с маркой ФИС.

Первые книги издательства ВСФК — Высшего совета физической культуры при ВЦИКе РСФСР, основанного 6 ноября 1923 года, давно уже стали библиографической редкостью. Тоненькие брошюрки из «Библиотеки физкультурника» или сборник научно-теоретических работ с предисловием наркома здравоохранения Н. А. Семашко сейчас можно найти только в книжных хранилищах. Перелистывая тематический план издательства на 1974 год, включающий свыше сотни названий, я невольно вспомнил 1928 год, время моей спортивной юности, когда я искал ответы на многие волнующие вопросы в книгах ФИСа. В то время издательство выпустило всего семнадцать книг. А вот другая цифра: шесть тысяч названий книг за пятьдесят лет работы ФИСа.

Книги с маркой «ФИС» широко распространены за рубежом. Их читают в социалистических странах, переизают на Западе и на Востоке. Мне довелось увидеть в Японии лишь в одном издательстве около 300 наших книг по физкультуре и спорту, изданных на японском языке.

Большим спросом пользуются альманахи издательства — «Ветер странствий», «Охотничьи просторы», «Рыболов-спортсмен». Широкое признание получили информационно-пропагандистские издания — альбомы «Москва приглашает», «Наш хоккей», справочная литература, выпущенная к Спартакиадам народов СССР, к Олимпиадам в Гренобле и Саппоро, Мехико и Мюнхене, к Универсиаде.

Велик удельный вес литературы, пропагандирующей новый комплекс «Готов к труду и обороне СССР». Тиражом в 3 миллиона экземпляров издательство выпустило книги и брошюры на эту актуальную тему. Одного миллиона экземпляров каждый месяц достигают тиражи периодических изданий. Журналы «Физкультура и спорт», «Легкая атлетика», «Теория и практика физической культуры», «Спортивные игры», «Шахматы в СССР» пользуются неизменным вниманием читателей.

Физическая культура в нашей стране стала неотъемлемой частью всеобщего культурного подъема советского народа. Мастерство советских спортсменов, массовый размах физкультурного движения в СССР привлекают к себе внимание всего мира. И полувековая плодотворная деятельность издательства ФИС, юбилей которого мы отмечаем, во многом способствовала нашим успехам.

Николай ОЗОЛИН,
заслуженный мастер спорта,
доктор педагогических наук

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

ПОПРАВКА К ПЕСНЕ

Так было озаглавлено интервью с директором завода «Днепроспецсталь» Героем Социалистического Труда К. С. Ельцовым, опубликованное в № 26 «Огонька» за 1973 год. В нем поднимался вопрос о причинах, сдерживающих увеличение производства качественных сталей в стране, в частности, говорилось о том, что Новосибирский завод электротермического оборудования не в состоянии сегодня обеспечить специальными печами металлургические заводы.

В редакцию пришла телеграмма из Новосибирска: «Большим интересом прочли интервью данное директором завода Днепроспецсталь Ельцовым корреспонденту журнала «Огонек» Куликовской. Интервью поднимается вопрос большой государственной важности. Считаем постановку вопроса правильной. Директор завода электротермического оборудования Муха».

Редакция получила также письмо заместителя министра электротехнической промышленности СССР Г. П. Вороновского. В нем говорится: «Минэлектротехпром подтверждает правильность позиции тов. Ельцова К. С. о необходимости увеличения производственных мощностей Новосибирского завода электротермического оборудования (НЗЭТО), чтобы обеспечить отечественную промышленность электропечами для качественной металлургии.

В целях расширения мощностей по производству электротермического оборудования Минэлектротехпромом подготовлен специальный проект. Им, в частности, предусматривается значительное увеличение мощности новосибирского завода».

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Туркменский писатель. 7. Курорт на берегу Черного моря. 8. Действующее лицо оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». 10. Оттенок звучания. 12. Басня И. А. Крылова. 14. Самый быстрый бег лошади. 15. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 16. Изменение скорости химической реакции. 17. Приток Волги. 18. Цифровая оценка успехов учащихся. 20. Город в Австрии. 22. Пьеса В. Маяковского. 23. Порт в Италии. 24. Персонаж романа Л. М. Леонова «Русский лес». 25. Линейка или циферблат с делениями в различных приборах. 27. Планка для рам и карнизов. 28. Сильный вихрь. 29. Отвесная прямая линия.

По вертикали: 1. Хищная птица семейства ястребиных. 2. Река в Бразилии. 3. Столица Нигерии. 5. Морская промысловая рыба. 6. Помещение на судне. 9. Смычковый инструмент. 11. Великий русский поэт. 13. Северная область Земли. 14. Русский архитектор XVIII — XIX веков. 19. Автор статуи «Аполлон Бельведерский». 21. Регулятор в часовом механизме, заменяющий маятник. 22. Областной центр в Узбекистане. 25. Оконная занавеска. 26. Штат в Индии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

По горизонтали: 4. Бажов. 8. Кинетика. 9. Скоморох. 10. «Арион». 11. Вихрь. 12. Строп. 15. Апорт. 16. Тикси. 17. «Манон». 18. «Кукла». 19. Горностай. 20. Нерис. 23. Пикша. 25. Киоск. 27. Линза. 28. Парта. 29. Драва. 30. «Молох». 31. Волнушка. 32. Антрацит. 33. Копье.

По вертикали: 1. Баталист. 2. Фокстрот. 3. Ксенофан. 5. Тростник. 6. Лигроин. 7. «Колобок». 13. Водород. 14. Украина. 21. Русанов. 22. Скотинин. 23. Панорама. 24. Калория. 26. Корсаков. 27. Лавуазье.

На первой странице обложки: Эвенкия. Выступает ансамбль «Осиктакан» («Звездочка»).

На последней странице обложки: Буровая на берегу Подкаменной Тунгуски.

Фото А. Награльяна.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Е. ПУЗАНОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление И. К. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 8/X-73 г. А 00141. Подп. к печ. 23/X-73 г.
Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Изд. № 2418. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1223.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

В. ВИКТОРОВ
Фото А. НАГРАЛЬЯНА.



В НЕБ

Парашютодром — нечто среднее между аэродромом и стадионом, место, где тренируются и состязаются люди, для которых небо — спортивная арена. Даже старт берут они на высоте, достигающей трех тысяч метров, и лишь финишируют на земле. Да, все это так, но, ступив на просторы парашютодрома в Орджоникидзе, куда съехались для последних тренировок перед чемпионатом страны наши лучшие парашютисты, мы могли сразу же убедиться в том, что воздушные спортсмены, чтобы чувствовать себя в небе как дома, не жалеют сил для тренировок на земле.

С этого утверждения и началась наша беседа с тренером сборной команды СССР, абсолютным чемпионом страны 1972 года, заслуженным мастером спорта Владимиром Гурным.

— Десять лет назад тренировочный день парашютиста ограничивался всего тремя прыжками, теперь же случается, что мы поднимаемся в небо и по пятнадцать раз и не считаем это пределом,— сказал нам Гурный.— Но для этого парашютист должен пройти серьезную физическую подготовку, а проводить ее можно, конечно, только на земле. В 1962 году я окончил институт физической культуры в Минске и пришел в сборную не как парашютист, ведь тогда на моем счету было всего двести прыжков, а как инструктор по физической подготовке. И вот, занимаясь с парашютистами на земле, я сам постепенно втянулся в тренировки и стал старательным их учеником в воздухе.

Такова взаимосвязь земли и неба в парашютном спорте, и должен заметить, что значение земли все возрастает. Два года назад по предложению венгерских парашютистов впервые были проведены совершенно новые соревнования, в которые входили, кроме прыжков, плавание вольным стилем на 100 метров, стрельба из малокалиберной винтовки и бег на три тысячи метров. Так возникла новая разновидность парашютного спорта — многоборье. Воздушные спортсмены состязаются теперь не только в небе, но и на земле.

Интересно отметить, что победители двух соревнований по многоборью советские парашютисты Владимир Лукомский и Виктор Ершов включены в состав сборной команды СССР, что является пределом мечты для каждого молодого парашютиста. Ведь сборная команда добивалась выдающихся побед и начиная с 1954 года советским парашютистам не раз вручались золотые медали и за личное и за командное первенство...

Мы знали, что Владимир Гурный сам неоднократно участвовал в мировых чемпионатах, был чемпионом мира по воздушной акробатике и теперь в сборной является как бы связующим звеном между ветеранами и молодежью. Тем и сильна сборная команда, что на смену уходящим сразу же приходят хорошо подготовленные молодые парашютисты. Николай Ушмаев, завоевавший на первенстве страны 1973 года золотую медаль по акробатике и ставший абсолютным чемпионом, и Борис Леонов, победивший в прыжках на точность приземления, тоже опытные парашютисты, но они моложе Владимира Гурного, а вслед за ними на воздушной арене появились Валентин Мащенко, Юрий Чернов, Валерий Карпезо, Владимир Тарасов.

Еще со времен Валентины Селиверстовой, блестяще выступившей на чемпионате мира 1954 года во Франции, советские парашютистки славятся своим мастерством. Одна из самых опытных — Мая Костина — продолжает выступать до сих пор, а рядом с ней заняли места в сборной Наталия Сергеева, Светлана Родионова, Светлана Старикова, Александра Швачка. В Орджоникидзе на чемпионате страны Александра Швачка завоевала абсолютное первенство.

На парашютодроме мы смогли познакомиться с буднями советских парашютистов, наблюдать за их прыжками, видеть, как они осваивают воздушную акробатику и искусство точности приземления в центре круга. А совершив очередной прыжок, они тут же быстро укладывали свои «УТ-15» — парашюты, которые славятся на весь мир, и снова направлялись к самолету.

С земли за ними внимательно наблюдали тренеры, одни с помощью оптических приборов фиксировали малейшую неточность при исполнении акробатических прыжков, другие — безошибочность приземления. А вечером парашютисты собирались около экрана, чтобы посмотреть на самих себя в воздухе. Это их товарищи, парашютисты-кинооператоры Лев Залысин и Юрий Соболев предоставили им такую возможность. Вместе со спортсменами кинооператоры совершают самые сложные прыжки и в свободном падении фиксируют действия парашютистов на пленку...

За последнее время многие технические новшества все шире используются в парашютном спорте, и, видимо, недалек тот день, когда зрители смогут увидеть на огромных экранах, установленных на парашютодроме, все малейшие детали борьбы, которые парашютисты ведут в небе. И тогда парашютный спорт станет таким же захватывающим зрелищем, как хоккей или гимнастика...

Владимир Гурный на своем тренерском посту.








Александра Швачка (слева), абсолютная чемпионка СССР 1973 года, и Владимир Тарасов в свободном падении.

Е, КАК ДОМА

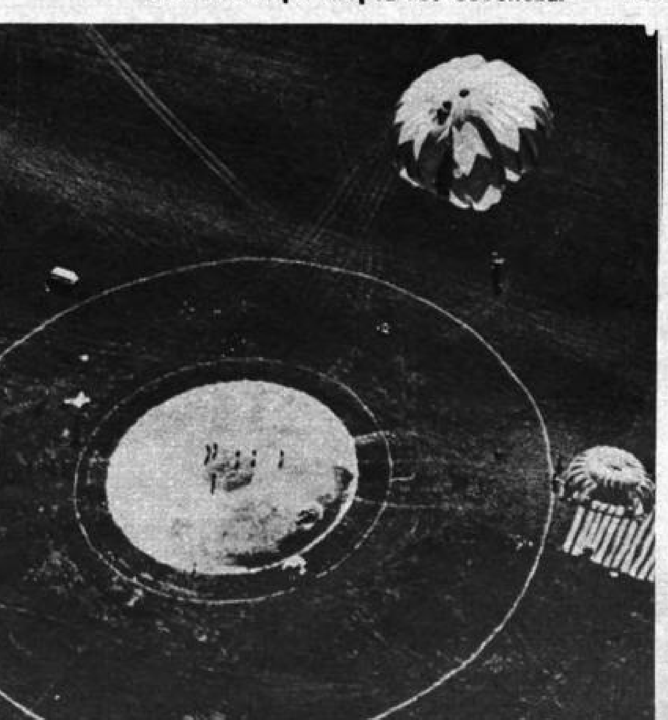
Очередной прыжок закончен.



Прыжок на гимнастической трапеции.



Прыжки на точность приземления.
Фото мастера спорта Ю. Соболева.



Парашютист-кинооператор Лев Залысин.




Цена номера 30 коп.
Индекс 70663